

Автономная некоммерческая организация содействия
развитию современной отечественной науки
Издательский дом «Научное обозрение»

**НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ:
вопросы юриспруденции, филологии,
социологии, политологии,
философии, педагогики, психологии,
истории, математики, медицины,
искусства и архитектуры**

МАТЕРИАЛЫ

Международной научно-практической конференции

г. Москва, 14 декабря 2013 г.

Москва
ООО «Буки Веди»
2013

УДК 5(082)+61(082)+3(082)+80(082)+1(082)

ББК 2я43+5я43+6я43+74я43+8я43

Н34

Редакционная коллегия:

Васильева М. В., д-р экон. наук, доцент, генеральный директор АНО содействия развитию современной отечественной науки **Издательский дом «Научное обозрение»**, г. Москва, Россия;

Васильев И. В., директор по развитию АНО содействия развитию современной отечественной науки **Издательский дом «Научное обозрение»**, г. Москва, Россия;

Крохина Ю. А., д-р юрид. наук, профессор, директор НИИ Счетной палаты Российской Федерации, г. Москва, Россия;

Коротаева Е. В., заведующая кафедрой педагогики и психологии детства Уральского государственного педагогического университета, д-р пед. наук, профессор, действительный член Академии педагогических и социальных наук, г. Екатеринбург, Россия;

Мельник В. Н., д-р экон. наук, профессор, проректор по научной работе Европейского университета, г. Киев, Украина;

Ancha Baranova, Ass. Professor, School of Systems Biology, George Mason University, USA;

Ракин А. В., д-р биол. наук, профессор, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Max von Pettenkofer Munich University LMU), г. Мюнхен, Германия

Рекомендовано к опубликованию Программным комитетом

Международной научно-практической конференции
«Научная дискуссия: вопросы юриспруденции, филологии,
социологии, политологии, философии, педагогики, психологии,
истории, математики, медицины, искусства и архитектуры»
(протокол от 16 декабря 2013 г. № 12)

*Точка зрения авторов не всегда совпадает с точкой зрения
редакционной коллегии*

ISBN 978-5-4465-0322-3

© Авторы научных трудов, 2013

© АНО содействия развитию современной отечественной науки **Издательский дом «Научное обозрение»**, 2013

© Оформление. ООО «Буки Веди», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь современной человеческой цивилизации невозможна без научных достижений, использование которых пронизывает все сферы деятельности людей, от повседневных, бытовых забот и до всемирных проблем эпохи.

Наука, как сложная социально-когнитивная система, имеет три главных предназначения на глобальном и национальном уровнях:

- обеспечение национальных интересов;
- улучшение качества жизни людей;
- рост знаний о природе, человеке и обществе.

Модернизация и расширение научных исследований необходимы по следующим соображениям:

– развитие науки является определяющей основой для технологического развития; без нее невозможны модернизация и инновационное развитие страны;

– современные научно-технологические разработки определяют военную безопасность страны;

– лишь с помощью роста научных знаний (и их использования) возможен экономический рост в условиях устойчивого развития;

– наука (ученые как носители научного знания) жизненно необходима государству для выполнения экспертных функций, как для принятия адекватных управлеченческих решений, так и при появлении различных угроз и вызовов времени на региональном, национальном, международном уровнях;

– развитие науки формирует позитивный имидж России и является одним из средств «мягкой силы» в geopolитике; без высокого уровня своего научно-технологического развития любая страна не сможет занять достойное место на международной арене и вернуться в число великих держав в условиях жесткой глобальной конкуренции;

– без развития науки невозможно иметь хорошее образование как среднего, так и высшего звена;

– современное образование должно базироваться на научной основе;

– перспективные научные исследования определяют развитие медицинских технологий и через них позитивно влияют на улучшение здоровья населения страны;

– рациональное использование природных ресурсов и развитие сельского хозяйства невозможны без опоры на современную науку;

Предисловие

- без успехов науки нельзя достичь полноценной экологической безопасности страны;
- без науки невозможно понять глубокие традиции и историю России и населяющих ее народов, а также взаимоотношения ее с соседями, нельзя правильно осознать происходящие сегодня социальные процессы и прогнозировать будущее страны;
- наука, как часть культуры (в широком понимании), – один из немногих социальных факторов сплочения людей, что важно для формирования национального единства.

Проводимые исследования нуждаются в систематизации, оценке и апробации в науке и практике. Для выявления действительно перспективных трендов в науке, определения научного приращения знаний в этих областях необходимо обсуждение результатов проведенных исследований.

С целью выполнения этих задач АНО содействия развитию современной отечественной науки **Издательский дом «Научное обозрение»** проведена Международная научно-практическая конференция «Научная дискуссия: вопросы юриспруденции, филологии, социологии, политологии, философии, педагогики, психологии, истории, математики, медицины, искусства и архитектуры» и по ее результатам издан предлагаемый Вашему вниманию сборник научных трудов.

*M. B. Васильева,
доктор экономических наук, доцент,
генеральный директор АНО содействия развитию
современной отечественной науки
Издательский дом «Научное обозрение»
(г. Москва)*

Секция 1

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ. МЕТОДОЛОГИЯ

И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОШИБКЕ И ОСОЗНАНИЮ ПРОТИВОПРАВНОСТИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

C. Ю. Кораблева

*Кандидат юридических наук, доцент кафедры
общетеоретических правовых дисциплин
Института экономики и права ФГБОУ ВПО
Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Россия*

Аннотация. Определено место признака осознания противоправности действия в формуле умысла и юридическое значение ошибки в противоправности. Затрагивается комплекс проблем относительно релевантности ошибки в законе к конкретным случаям. Исследуется вопрос, какой – юридической или фактической – является ошибка в неуголовной противоправности. Анализируются возможности и способы учета в судебно-следственной практике факта неосознания лицом противоправности своего действия.

Abstract. The place of conscious recognition of illegality in the formula of intention and the significance of a mistake of law is determined. Problems of relevance of a mistake of law to concrete cases are mentioned. The issue focused on the question the errors that were made by a person in understanding how the applicable not criminal law applied is mistake of fact or mistake of law. Opportunities and ways to consider in investigating crimes and criminal trials the fact lacking a consciousness of illegality by actor are analyzed.

Секция 1

Ключевые слова: юридическая ошибка, умысел, осознание противоправности, неуголовная противоправность, освобождение от уголовной ответственности.

Keywords: *mistake of law, intention, conscious recognition of illegality, not criminally illegality, exculpation.*

Продолжает оставаться дискуссионным вопрос о необходимости введения в формулу умысла признака осознания лицом противоправности своего действия и юридического значения ошибки в противоправности.

Уголовный закон прямо не включает в содержание умысла осознание противоправности, указывая в его определении лишь на осознание общественной опасности действия. В учебной литературе необходимость осознания противоправности содеянного часто открыто не отрицается, однако предлагаемые формулировки умысла ее не охватывают.

В научных исследованиях же все чаще усматривается мысль о том, что римская формула «Незнание закона не освобождает от ответственности» устарела. Так, В.В. Лунеев в одной из своих работ, в частности, утверждает: «Изменения и дополнения уголовного законодательства в последние годы были делом частным. В этих условиях безоговорочная реализация традиционной презумпции – незнание закона не является оправданием – было бы классическим случаем объективного вменения» [11, с. 51].

Большинство ученых подтверждают неприменимость древней римской презумпции лишь к ограниченному числу составов. Например, И.А. Гревнова к таким действиям предлагает относить действия, либо недавно включенные в уголовное законодательство, либо совершение которых ограничено какой-то особой сферой деятельности, либо диспозиция статей которых носит бланкетный характер и для их осознания необходимы специальные знания или освоение дополнительных нормативных актов [3, с. 129].

Н.А. Лопашенко ограничивает обязательность осознания в формуле умысла сферой умышленных преступлений, в основе которых лежит нарушение установленных других правовых отраслей [10, с. 254]. Аналогичную этой позицию занимает Э.С. Мурадов [12, с. 6]. Авторы комментариев к отдельным статьям главы об экономических преступлениях также часто включают в формулу вины осознание противоправности действия [7].

Относительно способов введения осознания противоправности действия в уголовный закон и практику ученых также нет единого мнения. Так, И.В. Шишко утверждает, что возможны случаи, когда лицо, осознавая сам факт нарушения, не осознает общественной опасности данного действия и, соответственно, предлагает включить осознание противоправности в определение умысла [16, с. 285, 305]. С.В. Дубовиченко, также считая необходимым добавить осознание противоправности в определение умысла, кроме того, предлагает признать ошибку в осознании общественной опасности и уголовной противоправности разновидностью случайного причинения вреда [5, с. 7].

С подобными утверждениями не согласны Б.В. Волженкин [2, с. 340] и Н.А. Лопашенко [10, с. 254, 255], полагая, что возможностей действующего уголовного законодательства вполне достаточно, чтобы учесть факт осознания или неосознания лицом противоправности своего поведения. Е.Е. Чередниченко категорически возражает против введения осознания противоправности в формулу вины [15, с. 151, 183]. Авторы же одного из учебников по уголовному праву вообще настаивают, что «...преступление может быть признано умышленным и в тех (весьма редких) случаях, когда виновный не осознавал противоправность совершенного действия» [14, с. 165].

Обобщение судебной практики в отношении преступлений, предметом которых являются оружие или наркотические

Секция 1

средства, за 2006–2012 гг. позволяет утверждать, что суды в отношении подобных преступлений довольно часто пользуются формулировкой типа «осознавал общественную опасность и противоправность» (табл. 1).

Таблица 1

Анализ судебной практики в отношении преступлений, предметом которых являются оружие или наркотические средства за 2006–2012 гг.

Интеллектуальный момент	По ч. 1 ст. 228	По ч. 1 ст. 222
Осознание только общественной опасности деяния	14 (41 %)	8 (27 %)
Осознание только противоправности деяния (незаконности деяния)	8 (24 %)	20 (67 %)
в том числе осознание преступного характера	2 (6 %)	-
Осознание противоправности и общественной опасности деяния	12 (35 %)	1 (3 %)
в том числе осознание общественной опасности и преступного характера деяния (незаконности деяния)	8 (26 %)	-
Всего обобщено приговоров районного суда	34	29

Примечание. Составлено автором.

Но чаще, и, следует признать, вполне обоснованно, судом отдельно не исследуется вопрос осознания виновным противоправности таких действий. Ведь в подавляющем большинстве случаев при совершении умышленных преступлений виновный не может не осознавать и их противоправность.

С другой стороны, в практике встречаются и крайне неоднозначные случаи, когда за осуществление, например медицин-

Секция 1

ской, деятельности без лицензии осуждается лицо, снимающее порчу, сглаз и исцеляющее аналогичными методами от алкоголизма и табачной зависимости.

На уровне Верховного Суда РФ отсутствие осознания противоправности действия, по меньшей мере в одном случае, стало основанием для оправдания лица в связи с отсутствием вины. Так, было прекращено уголовное дело по обвинению З. в причинении имущественного ущерба путем обмана при отсутствии признаков хищения на основании того, что материалами дела не подтверждено осознание подсудимым противоправности своих действий, а значит, и наличие умысла. При этом Суд указал, что вывод нижестоящих судов о том, что «З., взрослый, дееспособный гражданин с высшим юридическим образованием, заведомо осознавал незаконность своего выхода в сеть Интернет», основан на предположениях. Что «неотрицание факта незаконности доступа в “Интернет” после того, как З. поставили об этом в известность, не может служить доказательством того, что он осознавал незаконность своих действий, когда пользовался компьютерной сетью «Интернет». И соответственно, «приведенные данные свидетельствуют о необоснованности судебных решений с выводами о том, что З. умышленно незаконно пользовался сетью «Интернет».

Итак, исключение противоправности из формулы умышленной вины иногда приводит к вынесению объективно несправедливых обвинительных приговоров. Однако с учетом редкости и специфических особенностей подобных случаев, представляется, что изменение формулировки дефинитивной статьи Общей части Уголовного кодекса РФ будет излишней. Отсутствие осознания противоправности уже сейчас может учитываться в судебно-следственной практике как на основании Особенной части Уголовного кодекса РФ, так и в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ.

Секция 1

Так, например, изъятие имущества при обстоятельствах, когда лицо ошибочно полагает, что действует правомерно (например, с целью обеспечить возврат долга), не квалифицируется как хищение, поскольку противоправность изъятия включена в определение хищения (примеч. 1 к ст. 158 УК РФ). Это касается и тех случаев, когда законодатель включает заведомость незаконности действий в диспозиции некоторых статей Особенной части УК РФ, как следствие, вводя осознание противоправности в формулу вины для этих составов.

Верховный Суд РФ, в том числе и в своих разъяснениях, также исключает формально преступные деяния из сферы запрещенных уголовным законом на основании отсутствия осознания противоправности деяния. Согласно п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», разрешая вопрос о наличии в деянии состава хищения в форме присвоения или растраты, требуется устанавливать осознание противоправности содеянного.

Аналогично в п. 2 Постановления Пленума от 18 ноября 2004 г. № 23 разъяснено, что «в тех случаях, когда не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя лицо приобрело для личных нужд жилое помещение или иное недвижимое имущество либо получило его по наследству или по договору дарения, но в связи с отсутствием необходимости в использовании этого имущества временно сдало его в аренду или в наем и в результате такой гражданско-правовой сделки получило доход (в том числе в крупном или особо крупном размере), содеянное им не влечет ответственности за незаконное предпринимательство».

Однако подобного казуистичного подхода к учету при установлении вины осознания противоправности все же недостаточно. Так, Н.А. Лопашенко приводит следующий пример: «Не-

смотря на существование базового Федерального закона о лицензировании (не первого уже), он не является единственным, на основании и в соответствии с которым осуществляется лицензирование отдельных видов деятельности. В этой ситуации вполне возможно незнание лица о необходимости лицензирования конкретного, не слишком распространенного вида деятельности. Если лицо занимается такой деятельностью, имея государственную регистрацию, уплачивая налоги, и извлекает доход в крупном размере, формально оно совершает преступление, предусмотренное ст. 171 УК РФ. Однако неосознание противоправности своего действия влечет неосознание его общественной опасности; соответственно, отсутствуют признаки субъективной стороны незаконного предпринимательства, привлечение к уголовной ответственности невозможно. Таким образом, отсутствие осознания противоправности своего действия влечет за собой отсутствие вины» [10, с. 183].

Теория уголовного права для подобных случаев использует подход, оперируя понятием «ошибка» (юридическая или фактическая). Но следует отметить, что в учебной литературе тема ошибки рассматривается очень упрощенно, а относительно ошибки в противоправности в лучшем случае можно встретить очень спорные утверждения типа: «когда лицо совершает действие (бездействие), считая, что оно не образует состава преступления, но это действие (бездействие) является таковым, это не исключает уголовной ответственности» [4]. Подобное правило противоречит, как минимум, ст. 42 УК РФ о действиях, совершаемых во исполнение приказа или распоряжения.

В свою очередь, в научных исследованиях относительно ошибки и ее релевантности к конкретным случаям высказываются часто диаметрально противоположные мнения. Более того, «...равно как и понятие юридической ошибки, в случае с фактической ошибкой, применяя одно и то же наименование, ученые порой по-разному определяют ее содержание» [1, с. 13].

Применительно к ошибке в неуголовной противоправности, единого мнения нет даже по вопросу, какой – юридической или фактической – она является. Например, Г.А. Есаков [6, с. 92–93] и А.И. Рарог [14, с. 195–197] полагают, что такая ошибка является фактической в объективной стороне, так как сам факт неисполнения предписания (нарушения запрета) входит в содержание объективной стороны преступления (действия). Юридической же ошибкой, по мнению Г.А. Есакова, является только ошибка в уголовной противоправности.

Наоборот, П. Яни [17, с. 13] и И.А. Клепицкий [8, с. 190] говорят о юридической ошибке в подобных случаях, ибо преступность действия – это его юридическая характеристика, и нет оснований рассматривать ошибку относительно положений закона в качестве фактической – это юридическая ошибка, ошибка в запрете. Ш.Х. Нургалеев и Г.Б. Чинчикова предлагают для этих случаев термин «негативная юридическая ошибка» [13, с. 47].

Представляется, что, действительно, корректнее рассматривать ошибку в содержании нормы, к которой отсылает бланкетная диспозиция статьи Уголовного кодекса РФ, как юридическую. Фактической же следует считать ошибку, когда первичной является неверная оценка объективных свойств действия. Например, фактическая ошибка – незнание фактов, влияющих на процесс исчисления налогов. Юридическая – неверная трактовка (незнание) действующих правовых актов.

Ученые придают различное значение ошибке в противоправности. А.И. Рарог отмечает, что ошибка в запрете устраниет умысел, только если «лицо ошибочно считает свои действия правомерными, не осознавая их общественной опасности (например, лицо убеждено в подлинности денег, которыми расплачивается, но они оказываются фальшивыми)» [14, с. 197]. Схожую квалификацию предлагает П. Яни [18].

И.А. Клепицкий указывает, что «незнание простых, ясных и общеизвестных положений «неуголовного» права не должно влиять на квалификацию содеянного (например, незнание обязанности зарегистрироваться в налоговой службе для осуществления предпринимательской деятельности, незнание обязанности представить декларацию о доходах от предпринимательской деятельности и т. п.)... критерием ограничения извинительных и неизвинительных ошибок должно быть ... реальное качество закона, его значимость и понятность [8, с. 182].

Заслуживающими внимания являются предложения Ш.Х. Нургалеева и Г.Б. Чинчиковой. Они считают, что «при установлении того факта, что лицо, совершающее общественно опасное и противоправное деяние, действительно не могло знать о существовании правового запрета, юридическая ответственность исключается... в противном случае данный вид ошибки должен учитываться судом как смягчающее ответственность обстоятельство» [13, с. 48].

Придание ошибке в противоправности значения обстоятельства, исключающего вину, требует рассмотрения вопроса ее доказывания. Оно представляет особую сложность. Редко встречаются дела, где присутствуют дополнительные обстоятельства дела, которые однозначно свидетельствуют об отсутствии осознания противоправности. Даже недавняя дата вступления в силу нормативного акта, в том числе адресата бланкетной диспозиции, и качество официального толкования не являются достоверными доказательствами добросовестности ошибки. То есть при применении правил об ошибке в противоправности можно констатировать значительную роль судебского усмотрения.

Проведенное нами обобщение судебной практики районных судов по делам об осуществлении незаконной предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии) за 2008–2012 гг. позволяет сделать вывод, что правоприменительные органы пользуются презумпцией осознания противоправности деяния.

правности. При обосновании умышленности используются сомнительные с точки зрения доказывания формулировки типа: «Принял решение об осуществлении возглавляемым им обществом указанного вида предпринимательской деятельности без лицензии, при этом понимая, что для получения лицензии на данный вид деятельности необходимо обязательное соблюдение определенных законодательством лицензионных требований и условий, выполнение которых последний не желал». Или: «Занимался экономической деятельностью в области строительства и приобрел достаточный опыт и знания нормативно-правовых оснований, регламентирующих указанный вид деятельности... заведомо зная, что, в соответствии с Федеральным законом “О лицензировании отдельных видов деятельности”, работы по реставрации подлежат обязательному лицензированию, приступил к проведению реставрационных работ на памятнике архитектуры республиканского значения, не имея соответствующей лицензии на осуществление деятельности по реставрации» (в этом деле памятником архитектуры республиканского значения является церковь в деревне).

Следует отметить, что в большинстве подобных случаев, если деяние не сопряжено с отмыванием денежных средств, подсудимые по совету защитника в отношении этого преступления вину признают полностью (в четырнадцати случаях из пятнадцати, проанализированных нами) и ходатайствуют о рассмотрении дела в особом порядке (в восьми случаях из пятнадцати, проанализированных нами). Это учитывается при назначении наказания (обычно минимальный штраф) либо даже позволяет прекратить уголовное дело в связи с деятельным раскаянием. Однако подобный компромисс между формальным осуждением и, по сути, освобождением от наказания сложно назвать удачным решением. Представляется, что обязательное исследование факта осознания неуголовной противоправности и признание ошибки в запрете обстоятельством, исключающим

преступность деяния в связи с отсутствием вины, более отвечают как презумпции невиновности, так и принципу справедливости. И в этом смысле Рекомендации Верховного Суда РФ по вопросу установления направленности умысла будут приниматься правоприменительной практикой с большой благодарностью.

Итак, что касается осознания противоправности, то мы не согласны с теми авторами, которые предлагают ввести осознание противоправности в определение умысла или неосторожности, в том числе и потому, что доказывание этого признака затруднительно. Мы разделяем точку зрения, что осознание противоправности – это не признак, а скорее предпосылка вины с позиции, что в некоторых случаях отсутствие у лица понимания противоправности деяния означает также, что лицо не воспринимает своих действий (бездействий) как общественно опасных (например, изъятие вещи с целью возврата долга или предпринимательство в виде сдачи в аренду квартиры) или способных привести к причинению вреда. Казуистично, то есть на основании такого признака, как заведомость в статьях Особенной части УК и на основании некоторых Постановлений Пленума ВС РФ, осознание противоправности может и должно учитываться в правоприменительной практике. При этом предлагается отказаться от использования презумпции знания уголовного закона, если речь идет о неуголовной противоправности (выраженной с помощью бланкетной диспозиции), поскольку такая форма конструирования статьи предполагает снижение знания о запрете. В таких случаях предпочтение должно отдаваться обязательному исследованию факта осознания противоправности. Это позволит исключить негативно сказывающиеся на авторитете правоприменительных органов ситуации, когда лицо привлекается к уголовной ответственности, однако из-за того, что существуют сомнения в его вине в связи с возможным отсутствием осознания противоправности, судом назначается формальное наказание.

Список литературы

1. Алиев, З. Г., Ревин В. П. К вопросу о понятии и уголовно-правовом значении фактической ошибки / З. Г. Алиев, В. П. Ревин // Российский следователь. – 2007. – № 1. – С. 13–14.
2. Волженкин, Б. В. Некоторые вопросы общей характеристики преступлений в сфере экономической деятельности по Уголовному кодексу Российской Федерации / Б. В. Волженкин // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права : сб. ст. – Вып. 5. – М. : Волтерс Клювер, 2005. – С 332–346.
3. Гревнова, И. А. Вина как принцип уголовного права Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Гревнова. – Саратов, 2001. – 212 с.
4. Данилова, С. И. Вина и наказание в уголовном праве России : Уголовно-правовой анализ (постатейный) / С. И. Данилова, Б. Д. Завидов, В. Б. Липатенков // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – 2004.
5. Дубовиченко, С. В. Интеллектуальные моменты умышленной формы вины : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Дубовиченко. – Казань, 2007. – 21 с.
6. Есаков, Г. А. Mens rea в уголовном праве Соединенных Штатов Америки : дис. ... канд. юрид. наук / Г. А. Есаков. – М., 2002. – 410 с.
7. Кинсбурская, В. А. Налоговые преступления по законодательству Российской Федерации : Научно-практический комментарий законодательства и судебной практики / В. А. Кинсбурская, А. А. Ялбулганов // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – 2007.
8. Клепицкий, И. А. Налоговые преступления в уголовном праве России: эволюция продолжается / И. А. Клепицкий // Закон. – 2007. – № 7. – С. 166–190.
9. Клепицкий, И. А. Система хозяйственных преступлений / И. А. Клепицкий. – М. : Статут, 2005. – 572 с.
10. Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономики : Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) (постатейный) / Н. А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клювер, 2006. – 720 с.
11. Лунеев, В. В. Субъективное вменение / В. В. Лунеев. – М. : Спартак, 2000. – 70 с.
12. Мурадов, Э. С. Субъективные признаки преступлений в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э. С. Мурадов. – М., 2008. – 18 с.

Секция 1

13. Нургалеев, Ш. Х. К вопросу о юридических ошибках / Ш. Х. Нургалеев, Г. Б. Чинчикова // Безопасность бизнеса. – 2006. – № 3. – С. 46–48.
14. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова, Г. А. Есаков [и др.] ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : КОНТРАКТ : ИНФРА-М, 2009. – 800 с. – (Серия «Высшее образование»).
15. Чередниченко, Е. Е. Принципы уголовного законодательства: Понятие, система, проблемы законодательной регламентации / Е. Е. Чередниченко ; отв. ред. Н. А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клювер, 2007. – 192 с.
16. Шишко, И. В. Экономические преступления : Вопросы юридической оценки и ответственности / И. В. Шишко. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 307 с.
17. Яни, П. Ответственность за легализацию: нужен ли приговор по делу о предикатном преступлении? / П. Яни // Законность. – 2005. – № 8. – С. 9–14.
18. Яни, П. Постановление Пленума Верховного Суда о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления / П. Яни // Законность. – 2008. – № 4. – С. 14–20.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОМИНИРУЮЩИМ ПОЛОЖЕНИЕМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ США И РОССИИ

A. B. Бахаева

*Аспирант кафедры гражданского и трудового права
Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия*

Аннотация. Рассмотрена проблема злоупотребления доминирующим положением в антимонопольном законодательстве России и США. Проведен анализ действующего антимонопольного законодательства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, в том числе судебной практики РФ и США по рассматриваемому вопросу. Сделан вывод о том, что в российском законодательстве применяется более жесткий подход к проблеме злоупотребления доминирующим положением, нежели в законодательстве США.

Abstract. The present work looks into the matter of the abuse of a dominant position under the US and Russian jurisdictions. It analyzes current antitrust law of the Russian Federation and the United States of America including the legislation to the matter in question. The conclusion is made that the Russian law applies merely a per se rule to the abuse of a dominant position whereas the US enforcers tend to apply the rule of reason in the most antitrust cases.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство РФ, антимонопольное законодательство США, доминирующее положение, монопольная власть, монополизация, злоупотребление доминирующим положением.

Key words: Russian competition law, US antitrust law, dominant position, monopoly power, monopolization, abuse of a dominant position.

Введение

Антимонопольное регулирование существует в России лишь чуть более 20 лет, и его нельзя считать на сегодняшний день до конца устоявшимся. Одновременно в США первые антимонопольные дела были рассмотрены еще в начале XX в., что позволяет считать антимонопольное законодательство США одним из старейших в мире. В связи с этим представляется чрезвычайно интересным рассмотреть подходы к злоупотреблению доминирующим положением, которое является одним из наиболее часто встречающихся нарушений антимонопольного законодательства в Российской Федерации [4, с. 80], в отечественном законодательстве и законодательстве США.

Монополизация как злоупотребление доминирующим положением в законодательстве США

Действия, предпринимаемые хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение, для сохранения своей монопольной власти на товарном рынке называются монополизацией [12, р. 132]. Согласно ст. 2 Закона Шермана [13], «любое лицо, если оно монополизирует или стремится монополизировать [...] какую-либо часть торговли между несколькими шта-

тами или с иностранными государствами, считается виновным в правонарушении небольшой тяжести [...]. Данная норма в законодательстве США направлена против злоупотребления доминирующим положением.

В первых делах, рассмотренных в начале XX в. [14; 15], не проводилось четкого разграничения между нарушением, предусмотренным ст. 1 Закона Шермана (запрет на соглашения и согласованные действия), и злоупотреблением доминирующим положением. Даже сегодня в тех случаях, когда компании, обладающие монопольной властью, совершают действия, подпадающие под ст. 1 Закона Шермана, они также признаются виновными по ст. 2.

В деле *United States v. United Shoe Machinery Corp.* [18] были предложены следующие подходы к злоупотреблению доминирующим положением: 1) доминирующий субъект нарушает ст. 2 Закона Шермана, если чувствует в неразумном ограничении конкуренции, запрещенном ст. 1 Закона; 2) доминирующий субъект осуществляет незаконную монополизацию, если он а) имеет достаточно экономической власти для устранения конкуренции, б) его действия повлекли или могут повлечь такие последствия; 3) лицо, обладающее подавляющей долей рынка, всегда монополизирует, осуществляя свою коммерческую деятельность [...] очевидно, даже если нет подтверждения тому, что его деятельность включает в себя действия по вытеснению конкурентов с товарного рынка.

Как видно, первый подход к монополизации является слишком узким, поскольку сводит злоупотребление доминирующим положением только к действиям, запрещенным ст. 1 Закона Шермана. Одновременно третий подход является чрезмерно широким, поскольку при таком подходе любая коммерческая деятельность монополиста признается злоупотреблением доминирующим положением. Таким образом, наиболее подходящим для применения представляется второй подход.

В решении по делу *United States v. Grinnell Corp.* [17] Верховный суд США определил следующие элементы злоупотребления доминирующим положением: (1) обладание монопольной властью на соответствующем товарном рынке и (2) волевое овладение или поддержание такой власти иным способом нежели развитие в следствие предложения наилучшего товара, деловой проницательности или исторической случайности. Оба эти элемента одновременно должны быть установлены судом для признания злоупотребления доминирующим положением [11; 20]. Необходимость установления указанных двух элементов одновременно свидетельствует о том, что одного только обладания монопольной властью на соответствующем товарном рынке недостаточно для нарушения антимонопольного законодательства, то есть само по себе доминирующее положение не является противозаконным.

Поскольку наличие монопольной власти является одним из признаков злоупотребления доминирующим положением, представляется необходимым рассмотреть вопрос о том, какое положение на товарном рынке может считаться монопольным. В деле *United States v. E. I. du Pont de Nemours & Co.* [16] монопольная власть была определена Верховным судом США как власть, позволяющая контролировать цены или устранивать конкуренцию. Как видно, данная дефиниция является довольно общей и не дает четкого представления о содержании понятия монопольной власти. Традиционно принято оценивать власть хозяйствующего субъекта на рынке в зависимости от доли рынка, которую он занимает. Используя данный критерий, следует помнить, однако, что доля рынка оценивается не сама по себе, а в контексте структуры соответствующего товарного рынка. Так, небольшой завод, являющийся градообразующим предприятием и, соответственно, основным работодателем в небольшом удаленном городе, будет занимать доминирующее положение на товарном рынке труда города, в то время как крупная корпора-

ция, конкурирующая со столь же или даже более крупными субъектами на товарном рынке, доминирующего положение занимать не будет.

Прежде чем признать злоупотребление доминирующим положением, необходимо удостовериться, что субъект обладает монопольной властью на соответствующем товарном рынке (географическом и продуктовом), то есть достаточной рыночной властью. Рыночная власть – это власть на рынке, позволяющая субъекту уменьшить выпуск продукции и поднять стоимость выше предельных издержек, и в результате получить прибыль [12, р. 134].

Итак, насколько велика должна быть доля рынка для того, чтобы положение субъекта на рынке можно было считать доминирующим? В деле *United States v. Aluminum Co. of America* [19] суд пришел к выводу о том, что доля рынка в размере 90 % будет достаточной для того, чтобы утверждать о том, что хозяйствующий субъект занимает доминирующее положение, при этом доля рынка в размере 60–64 % является сомнительным основанием для вывода о доминировании, а доли рынка в 33 % – совершенно недостаточным аргументом. При этом анализ судебной практики США показывает, что суды чаще всего признают доли рынка в 80–90 % значительными для определения положения субъекта как монопольного. Доля рынка в размере 50 % и ниже признается незначительной. Более того, большинство судов отказываются признавать монополию субъекта, чья доля рынка не превышает 70 %.

При установлении злоупотребления доминирующим положением суды в США используют, как правило, разумный подход (*rule of reason*), который позволяет судам отличать вытеснение конкурентов вследствие эффективной конкурентной коммерческой деятельности от вытеснения конкурентов вследствие антконкурентных действий. Очевидно, что не все действия монополиста, причиняющие вред конкурентам, являются

антиконкурентными. В частности, предложение лучшего, чем у конкурентов, товара по той же цене чрезвычайно эффективно вытесняет конкурентов с товарного рынка, однако такие действия являются эффективными и не ограничивают конкуренции, а, наоборот, стимулируют ее.

Таким образом, к злоупотреблению доминирующим положением относятся лишь те действия, которые причиняют вред конкуренции, а именно «грабительское ценообразование» (продажа товаров по цене ниже собственных издержек); слияния с целью монополизации; необоснованное увеличение производства; ценовая дискриминация; вертикальная интеграция; необоснованные ценовые ограничения и ограничения поставок; применение скидок с целью вытеснения конкурентов; навязывание невыгодных или не относящихся к предмету договора условий; притворная инновация товара; вытесняющие злоупотребления патентными правами; повышение издержек конкурентов; необоснованный отказ от заключения договора; злоупотребление необходимым оборудованием.

Злоупотребление доминирующим положением в российском законодательстве

В России понятие «злоупотребление доминирующим положением» было впервые введено в ст. 5 Закона РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» [6]. В последующем оно было с некоторыми изменениями перенесено в ст. 10 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [9] (далее по тексту – Закон о защите конкуренции), согласно которой злоупотреблением доминирующим положением являются: действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта, результатом которых являются или могут являться недопущение, ограниче-

ние, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц.

Злоупотребление доминирующим положением также подпадает под действие ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее по тексту – ГК РФ), п. 1 которой содержит запрет на злоупотребление правом, в том числе на использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке. Такая конструкция нормы, по мнению многих современных авторов [1, с. 47; 3, с. 27; 5, с. 391–392; 7, с. 51; 8, с. 31], позволяет говорить о том, что злоупотребление доминирующим положением является разновидностью злоупотребления правом.

Как видно из приведенных выше норм, действия хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение, могут быть признаны злоупотреблением таким положением лишь в том случае, если они повлекли за собой последствия в виде недопущения, ограничения, устраниния конкуренции или ущемления интересов других лиц. При этом, исходя из системного толкования положений ст. 10 ГК РФ и ст.ст. 3 и 10 Закона о защите конкуренции, для квалификации действий (бездействия) как злоупотребления доминирующим положением достаточно наличия (или угрозы наступления) любого из перечисленных последствий [10, абз. 2, п. 4].

Как и в других юрисдикциях, в российском законодательстве само по себе доминирующее положение не является правонарушением. Одновременно оно является определяющим критерием для установления злоупотребления. Под доминирующим положением в ст. 5 Закона о защите конкуренции понимается «положение хозяйствующего субъекта [...] на рынке определенного товара, дающее такому хозяйствующему субъекту [...] возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке, и (или) устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъ-

ектов, и (или) затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам». При этом по общему правилу доминирующим признается субъект, доля рынка которого превышает 50 %. В некоторых случаях доминирующим может быть признан субъект, доля рынка которого не превышает 50 %, но составляет не менее 35 % [9, ст. 5].

В ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции перечислены виды действий (бездействий), которые могут быть квалифицированы как злоупотребление доминирующим положением. Перечень действий, приведенный в данной статье, не является исчерпывающим. Таким образом, суд или антимонопольный орган вправе признать нарушением антимонопольного законодательства и иные действия (бездействие), кроме установленных ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции [10, абз. 3, п. 4].

В отношении действий (бездействия), прямо поименованных в ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции, наличие или угроза наступления соответствующих последствий предполагается и не требует доказывания антимонопольным органом [там же, абз. 4, п. 4], то есть в законе предусмотрена опровергимая презумпция неправомерности злоупотребления доминирующим положением. Согласно ч. 2 ст. 10 Закона о защите конкуренции, хозяйствующий субъект вправе представить доказательства того, что его действия (бездействие), составляющие злоупотребление доминирующим положением, могут быть признаны допустимыми в соответствии с ч. 1 ст. 13 данного Закона.

Важно отметить, что требования ст. 10 Закона о защите конкуренции не распространяются на действия по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг [9, п. 4 ст. 10]. Это правило обусловлено природой прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненных к ним прав, так как такое право фактически предос-

тавляет правообладателю монополию на результат его интеллектуальной деятельности, а следовательно, защищает его, хотя бы и на определенное время, от конкуренции и предоставляет ему преимущество на рынке. Это необходимо, прежде всего, для того, чтобы стимулировать технический прогресс. Однако из этого общего правила существуют некоторые исключения.

Что касается классификации видов злоупотреблений доминирующим положением, приведенных в ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции, самой простой и одновременно наглядной представляется классификация по признаку применения цен доминирующими субъектами. Согласно такой классификации, злоупотребления доминирующим положением можно разделить условно на ценовые и неценовые.

Злоупотребления доминирующим положением, связанные с применением цен, предусмотрены п.п. 1, 2, 6, 7, 8, 10 и 11 – это: установление, поддержание монопольно высокой или монопольно низкой цены товара; изъятие товара из обращения, если результатом такого изъятия явилось повышение цены товара; экономически, технологически и иным образом не обоснованное установление различных цен (тарифов) на один и тот же товар; установление финансовой организацией необоснованно высокой или необоснованно низкой цены финансовой услуги; создание дискриминационных условий; нарушение установленного нормативными правовыми актами порядка ценообразования; манипулирование ценами на оптовом и (или) розничных рынках электрической энергии (мощности).

Злоупотребления доминирующим положением, не связанные с применением цен, предусмотрены п.п. 3, 4, 5, 8 и 9 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции, а именно: навязывание контрагенту условий договора, невыгодных для него или не относящихся к предмету договора; экономически или технологически не обоснованное сокращение или прекращение производства товара; экономически или технологически не обоснован-

ный отказ либо уклонение от заключения договора; создание дискриминационных условий; создание препятствий доступу на товарный рынок или выходу из товарного рынка другим хозяйствующим субъектам. Особенно интересен п. 8 – создание дискриминационных условий, который в зависимости от того, связанныы дискриминационные условия с применением цен или нет, может относиться как к первому, так и ко второму виду злоупотреблений.

Заключение

Как видно из изложенного, в российском законодательстве применяется более жесткий подход к проблеме злоупотребления доминирующим положением, нежели в законодательстве США. Это проявляется, в первую очередь, в том, что требования к минимальной доле рынка, необходимой для признания лица субъектом доминирующего положения, значительно ниже в отечественном законодательстве.

Наряду с этим обращает на себя внимание тот факт, что бремя доказывания переложено законом с государства на хозяйствующих субъектов, то есть для установления правонарушения достаточного того, что субъект, который предположительно злоупотребил доминирующим положением, не смог доказать обратного, что не способствует справедливой оценке действий доминирующих хозяйствующих субъектов. Такой подход соотносится с подходом незаконности по сути (*per se rule*) в доктрине США, который противопоставляется разумному подходу и применяется судами США все в более редких случаях.

Кроме того, дословное прочтение нормы ст. 10 Закона о защите конкуренции свидетельствует о том, что российский законодатель ставит ущерб конкуренции на одну линию с ущербом гражданам и юридическим лицам, что ведет к чрезмерно широкому толкованию нормы, позволяющему признавать зло-

употреблением доминирующим положением действия не наносящие ущерб конкуренции. Такое толкование противоречит духу и смыслу антимонопольного законодательства. Законодательство США в то же время ставит на первый план именно ущерб конкуренции, поскольку ущерб конкурентам и потребителям наносят только антиконкурентные действия. Действия, не нарушающие конкуренции, не могут быть признаны злоупотреблением доминирующим положением.

Таким образом, более жесткое регулирование не всегда означает более эффективное. Представляется, что российскому антимонопольному законодательству следует продолжить движение в сторону либерализации.

Список литературы

1. Брагинский, М. И. Комментарий части первой ГК РФ для предпринимателей / М. И. Брагинский. – М. : Фонд «Правовая культура», 1995. – 478 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. Федер. закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ // Рос. газ. – 1994. – № 8.
3. Гражданский кодекс РФ. Часть первая / отв. ред.: Т. Е. Абова, А. Ю. Кабалкин, В. П. Мозолин. – М. : БЕК, 1996. – 714 с.
4. Доклад Федеральной антимонопольной службы о состоянии конкуренции в Российской Федерации. – Электрон. текстовые дан. – М., 2013. – Режим доступа: http://www.fas.gov.ru/about/list-of-reports/list-of-reports_30077.html. – Загл. с экрана.
5. Ем, В. С. Понятие и виды злоупотребления правом / В. С. Ем // Гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. – М. : БЕК, 2002. – 816 с.
6. Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Ведомости Совета нар. депутатов и Верх. Совета РСФСР. – 1991. – № 16, ст. 499.
7. Илларионова, Т. И. Ответственность по российскому гражданскому праву / Т. И. Илларионова // Гражданское право : учеб. для

Секция 1

вузов / под общ. ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало, В. А. Плетнева. – М. : Изд. гр. «НОРМА – ИНФРА-М», 1998. – 453 с.

8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под общ. ред. О. Н. Садикова. – М. : Юрид. фирма «Контракт», 1999. – 777 с.

9. О защите конкуренции (в ред. Федер. закона от 18.07.2009 № 181-ФЗ) : федер. закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – № 4128. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154017/. – Загл. с экрана.

10. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.06.2008 № 30. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106064/. – Загл. с экрана.

11. Aspen Skiing Co. v. Aspen Highlands Skiing Corp. – 1985. – 472 U.S. 585. 105 S. Ct. 2847.

12. Hovenkamp, H. Black Letter Outline on Antitrust / H. Hovenkamp. – 5th (Black Letter Outlines). – West, 2011. – 438 p.

13. Sherman Antitrust Act (Sherman Act), 1890. – Mode of access: http://www.civics-online.org/library/formatted/texts/sherman_antitrust.html. – Title from screen.

14. Standard Oil Co. of N.J. v. United States, 221 U.S. 1,31 S. Ct. 502 (1911).

15. United States v. American Can Co., 230 F. 859 (D. Md. 1916), апелляция, 256 U.S. 706, 41 S.Ct. 624 (1921).

16. United States v. E.I. du Pont de Nemours & Co., 351 U.S. 377, 76 S.Ct. 994 (1956).

17. United States v. Grimiell Corp., 384 U.S. 563, 86 S. Ct. 1698 (1966).

18. United States v. United Shoe Machinery Corp., 110 F. Supp. 295 (D. Mass. 1953), affirmed per curiam, 347 U. S. 521, 74 S. Ct. 699 (1954).

19. United States v. Aluminum Co. of America, 377 U. S. 271 (1964).

20. Verizon Communications, Inc. v. Law Offices of Curtis V. Trinko, LLP, 540 U. S. 398, 124 S. Ct. 872, 878 (2004).

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК СУБЪЕКТА МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

E. V. Булах

Доцент кафедры политологии

*Школы региональных и международных исследований
Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток, Россия*

Аннотация. Общественные отношения в сфере местных инициатив сегодня претерпевают изменения в части, касающейся основ правового регулирования. Территориальное общественное самоуправление как субъект муниципально-правовых отношений имеет определенный опыт своего функционирования, но существующая нормативная практика свидетельствует об имеющихся коллизиях, требующих своего первостепенного разрешения.

Abstract. Public relations in the sphere of local initiatives are changes today in the part concerning the foundations of legal regulation. Territorial self-government as a subject of municipal legal relations has some experience of its operation, but existing regulatory practice indicates conflicts needs to be solved.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная власть, территориальное общественное самоуправление, население муниципального образования, муниципальное право.

Keywords: local government, municipal authority, territorial self-government, municipality population, municipal law.

Российская модель конституционных преобразований при сравнительном рассмотрении позволяет выявить как общие черты, присущие всем странам при переходе от авторитаризма к демократии, так и специфические, порожденные историческими традициями и особенностями переходного периода [1, с. 27].

К спорным вопросам переходного периода можно отнести вопросы о месте и природе территориального общественного самоуправления в контексте становления местного самоуправ-

Секция 1

ления как одной из основ конституционного строя в современной России.

В соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», территориальное общественное самоуправление (ТОС) является формой непосредственного осуществления местного самоуправления со всеми вытекающими правовыми последствиями (ст. 27) [5]. Тем не менее анализ систем регионального и местного права позволяет сделать вывод, что ТОС является предметом серьезной дискуссии о возможности рассмотрения данной формы непосредственного осуществления местного самоуправления как формы публичной власти, власти местной, но в единой государственной системе, что отражается нормами Конституции РФ (п. 2 ст. 3 гл. 1) [2].

На момент принятия Конституции РФ многочисленные местные инициативы приобрели в одном случае устойчивые черты общественного объединения, а в другом – административные, выраженные присутствием в системе органов местного самоуправления. Наследие советского периода получило название «органы общественной самодеятельности». Их спектр широк: сельские, уличные, квартальные и домовые комитеты, родительские комитеты, женские советы, советы при медицинских и культурно-просветительских учреждениях, добровольные народные дружины по охране общественного порядка и др. Несмотря на социальный эффект и широту выполняемых функций, органы общественной самодеятельности находились под партийным контролем и жестким руководством местных Советов народных депутатов и их исполкомов.

В ходе демократических преобразований население получило возможность выйти из-под опеки Советов при реализации собственных инициатив путем самоорганизации, направленной на решение обострившихся проблем по месту жительства. первую очередь, речь идет об объединениях граждан в форме тер-

риториального общественного самоуправления как институциональном формате подобных действий [1, с. 71]. С середины 1990-х гг. деятельность ТОСов определялась как логикой внутреннего развития самого территориального общественного самоуправления, так и влиянием внешних факторов, среди которых можно выделить шесть ключевых:

- 1) политический – представляет собой политику государства относительно участия населения в местном самоуправлении, политику муниципалитетов по содействию развитию общественных инициатив, созданию благоприятных условий для участия населения в решении вопросов местного значения;
- 2) экономический – заключается в степени развития форм материального взаимодействия ТОС и органов власти (государственные или муниципальные заказы, субсидии), практик ведения ТОС собственной хозяйственной деятельности;
- 3) правовой – подразумевает создание на всех трех уровнях нормативного правового регулирования юридических условий для деятельности ТОСа;
- 4) коммуникативный – характеризует среду взаимодействий территориального общественного самоуправления с другими социальными институтами (органами власти всех уровней, политическими партиями, коммерческими и некоммерческими организациями);
- 5) образовательный – включает в себя подготовку и переподготовку кадров ТОСов, формирование системы гражданско-го образования;
- 6) идеологический – подразумевает формирование положительных установок населения на участие в решении вопросов местного значения посредством различных демократических инструментов [3].

Новые конституционные условия требуют соответствующей правовой оценки ТОС, его места и роли в системеластных отношений. Элементы системы и их взаимосвязь четко опреде-

лены Конституцией РФ: «...единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», который «... осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления», там же определены «высшие непосредственные» формы выражения власти народом (п. 2 ст. 3 гл. 1) [2]. Несомненно, «референдум и свободные выборы» таковыми и являются, но данная трактовка не умоляет правового статуса других непосредственных форм. С целью выделения их по степени значимости, свободные выборы и референдум не классифицируются Конституцией РФ на федеральные, региональные и местные (данная классификация применяется исключительно для территориальной определенности мест осуществления непосредственных форм) (п. 2 ст. 130 гл. 8), а значит, они равны, как равны и другие, перечисленные в Федеральном законе № 131-ФЗ. Данный анализ позволяет характеризовать все формы непосредственного демократического выражения власти народом как важнейшие элементы системы властных отношений, которые складываются: из различных административно-территориальных единиц; единовременно, регулярно либо постоянно; между единичными или коллективными участниками, наделенными постоянным либо дифференцируемым перечнем властных полномочий.

Казалось бы, в правовой оценке ТОСа не может быть двоякого толкования, но отенный в 1995 г., на основании Федерального закона № 154-ФЗ, на откуп региональному законодательству и муниципальному регулированию, ТОС приобретал ярко выраженные качества некоммерческой организации, не имеющей своего положения в системе власти [6].

ТОСы, зарегистрированные на территории страны после 1995 г., оказались в правовом вакууме, без средств, помещений и, самое важное, поддержки местных чиновников, что, несомненно, определило дальнейшие перспективы их развития.

ТОСы лишили возможности самостоятельно решать вопросы местного значения на части муниципальной территории, используя правовые, организационные и экономические инструменты. В лучшем случае, ТОСы позволили участвовать в обсуждении вопросов с правом совещательного голоса, а чаще их деятельность сводилась к организации массовых мероприятий (субботники, праздники, фестивали).

Ожидаемые изменения с принятым в 2003 г. Федеральным законом № 131-ФЗ в очередной раз четко определили ТОС как непосредственную форму осуществления населением местного самоуправления на основе следующих принципов:

- 1) самоорганизации населения;
- 2) собственной ответственности населения;
- 3) принадлежности населения к части территории муниципалитета;
- 4) многообразия организационных форм осуществления инициатив населением.

Закон достаточно емко позволяет регулировать общественные отношения в сфере местных инициатив, но последний принцип стал основным поводом для дальнейших дискуссий о природе территориального общественного самоуправления и о качестве возможных инициатив. Инициативы, прежде всего, должны быть направлены на решение вопросов местного значения с соответствующим ресурсным обеспечением. А это значит, что, передав полномочия на решение определенного спектра вопросов местного значения, муниципальные администрации совместно с представительным органом обязаны обеспечить передачу в ведение ТОС должностных финансов и другое необходимое для этого муниципальное имущество.

В судебной практике нередко встречаются дела, связанные с обжалованием отказа в регистрации территориального общественного самоуправления. Значительное их количество связано с тем, что заявители смешивают регистрацию террито-

риального общественного самоуправления в органах местного самоуправления и регистрацию юридического лица. Причем очевидно, что первична регистрация территориального общественного самоуправления в органах местного самоуправления, а уже потом возможна регистрация ТОС как юридического лица.

Согласно Федеральному закону № 131-ФЗ, орган ТОС, в соответствии с уставом ТОС, может являться юридическим лицом и подлежит государственной регистрации в организационно-правовой форме некоммерческой организации (ч. 5 ст. 27). В действовавшем ранее Федеральном законе № 154-ФЗ предусматривалось, что порядок организации и осуществления территориального общественного самоуправления определяется уставом муниципального образования в соответствии с законами субъекта Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления (ч. 2 п. 1 ст. 27). То есть в Федеральном законе не было четкого указания на организационно-правовую форму ТОСа как юридического лица [6].

Следует отметить, что в период действия Федерального закона № 154-ФЗ (и раньше) довольно последовательно реализовывалась юридическая конструкция, что ТОС – это не только обязательный элемент системы местного самоуправления, но и некая «разновидность органов местного самоуправления» [6]. Отголоски этого имеются и сейчас, например, В.Л. Лютцер считает, что «ТОС следует считать подвидом власти местного самоуправления» [4, с. 99]. В этой связи Д.Б. Сергеев довольно справедливо обращает внимание на то, что «трудно согласиться с идеей, что юридическое лицо, созданное в организационно-правовой форме некоммерческой организации, имеющее в своей природе элементы общественного (гражданского) самоуправления, может быть частью организационного устройства, структуры муниципального образования, природа которого является исключительно муниципальной,ластной, публичной» [8].

Получается, казалось бы, такой теоретический вопрос о политико-правовой природе ТОС имеет вполне конкретное значение с точки зрения особенностей регистрации в качестве юридического лица.

На практике органы ТОС выбирают самые разнообразные организационно-правовые формы в рамках возможностей, предоставляемых законодательством о некоммерческих организациях. Как правило, выбирается такая организационно-правовая форма, как орган общественной самодеятельности, автономная некоммерческая организация; довольно часто в уставе ТОС ограничиваются указанием на то, что орган ТОС имеет статус некоммерческой организации без какой-либо конкретизации.

Анализируя практику регистрации ТОСа, можно найти часто встречающуюся причину отказа в регистрации – это невозможность согласования предложенных границ в связи с тем, что у ТОСа должна быть неразрывность (целостность) территории, на которой осуществляется ТОС, в то же время в состав территории не могут входить территории организаций, предприятий, поля, пастбища и т. п. Судебные органы при вынесении решений в подобных спорах сторон ссылаются на Федеральный закон № 131-ФЗ, что ТОС может осуществляться в пределах следующих территорий проживания граждан:

- 1) подъезд многоквартирного жилого дома;
- 2) многоквартирный жилой дом;
- 3) группа жилых домов;
- 4) жилой микрорайон;
- 5) сельский населенный пункт, не являющийся поселением;
- 6) иные территории проживания граждан.

Подобная трактовка уравнивает организационную форму местного самоуправления с организационно-гражданской формой, что противоречит конституционным нормам (ст. 130–131). Местное самоуправление составляет основу конституционного строя и осуществляется на всей территории России, вне зависи-

Секция 1

ности от выбранной формы осуществления и вне зависимости, кому и для каких хозяйственных целей, в собственность или в аренду, отведена земля на территории муниципалитета, что прописано в Федеральном законе № 131-ФЗ.

Такие вопросы местного значения, как:

- 1) установление, изменение и отмена местных налогов и сборов;
- 2) дорожная деятельность;
- 3) организация мероприятий по охране общественного порядка;
- 4) сохранение и использование объектов культурного наследия;
- 5) организация сбора, вывоза и утилизации отходов;
- 6) организация благоустройства;
- 7) утверждения генеральных планов, правил землепользования и застройки;
- 8) выдача разрешений на установку рекламных конструкций;
- 9) организация освещения и установка указателей – воспринимаются правоохранителями органами и хозяйствующими субъектами как естественные, и полномочия по их осуществлению ТОСы могли бы взять на себя полностью либо частично, не нарушая законных прав пользователей земельных участков на территориях муниципалитетов. Попытки зарегистрированных в организационно-правовой форме некоммерческих организаций ТОСов формализовать свое право на осуществление полномочий по решению отдельных вопросов местного значения воспринимаются муниципалитетами как недопустимые, они – муниципалитеты, считают, что не имеют право обеспечивать преимущественные условия одним субъектам по отношению к остальным участникам хозяйственных отношений, тем самым интерпретируя правовой статус юридического лица ТОС как рядового хозяйствующего субъекта, деятельность которого

регулируется гражданским кодексом, что является недопустимым попранием конституционных прав населения на осуществление местного самоуправления.

Одной из особенностей местного самоуправления является то, что оно, согласно Европейской Хартии местного самоуправления, обеспечивает одновременно эффективное и приближенное к гражданам управление. Конституционные основы российской системы права, основанные на Конституции РФ, позволяют рассматривать такую форму осуществления местного самоуправления, как ТОС, еще одним уровнем непосредственного осуществления населением политики государства, в буквальном смысле слова, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Недостаточное внимание к территориальному общественному самоуправлению со стороны многих деятелей публичной политики, включая ряд региональных и муниципальных лидеров, определено непониманием принципиально новой концепции о государственном устройстве России, на принципах разделения властных полномочий по ветвям и уровням власти, кардинально отличающейся от ранее существовавшей концепции жестко централизованного государства.

Список литературы

1. Барабашев, Г. В. Местное самоуправление / Г. В. Барабашев. – М. : МГУ, 1996. – 312 с.
2. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) от 12.12.1993 // Российская газета. – 2009. – № 7.
3. Мерсиянова, И. В. Территориальное общественное самоуправление как форма общественного участия / И. В. Мерсиянова // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2010. – № 3. – С. 149–168.

Секция 1

4. Муниципальное право / под ред. С. А. Авакьяна. – М. : Пропсект, 2009. – 362 с.

5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 40, ст. 3822.

6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 28.08.1995 (ред. от 21.07.2005) № 154-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 35, ст. 3506.

7. О местном самоуправлении в Российской Федерации : закон Рос. Федерации от 06.07.1991 (ред. от 22.10.1992) № 1550-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верх. Совета Рос. Федерации. – 1991. – № 29, ст. 1010.

8. Сергеев, Д. Б. Элементы структуры (организационной системы) муниципального образования / Д. Б. Сергеев // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 11. – С. 28–33.

Секция 2

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОСОБЕННОСТИ ФЕМИНИСТСКОЙ УТОПИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Ю. А. Жаданов

*Доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры
истории зарубежной литературы и классической филологии
Харьковского национального университета
имени В. Н. Каразина, г. Харьков, Украина*

Аннотация. Статья посвящена изучению женской утопии рубежа веков (XIX–XX) на примере творчества Шарлотты Гилман. Анализ романа «Женская земля» («Herland») позволил выделить специфические жанровые черты феминистской утопии этого периода.

Abstract. The article examined female utopias turn of the century (XIX–XX) and focuses on Charlotte Gilman's works. Analysis of the novel "The Women's Land" ("Herland") allowed to identify the specific features of the genre of feminist utopias of this period.

Ключевые слова: феминистская утопия, гендер, открытая концовка романа, утопическая проблематика, герой-повествователь.

Key words: feminist utopia, gender, open ending of the novel, utopian issues, the protagonist-narrator.

Настоящая статья является логическим продолжением предшествующей публикации автора, в которой было выделено три этапа предтеч современной феминистской утопической литературы и проанализировано творчество писателей первого периода. Анализу особенностей второго периода – времени качественного прорыва, выведения женской утопии на уровень мировой и посвящена новая работа автора.

Ключевая фигура этого периода – Шарлотта Перкинс Гилман (Charlotte Perkins Gilman (1860–1935)) – выдающаяся

американская писательница, поэтесса, художница, социолог, реформатор, видная представительница феминистического движения, которая своей жизнью и творчеством стала примером для будущих поколений женщин не только Америки, но и всего мира. В историю утопической литературы вошла как автор утопической трилогии: «Движущиеся Горы» («Moving the Mountain», 1911); «Женская земля» («Herland», 1915); «С Ней в Оурланд» («With Her in Ourland», 1916), печатавшейся в издаваемом самой Гилман ежемесячном журнале «Forerunner» с 1909 по 1916 год.

На жизненные и писательские позиции Гилман оказали влияние следующие факторы:

1. Тяжелое детство (отец – Фредерик Бичер Перкинс (Frederick Beecher Perkins) бросает жену с двумя детьми, обрекая их, тем самым, на голодное нищенское существование; мать – Мэри Перкинс (Mary Perkins) вследствие перенесенного стресса холодна к детям (по выражению Шарлотты, «проявляла свою любовь только тогда, когда мы спали» [6, р. 31]), запрещала им читать художественную литературу, оберегая, как ей казалось, от излишней романтизации жизни).

2. Непреодолимая тяга к знаниям, образованию, прошедшая через всю жизнь (читать научилась самостоятельно в 5 лет; повышенный интерес к чтению, самообразованию; феноменально высокий уровень знаний в школе).

3. Неудачный первый брак (с 1884 по 1888 г. замужем за художником Чарльзом Уолтером Стетсоном (Charles Walter Stetson), который проявил холодность и непонимание к жене после тяжелых родов, приведших к длительной послеродовой депрессии (итогом перенесенного стал рассказ ужасов «Желтые обои» – единственное переведенное на русский язык произведение Гилман); односторонний разрыв с мужем (в XIX в. – это подвиг), официального развода добилась только в 1894 году).

4. Активная общественная позиция (участие в различных организациях: «Движение социальных реформ», феминистическое движение); выступления с докладами (Конгресс Международного Социалистического Труда (1896), Международный Конгресс Женщин в Берлине (1903); лекционное турне (1896); публикация книги «Женщины и экономика» (1898); гастрольное

Секция 2

турне по Англии, Голландии, Германии, Австрии, Венгрии (1904): редактирование журнала «Forerunner» (1909–1916)).

5. Удачный второй брак (с 1893 по 1934 г. замужем за двоюродным братом Хоутоном Гилманом (Houghton Gilman), адвокатом с Уолл-стрит, ставшим для писательницы не только опорой и поддержкой, но и близким другом и единомышленником, поддерживающим ее во всех начинаниях. В мировую литературу она вошла под фамилией второго – любимого – мужа. После смерти Хоутона в 1934 г. пережила мужа на 1 год. Покончила жизнь самоубийством в 1935 (болела раком груди) – передозировка хлороформа).

В уже упоминавшейся трилогии наибольшую известность получил роман «Женская земля» («Herland»). Рассмотрим его более подробно.

Проблематика, форма и структура повествования достаточно традиционны для утопической литературы. Это большой плюс с точки зрения внесения / невнесения женской утопии в перечень важнейших утопических произведений мировой литературы (вспомним, трения по этому поводу в связи с женскими утопическими романами XVII–XVIII веков). Да, «Herland» Гилман близок к традиционному «мужскому» утопическому роману, но в наличии обязательная изюминка феминистской литературы – в центре романа женский вопрос, гендерная проблематика, наконец, женский взгляд на утопические проблемы.

Повествование ведется от лица Ван Дженнингса, студента социологии, который вместе с друзьями Терри О'Николсоном и Джейфри Маркграфом отправляется в экспедицию в труднодоступный район земли для подтверждения или опровержения сведений о сообществе (государстве), состоящем исключительно из женщин. Перед нами типичный прием позитивной утопии с использованием рассказчика-путешественника, побывавшего в идеальной стране и передающего нам, читателям, свои впечатления об увиденном. Есть элементы новизны. Во-первых, нам не рассказывают об идеальном мире после возвращения. Мы, читатели, как бы становимся соучастниками происходящих событий, что придает повествованию динамику, интригу, наконец, повышает читательский интерес к описываемому. Этот прием очень часто встречался у писателей-мужчин (Ж. Верн, Дж. Лондон), в

женской литературе его впервые применила именно Гилман. Вторых, несмотря на то, что основной рассказчик один, введение двух других героев расширяет повествовательное поле, давая возможность с разных точек зрения увидеть новый мир и в трех вариантах осветить гендерный аспект описываемого. Друзья отправляются на поиски Женского идеального мира. Поэтому три героя – это, прежде всего, три взгляда на женщину, три традиционных типа отношения мужчины к женщине. Джейф предстает поэтически-приподнятое восприятие женского начала, для него женщина – нежное, трогательное создание, которое следует защищать и любить. Терри – полная противоположность, он относится к женщине с определенным недоверием и подозрением, для него женщина как дичь для охотника, которую нужно настигнуть и победить. Герой-повествователь Ван представляет нечто среднее между этими противоположными точками зрения. Забегая вперед, подчеркнем, волею автора героям будет предоставлена возможность проверить на практике свои теории и фантазии. Наличие трех главных героев, выражающих основополагающие авторские тенденции, как известно, было новаторским приемом Хаксли в романе «О дивный новый мир». У Гилман, оказывается, этот прием успешно обыгрывался за 17 лет до выхода романа Хаксли.

Достигнув места назначения на бипланах (реалии времени Гилман: начало XX в. – открытие эры летательных аппаратов), герои проникают вглубь незнакомой местности. Преследуя трех местных девушки, друзья попадают в город, состоящий (отмечает Ван-повествователь) из красивых, прочных зданий. Здесь герои впервые узнают название этой страны – Хёленд. Проходя по улицам, Ван, Джейф и Терри с удивлением констатируют полное отсутствие мужчин, а девушки и женщины отличаются высоким ростом, крепким телосложением, полным отсутствием страха или робости перед незнакомцами. Окруженные группой женщин среднего возраста, юноши, не успев опомниться, были выведены из строя. Очнувшись, друзья констатируют, что попали в плен к этим новым амazonкам.

Обращаются с ними более чем приветливо: дали чистую одежду, поместили в удобные жилые помещения, кормят свежими и вкусными продуктами, обучают местному языку. Гил-

ман изображает женщин разумными и мудрыми, стремящимися узнать как можно больше о внешнем мире. «Истинная утопия», по мнению М. Элиав-Фелдон, не должна включать в себя божественное вмешательство или участие, являясь «реалистичной» утопией, то есть давать понимание, является ли цель утопии полностью вымышленной, эскапистской или на самом деле реализованной, является ли структура сатирической инверсией нынешних условий общества, подробно ли описаны социально-политические отношения. Женщина-критик утверждает, что «подлинные утописты не предаются фантазиям о недостижимых садах Эдема, а предлагают практические, хотя иногда очень резкие средства для борьбы с недостатками в их обществах» [3, р. 100]. Она также говорит о том, что утопии пишутся интеллигентами – людьми, чувствительными к страданиям этого мира. Все это в полной мере можно отнести к произведению Гилман.

Благодаря Вану мы узнаем о своеобразии местной одежды, мебели, архитектуры. На всем лежит печать pragmatизма и эстетики, во всем чувствуется какая-то новая, пока еще недоступная пониманию путешественников мораль. После многомесячного плена, мужчины предпринимают попытку побега, но были пойманы и возвращены в крепость.

Ван постепенно узнает историю Хёленда – Женской земли: 2 000 лет назад, вследствие извержения вулкана, перекрывшего все пути общения с внешним миром, большинство мужчин погибло. Оставшиеся в живых мужчины, в основном рабы, начали войну за передел земель и женщин. В ходе гражданской войны, длившейся несколько лет и истощившей остатки сил вырождавшейся нации, все мужчины были уничтожены. Чувство обреченности, безысходности и уверенности в близком конце, сменилось робкой надеждой на возможность возрождения. Произошло чудо: одна женщина среди выживших забеременела и родила ребенка женского пола, и еще четыре девочки после. Пять дочерей этой женщины через время также смогли родить по пять девочек и так далее в геометрической прогрессии. Этот процесс быстро восполнил численность населения и привел к особому культу материнства. С тех пор женщины посвятили себя развитию собственного обновленного государства. Опираясь на традиции гуманизма, общечеловеческих ценностей, жен-

щины (без мужчин с их агрессией и жаждой самоуничтожения) сумели создать новое, действительно идеальное общество, где все было рационально и эстетично, с опорой на женскую мудрость и здравый смысл.

Через сообщения Вана мы, тем самым, узнаем о первоосновах совершенного общества с детализацией различных общественных институтов. Все как всегда (как это было у Платона, Мора, Кампанеллы...), но с одним отличием. В этом идеальном мире нет места мужчине, а может даже и так – этот мир совершенен потому, что в нем нет мужчины. Немного жутковатая мысль, от которой по спине бегут мурашки. Факт непорочного зачатия, пожалуй, единственное слабое место в умопостроениях Гилман.

Когда Ван с товарищами вполне освоили женский язык и доказали, что им можно доверять, то получили больше свободы. Далее вступает в силу новая сюжетная линия – любовная история героев – каждый из них завязывает отношения с одной из местных женщин. Наличие любовной сюжетной линии главного героя, изменяющей его внутренний мир, как мы помним, было осмысленным нововведением Замятина в романе «Мы», создающего новые каноны нового же жанра. Любовная история подавалась Замятиным с целью придания большей художественности и выразительности персонажам традиционной позитивной утопии. Но все это будет только в 1920 г. и будет выглядеть как подлинный жанровый прорыв. Оказывается, все это уже было реализовано Гилман в 1915 г., да еще на примере не одной, а трех любовных историй. Писательница показывает сложность и неоднозначность развития любовных отношений у главных героев: Ван знакомится с Элладор, Джeff – с Селис и Терри – с Алимой. Гилман удается психологически точно изобразить своеобразие восприятия любви женской и мужской стороной. Джeffу, с его природной добротой, юмором, умением нравиться женщинам, несложно добиться от Селис взаимности. Ему сложнее другое – остановиться на одной Селис при таком разнообразии выбора. Терри достаточно сложно наладить личные отношения с женщинами, потому что местные женщины отказываются соответствовать его ожиданиям. Ван в своих отношениях с Элладор проходит все стадии любовных пережива-

ний и разочарований, в результате которых рождается сильное и крепкое чувство взаимной любви.

Женской стороне также приходится пройти сложный и тернистый путь обретения личного счастья. Дело в том, что в обществе Хёленд женщины, в отсутствие мужчин 2000 лет, по-видимому, не имеют опыта или культурной памяти романтической любви и полового акта, слабо представляют себе, что такое быть женой или в чем секрет женственности. Таким образом, три пары влюбленных дают образцы авторского понимания сложности и глубины любовного чувства. Тема для Гилман, по-видимому, очень важная и принципиальная, поэтому ей в романе отводится достаточно большое место (намного больше, чем у Замятиня и Хаксли).

Кстати, любовные отношения приводят к завершению романа. Терри, не добившись взаимности от Алимы, предпринимает попытку изнасилования, предстает перед судом женщин, и после рассмотрения дела ему предписано вернуться на родину. Ван, единственный из друзей, обретший счастье взаимной любви, вынужден сопровождать Терри в его возвращении домой. Элладор порывается лететь с мужем, но Ван уговаривает ее остаться: он должен подготовить жену и подготовиться сам к ее перелету. После его возвращения они вместе полетят на большую землю. Глубоко в душе Ван с тревогой думает осложностях адаптации Элладор к его миру.

Открытая концовка предполагает различные варианты продолжения темы, дает возможность читателю, с одной стороны, осмыслить прочитанное, сделать собственные выводы; с другой – позволяет читателю включиться в процесс сотворчества, завершая историю полюбившихся героев. Авторская цель достигнута, читатель задет за живое, а главное (с точки зрения развития жанра) – налицо новаторские черты утопии, придающие традиционному малохудожественному жанру обновленный вид. При этом усилия Гилман совпадают с основной тенденцией развития жанра утопии – движения от трактатной (назидательно-поучительной) к романной форме повествования.

Подводя итоги краткого анализа романа Ш. Гилман «Женская земля» («Herland»), можем констатировать следующее.

1. Трилогия Ш. Гилман стала очередным, значительным этапом развития женского утопического романа, выведшим последний на уровень лучших достижений этого жанра, и только (по нашему глубокому убеждению) извечная мужская снисходительная недоверчивость ко всему «женскому» как изначально второстепенному (по отношению к полновесному и самодостаточному «мужскому») не позволила в свое время занять роману «Herland» подобающее ему место. После размытых (в жанровом отношении) произведений М. Кэрри, М. Кавендиш и С. Скотт, роман Ш. Гилман достиг уровня развития утопического романа конца XIX – начала XX в. и с полным правом может быть поставлен в ряд с произведениями Ж. Верна, У. Морриса, Э. Беллами, Г. Уэллса.

2. Роману Ш. Гилман «Женская земля» («Herland») присущи как обязательные черты утопического произведения, так и новаторские элементы, способствующие дальнейшему развитию жанра.

2.1. Расширение традиционной утопической проблематики введением ряда новых (ранее не присутствующих в утопиях) тем:

– проблема гендерных ролей в обществе, пересмотр устоявшихся (вечных) мнений: вполне в духе жанра автор предлагает пример «перевернутого» мира, где женщинам свойственные мужские доминанты – короткие прически, физическая сила, уверенность, независимость; мужчинам же присущи традиционные женские отличия – длинные волосы (почему-то у героев-мужчин во время путешествия усиленно растут волосы), женственность в поведении Джейффа: 1) элементы, как бы мы сейчас сказали, «голубизны» в манерах; 2) умение героя «увидеть мир глазами женщины», Джейфф наделен не свойственными большинству мужчин чувствами сострадания, сопереживания, умением проникнуть в женскую психологию. И здесь Гилман намного опередила свое время. Подобные гендерные нюансы станут злободневными только в наши дни (конец XX – начало XXI столетия);

– проблема равенства полов: Гилман художественно реализует, вероятно, не дававшую ей покоя мысль о том, что похвала женщине, оценка ее возможностей может быть независимой от мужчины (вспомним, что общественная свобода дейст-

вий, социальная активность женщины конца XIX – начала XX в. не намного отличались от времен глубокой античности, когда все свои социальные функции женщина могла реализовывать только через мужчин – отца, мужа, сына. Феминистка Гилман считает подобное положение унизительным и недостойным для современной женщины. Поэтому в ее новом мире женщины достигли всего без мужчин – вполне утопический и радикальный проект, причем не как вариант к использованию (автор все же гуманистка), а как наглядный пример (чистота эксперимента) женского физического и духовного потенциала);

– проблема равенства в получении образования, создание культа последнего. Действительно, образование в Хёленде – это «высшее искусство», основа основ всеобщего процветания.

2.2. Форма путешествия в неизведанные земли связывает «Herland» с предшествующей утопической традицией. Перед нами типичная утопия места (ахрония), правда, порядком устаревшая к этому времени и малоиспользуемая в «мужской» утопии.

2.3. Образ повествователя-путешественника также традиционен, но есть авторский новаторский подход: герой-повествователь предстает в трех вариантах (с изображением трех главных героев – носителей различных оттенков главного конфликта Человека и Общества – мы знакомы по роману О. Хаксли «О дивный новый мир» (1932). Напоминаю, роман Гилман датируется 1915 г., то есть с полным правом можно говорить о действительном новаторстве Ш. Гилман, которое (вольно или невольно, осознанно или случайно) использовал Хаксли в своем бессмертном романе).

2.4. В изображении любовной сюжетной линии героев Гилман выходит за пределы жанра позитивной утопии и использует подход, который станет традиционным в жанре негативной утопии: любовная история героя как способ обретения нового взгляда на мир, новой самооценки и самокритики в совершенном обществе. Ш. Гилман, таким образом, предвосхищает будущие жанровые открытия Е. Замятин в романе «Мы».

2.5. Открытая концовка позволяет автору отойти от традиционного утопического завершения романа, предполагающее однозначно-авторское решение рассматриваемых проблем, предполагает возможные варианты продолжения сюжета. Это, в

свою очередь, способствует раскрепощению читательского воображения и активизации фантазии реципиента. Все это дает возможность читателю, во-первых, осмыслить прочитанное, сделать собственные выводы; во-вторых, позволяет читателю включиться в процесс сотворчества, завершая историю полюбившихся героев. Таким образом, Гилман в прогнозировании последующей читательской реакции намного опережает свое время и предлагает действительно новаторские (для того периода) подходы к осмысливанию проблемы: автор – текст – читатель.

2.6. Изменяется общая установка произведения: в традиционной утопии основное внимание автора сосредоточено на как можно более полном воссоздании всех институтов идеального общества, главная цель создателя антиутопии – глубокое проникновение во внутренний мир героев, сквозь призму которого оцениваются те или иные черты нового мира, Гилман удаётся совместить оба подхода в одном произведении. Таким образом, можно говорить о том, что в романе Ш. Гилман «Женская земля» предпринята попытка синтеза утопии и антиутопии – явления, в полной мере проявившегося лишь во второй половине XX века.

В последующие планы автора входит рассмотрение произведений третьего этапа развития феминистской утопической литературы.

Список литературы

1. Barr, M. Alien to Femininity : Speculative Fiction and Feminist Theory / Marleen Barr. – N. Y. : Greenwood Press, 1987. – 214 p.
2. Cranny-Francis, A. Feminist Fiction : Feminist Uses of Generic Fiction / Anne Cranny-Francis. – Oxford : Polity Press, 1990. – 240 p.
3. Eliav-Feldon, M. Realistic Utopias : The Ideal Imaginary Societies of the Renaissance, 1516–1630 / Miriam Eliav-Feldon. – N. Y. : Oxford UP, 1982. – 154 p.
4. Encyclopedia of literature and science / [ed. P. Gossin]. – Westport, CT : Greenwood Press, 2002. – 488 p.
5. Gilman, C. P. Herland [Electronic resource] / Charlotte Perkins Gilman // Electronic Text Center, University of Virginia Library. – Electronic text data. – Mode of access: http://localhost/Gilman_free_encyclopedia.mht. – Title from screen.

6. Gilman, C. P. The Living of Charlotte Perkins Gilman : An Autobiography / Charlotte Perkins Gilman. – N. Y. : Harper & Row, 1975. – 295 p.

НОВАТОРСТВО Э. БЁРДЖЕССА В РАЗВИТИИ ЖАНРА АНТИУТОПИИ

O. I. Сердюкова

*Старший преподаватель кафедры иностранных языков
Харьковского института банковского дела
Университета банковского дела Национального банка Украины,
г. Харьков, Украина*

Аннотация. В работе на примере анализа романов Бёрджесса исследуются особенности писателя как автора-антиутописта в сравнении с классической антиутопией I половины XX века.

Abstract. The article deals with exploration of Burgess's novels as an writer of antiutopia in comparison with a classical dystopia of first half of the twentieth century.

Ключевые слова: негативная утопия, сленг, антиутопия, искусственные языки, роман-антиутопия, роман-предостережение.

Keywords: negative utopia, slang, dystopia, aspectsartificial languages: the antiutopia novel, the novel-caution.

Человек, писавший под многочисленными псевдонимами (Джозеф Келл, Энтони Пауэл, Энтони Джилверн), получивший при рождении имя Джон Энтони Бёрджесс Уилсон (John Anthony Burgess Wilson) и вошедший в анналы современной английской литературы как Энтони Бёрджесс (Anthony Burgess, 25 февраля 1917 – 22 ноября 1993), для широкой читательской аудитории все еще остается автором одного романа – «Механический апельсин» («A Clockwork Orange», 1962).

Энтони Бёрджесс – личность уникальная и многогранная, проявившая себя как выдающийся музыкант, композитор (симфонии, балет и опера) и теоретик музыки, критик и литера-

туровед (специалист по творчеству Шекспира и Джойса), лингвист и журналист, эссеист и переводчик. По странному стечению обстоятельств, столь многочисленное творческое наследие автора не получило соответствующего рассмотрения, изучения и осмыслиения в современных гуманитарных исследованиях, более того, современное бёрджессоведение характеризуется практически полным отсутствием (за редким исключением) серьезных научных работ как в отечественной, так и зарубежной науке.

Целью данной статьи является анализ творчества (романы антиутопической направленности) Э. Бёрджесса как одного из фундаторов жанра антиутопии второй половины XX века.

Классический жанровый канон негативной утопии, как известно, сложился в первой половине XX в., благодаря усилиям одного русского (Е. Замятин) и двух английских писателей (О. Хаксли и Дж. Оруэлл).

Вторая половина XX в. характеризовалась поисками новых путей развития жанра, так как великая тройка максимально полно (особенно Оруэлл) реализовала в своих произведениях потенциал нового жанра. Среди авторов, находящихся в активном поиске новых форм и возможностей жанра антиутопии, с полным правом можно назвать Э. Бёрджесса.

Зарубежным литературоведением творчество Э. Бёрджесса рассматривалось с разных точек зрения:

- исследования, изучающие биографию писателя и ее влияние на творчество (Дж. Дикс, С. Коул, Р. Льюис) [9; 7; 11].
- работы монографического характера (А. Де Витис, Р. Моррис и др.) [8; 13]. Повышенный интерес ученых привлекал роман Э. Бёрджесса «Механический апельсин» (его морально-этический и религиозный аспекты).

Научные разведки, углубленно изучающие искусственный язык «надсат» (Р. Марти, Р. Эванс) [12; 10]. Сложности перевода молодежного сленга и возможные пути решения подобной проблемы, история создания «надсат» и особенности его грамматического и лексического строя – вот что, прежде всего, интересовало исследователей.

Повышенный интерес на Западе к творчеству Э. Бёрджесса пришелся на конец 60-х – начало 70-х гг., после

чего поток научных работ значительно сократился. В целом, творческое наследие писателя в полной мере так и не было раскрыто и изучено. В России одним из ведущих специалистов современного берджессоведения является Л.Ф. Хабибуллина [5], автор многочисленных научных статей и кандидатской диссертации, посвященной творчеству Э. Бёрджесса. Отечественное (украиноязычное) литературоведение стоит на пороге будущих открытий о своеобразии художественного мира выдающегося писателя своего времени, так и не понятого до конца современниками.

Среди значительного романного наследия писателя (33) можно выделить три произведения антиутопической направленности – «Механический апельсин» («A Clockwork Orange», 1962), «Вожделеющее семя» («The Wanting Seed», 1962), «1985» (1978).

Роман «Механический апельсин» (варианты перевода: «Заводной апельсин») стал первой пробой писателя в жанре негативной утопии. Благодаря успешной экранизации 1971 г. режиссера С. Кубрика с Малкольмом Макдауэлом в главной роли Алекса, Берджесс и его роман приобретают долгую и порядком скандальную славу, которая затмевает все последующие произведения автора. Шокирующий читательскую аудиторию подход к созданию главного героя – тинэйджера Алекса – этически отталкивающей, нравственно патологической личности (по сути – подлинного антигероя), наличие ярко выписанных сцен насилия, крайне дискуссионный характер проблемы допустимости вмешательства государства в личностное пространство индивидуума (операция на мозге сближает героя Бёрджесса с персонажами Замятина – Д-503 и Кена Кизи – Макмёрфи), болезненная трагичность традиционного антиутопического конфликта Личности и Общества (сближающая «Механический апельсин» с пронзительной трагичностью главного героя «Полёта над гнездом кукушки») создали феномен ассоциативности автора и его произведения: эта антиутопия и в глазах рядового читателя, и для большинства исследователей стала олицетворением творческого начала и апогеем художественного развития Энтони Бёрджесса. В силу этого в тени научных поисков оказались другие антиутопии автора.

«Механический апельсин», по сравнению с достижениями антиутопии I половины ХХ в., представил обновленный вариант жанра.

1. В романах Замятиня, Хаксли, Оруэлла создается всеобъемлющий образ Государства, олицетворяющий для авторов традиционные недостатки идеальных обществ. У Бёрджесса подобный подход отсутствует: вначале автор акцентирует внимание читателя на изображении особого мира насилия, царящего в банде Алекса, а позже сосредоточивается на описании последствий для героя операции на мозге и мести окружающих, тем самым традиционный конфликт Человека и Общества перестает быть обобщенно-абстрактным, приближаясь к герою на расстояние вытянутой руки, занесенной для удара.

2. Любовная линия, занимавшая столь важное место в романах-антиутопиях первой половины ХХ в., отсутствует у Бёрджесса в силу специфики патологической натуры героя, но заменяется, по-нашему мнению, любовью героя к музыке Бетховена (это намеренная позиция автора – создать для читателя психологическую дилемму: извращенец, изверг, насильник Алекс, то есть 100% негативный персонаж, и любовь к великой музыке немецкого гения, что подрывает эту первоначальную 100%-ю уверенность читателя в том, что главный герой полностью отрицательный персонаж).

3. Общая установка романа-антиутопии меняется. Для Замятиня и Хаксли важным было воссоздать все основные черты утопического общества в их полной реализации, способствующей их разоблачению и выявлению античеловеческой сущности большинства утопических положений. Оруэлла этот аспект негативной утопии интересует в меньшей степени, для него первостепенным становится скрупулезное исследование трагизма и безысходности положения маленького человека, раздавливаемого гигантской машиной тоталитаризма. Недаром после романа «1984» заговорили о новой разновидности негативной утопии – дистопии. Бёрджесс затрагивает морально-этический аспект традиционного антиутопического конфликта Человека и Общества: вправе ли Государство «гуманно исправлять» (лоботомия) даже самого закоренелого преступника. Напомним, что эта проблема впервые выведена в романе Замятиня «Мы» (1920), но у

Бёрджесса она приобретает острозлободневный характер, в связи с движением в мире по отмене смертной казни после II Мировой войны.

4. Создание особого молодежного языка-сленга как дополнительная (лингвистическая) характеристика персонажа и его окружения. При разработке «надсат» Бёрджесс, безусловно, идет в фарватере великого оруэлловского «новояза», но наделяет свой вариант вымыщенного (искусственного) языка иными функциями. Если «новояз» призван создать лингвистический образ тоталитаризма, во всем его многообразии и иезуитской сущности, то «надсат» облачен менее масштабными полномочиями: сквозь призму вычурной лексики пропастиает такой древний и каждый раз новый образ юношеского максимализма, желающего самоутвердиться и самоидентифицироваться в абсурдном мире взрослых.

5. Пессимистическая концовка (нравственная или физическая смерть главного героя), обязательная для канонов антиутопии первой половины XX в., сменяется у Бёрджесса завершением процесса внутренней нравственно-этической эволюции: герой, освободившись от последствий лоботомии, не может и не хочет возвращаться к своей прежней жизни, к своему прежнему «Я».

Роман «Вожделеющее семя», вышедший в один год с «Механическим апельсином», по-нашему мнению, внес еще более значительный вклад в развитие жанра антиутопии II половины XX века:

1. Бёрджесс в романе «Вожделеющее семя» представил расширение традиционной жанровой проблематики негативной утопии за счет введения в роман о будущем самых болезненных вопросов настоящего, доведенных авторской фантазией до абсурда: экологические катастрофы, приводящие к оскудению природных ресурсов земли и невозможности прокормиться всему человечеству; как следствие этого – всеобщая деградация и широкое распространение каннибализма; проблема создания и потребления синтетической пищи, губительной для здоровья; специфическое понимание войны не только как средства избавления от лишнего населения (давно известная в истории функция военных действий), но и как способ решения проблемы дефицита пищи (заготовка мясных консервов из тел погибших во-

время боевых действий); проблема мусульманского доминирования в христианской Европе; чрезмерное расширение прав лиц с нетрадиционной половой ориентацией и т. д.).

2. Автор развивает и дополняет специфические антиутопические начала: разработка эволюционной циклической картины мира обществ будущего (в новом мире Бёрджесса общество проходит три фазы развития – пелагианскую, интерфазу и аугустинскую), психологизация и индивидуализация типичных характеров идеальных миров (три главных героя романа представляют любовный треугольник, а взаимоотношения персонажей определяет развитие сюжета), иронично-полемичный характер повествования (великий насмешник Бёрджесс подвергает осмеянию и переосмыслению основные устои Западного мира), акцент на важности семейных ценностей (герои, пройдя путь отчуждения и неверия, вновь обретают смысл жизни в семье).

3. Антиутопия как жанр с момента своего возникновения носит ярко выраженный характер предупреждения о возможных бедах, ожидающих человечество в будущем. Но лишь во второй половине XX в., по нашему мнению, можно в полной мере говорить о появлении романа-предостережения. Будущие опасности в представлении писателей этой эпохи перестают быть только литературной игрой и носить абстрактно-теоретический характер (как это было (отчасти) характерно для замятинского «Мы» и «Дивного нового мира» Хаксли), а носят печать возможного рокового осуществления уже завтра. Например, опасность ядерного самоуничтожения человечества, болезнь телевизисности, воинствующая бездуховность в романе Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». Этой сверхактуальностью и болезненной злободневностью проникнут и роман Бёрджесса «Вожделеющее семя», многие предостережения которого реальны в сегодняшнем мире: противостояние мусульманского и христианского миров, перенаселение земного шара, муссирование темы гомосексуализма, опасность терроризма.

4. Мифологизация антиутопического повествования – Бёрджесс осознанно вводит в романе те или иные мифологические сюжеты с целью наиболее полного раскрытия поставленных задач. Так, по мнению Л. Хабибуллиной, «в основе произведения – древнейший "миф плодородия", а основной мифоло-

гический мотив романа – мотив жертвенной смерти и возрождения» [5, с. 6].

5. Новая важная черта обновленного жанра в романе «Вожделеющее семя» – возможность позитивной (счастливой для главных героев) концовки романа-антиутопии. По-нашему глубокому убеждению, это не просто механический повтор уже найденного другим автором новаторского решения (впервые апробация позитивной развязки в антиутопии II половины XX в. происходит в романе Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»). Бёрджесс почувствовал изменение общей атмосферы второй половины прошлого века в сравнении с эпохой классических антиутопий: фатальная обреченность главных героев классической антиутопии (гибнущих (физически или духовно) в борьбе со всемогущим Государством) сменяется авторским убеждением в возможность и необходимость противостоять враждебным силам Общества и одержать победу. Поэтому главные герои Бёрджесса (в отличие от персонажей Оруэлла), пройдя все жизненные перипетии, становятся по-настоящему родными людьми: любовь и тревога друг за друга позволяет им выжить в смутные времена и вернуться к традиционным семейным ценностям. На смену отчуждению оруэлловских Уинстона и Джулли приходит моральная победа главных героев Бёрджесса и надежда на лучшую будущую совместную жизнь.

6. Человечество, пройдя ужасы II Мировой войны, обрело твердую уверенность в необходимости отстаивать мир и гуманистические ценности. Этим обстоятельством обусловлена резкая перемена в позиции авторов антиутопических произведений: писатели второй половины XX в., развивающие сюжеты возможного будущего человечества, твердо убеждены в том, что мировое сообщество сможет найти выход из самых сложных проблем, стоящих перед ним. Эта убежденность передается героям антиутопий как родовое качество, априори присущее современному человеку. Обреченный фатализм классической антиутопии Замятиня, Хаксли, Оруэлла преодолевается в произведениях Брэдбери, Бёрджесса (и других авторов) путем напряженных авторских поисков путей выхода из тупиковых поворотов истории. У Брэдбери бывший пожарник, уничтожавший книги, уходит в леса вместе с людьми-книгами, в ожидании

лучших времен, которые (в этом убеждены и автор, и герой) обязательно наступят. Бёрджесс ищет спасение в первичной ячейке общества – семье – носительнице исконных человеческих ценностей. Недаром тоталитарные государства Оруэлла, Хаксли и Замятин всегда рассматривали семью как потенциальную опасность своей неограниченной власти.

Еще одним антиутопическим экспериментом в творческом наследии Энтони Бёрджесса стал роман «1985» (1978), представивший третий вариант восприятия и художественного осмысливания писателем жанра негативной утопии:

1. Произведение состоит из двух частей (тем самым автор использует классическую моровскую традицию двучастности произведений утопической направленности). Первая часть носит скорее публицистический, нежели художественный характер, хотя по объему занимает половину всего произведения. Безусловно, это определенный минус романному началу (у Оруэлла, например, книга Голдштейна – краткая история основ «англосоцца» (написанная также в публицистическом стиле) занимает незначительное место в общей структуре текста и не влияет на художественное восприятие всего произведения).

2. Первая часть включает три смысловые составляющие: 1) общая характеристика политической, профсоюзной, экономической жизни Великобритании и ее место в современном мире (опять налицо близость к «Утопии» Мора, где, как известно, в первой части дается краткое описание современной автору Англии, с акцентированием внимания на общих недостатках того времени); 2) подробный разбор предшествующих антиутопических произведений с выделением важнейших положений, архиважных для автора; 3) «1985» намеренно создавался автором как сиквел романа Джорджа Оруэлла «1984», поэтому первая часть произведения Бёрджесса завершается подробным анализом бессмертного романа Оруэлла с едкой критикой в адрес последнего.

3. Вторая часть – собственно сам художественный текст романа «1985» строится автором в непрерывной связи, полемике и некоем продолжении роману «1984». Подобно классической антиутопии первой половины XX в., использующей все основные противоречивые положения традиционной утопии с доведением их до логического завершения с целью раскрытия их

античеловеческой сущности, Бёрджесс разоблачает роман Оруэлла. Так, например, право на забастовку (бывшее недосягаемой мечтой для оруэлловских героев), реализованное в мире Бёрджесса на законодательном уровне, приводит к параличу государственности, так как все слои населения не занимаются своим прямым делом, а лишь перманентно бастуют, выбивая новые «свободы». В результате не работают школы (учителя бастуют), процветает преступность (полиции также отстаивает свои права на забастовках) и т. д.

4. Вся сюжетная канва «1985» также увязана с темой непрерывных забастовок (во время подобных беспорядков гибнет жена главного героя, и он безуспешно пытается найти и покарать виноватых).

5. Тема противостояния мусульманского и христианского мира, начатая в «Вожделеющем семени», продолжается и в «1985», приобретая угрожающий характер (исламский мир начинает поглощать европейские ценности, культуру, и этот процесс показан как необратимый).

6. Бёрджесс, разочаровавшись в реалиях современного мира, вновь возвращается к пессимистической концовке произведения: главный герой не добившись правды, кончает жизнь самоубийством.

Таким образом, творчество Бёрджесса представило ряд альтернативных путей развития современной антиутопии, идущих вразрез с традициями классической антиутопии первой половины XX века.

Список литературы

1. Безкоровайний, Г. Берджес / Г. Безкоровайний // Зарубіжні письменники : Енциклопедичний довідник. У 2 т. Т. 1. А – К / [за ред. Н. Михальської, Б. Шавурського]. – Тернопіль : Навч. кн. – Богдан, 2005. – С. 129–131.
2. Бёрджесс, Э. Заводной апельсин / Э. Бёрджесс. – СПб. : Симпозиум, 2001. – 230 с.
3. Дорошевич, А. Энтони Бёрджесс: цена свободы / А. Дорошевич // Иностранная литература. – 1991. – № 12. – С. 229–233.

Секция 2

4. Головачёва, И. В. Утопии в литературе и психологии / И. В. Головачёва // Вопросы философии. – Вып. 6. – СПб., 2000. – С. 119–131.
5. Хабибулина, Л. Ф. Антиутопия в творчестве Энтони Бёрджесса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Хабибулина Лилия Фуатовна. – Н. Новгород, 1994. – 16 с.
6. Burgess, A. *A Clockwork Orange. The Wanting Seed*. 1985 / A. Burgess. – Harmondsworth : Penguin, 2000. – 452 p.
7. Coale, S. Anthony Burgess / S. Coale. – N. Y. : Frederick Ungar, 1981. – 180 p.
8. De Vitis, A. A. Anthony Burgess / A. A. De Vitis. – N. Y. : Twayne, 1972. – 108 p.
9. Dix, G. M. Anthony Burgess / G. M. Dix. – L. : Longman, 1971. – 310 p.
10. Evans, R. O. Nadsat: The Argot and Its Implications in Anthony Burgess' *A Clockwork Orange* / R. O. Evans // II Journal of Modern Literature. – 1971. – № 1. – P. 406–410.
11. Lewis, R. Anthony Burgess / R. Lewis. – L. : Faber and Faber, 2002. – 434 p.
12. Marti, R. Nadsat: *A Clockwork Orange* in bulgarischer Übersetzung / R. Marti // Sprache – Text – Geschichte. Festschrift für Klans-Dieter Seemann. – München : Otto Sagner, 1997. – S. 174–183.
13. Morris, R. K. *The Consolations of Ambiguity: An Essay on the Novels of Anthony Burgess* / R. K. Morris. – Columbia : Univ. of Missouri Press, 1971. – 250 p.

К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РОЛИ МОНОЛОГА В КАРАКАЛПАКСКОЙ ПРОЗЕ

3. У. Бекбергенова

*Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
соискатель Каракалпакского государственного университета
имени Бердаха, г. Нукус, Каракалпакстан*

Аннотация. Исследована проблема изучения монологической речи и его роли в художественных произведениях. Если ранее ученые в своих трудах, посвященных теории литературы, относят монолог к художественному средству, используемому для отображения духовного мира персонажа, то в последнее время некоторые исследователи рассматривают монолог как художественный тип. Монолог (*греч. monos – один, logos – слово*) – это обращенные к самому себе или к другим слова персонажа произведения. В отличие от диалога, монолог исключает какое-либо вмешательство других людей. В статье рассматриваются такие виды монолога, как внешний монолог, где персонаж повествует либо размышляет вслух, и внутренний монолог, когда повествование персонажа проявляется в форме его мыслей, а также монологи обращенные и уединенные, эпистолярные и автокоммуникация.

Abstract. Devoted to a problem of studying of monologue speech and its role in works of art. If earlier researches in their works, devoted to the theory of literature, related a monologue to the art means used for reflecting of spiritual world of the personage, and recently some researchers consider monologue as an art type. Monologue (from greek monos-one, the logos-word) are turned to self or to another words of the personage of work. Unlike dialogue the monologue excludes any intervention of other people. In article monologue types are considered such as an external monologue where the personage narrates or reflects aloud and an internal monologue, when the narration of the personage is shown in the form of his thoughts, and also monologues addressed and lonely, epistolary and auto communication

Ключевые слова: монолог, психология персонажей, внутренняя речь, внешний монолог, повествование, компонент, развитие событий.

Keywords: monologue, psychology of personage, internal speech, external monologue, narration, component, succession of events.

Монологическая речь (*от греч. monos, logos – единоречие*) – вид речи, совсем или почти не связанный <...> с речью собеседника ни в содержательном, ни в структурном отношении [18]. «По функции, которую выполняет монологическая речь в структуре произведения, различают: 1) внешний монолог, когда

персонаж произносит свою речь вслух, 2) внутренний монолог, когда монологическая речь проявляется в форме мыслей, внутренней речи персонажа. В художественной литературе эти два типа монолога используются как средство описания душевного мира персонажей» [16, с. 201].

Если учесть, что литературное произведение составляет единую систему, то эту целостность можно считать авторским монологом, обращенным к читателю. Таким образом, монологическая речь является неразделимой частью литературного произведения. В то время как лирическое произведение от начала до конца является монологом поэта, эпическое и драматическое творения включают в себя монологи, введенные автором для раскрытия психологии персонажей. В эпических произведениях монологи повествователя и диалоги персонажей обычно располагаются вместе.

Повествование через монологическую речь и внутреннюю речь являются своеобразным художественным приемом, удобным для раскрытия психологии персонажей прозаических произведений. Таким образом, с погружением каждого писателя во внутренний мир своего персонажа повышается художественно-эстетическая ценность произведения, в котором широко отображены и всесторонне описаны явления предметного мира. Академик В.В. Виноградов пишет: «...в художественной литературе широко используются, иногда с комментариями, вставленными в ткань сюжета, субъектно-стилистические формы речи, связанные не только с диалогом, но и с монологом – и направленные на раскрытие характеристического образа персонажа – субъекта речи [5, с. 25]. В то время как профессор Г. Винокур различает 3 вида монологов: драматический, эпический и лирический [6, с. 253], академик В. Виноградов выделяет четыре вида монологической речи: монолог убеждающей окраски – примитивная форма ораторской речи; монолог лирический, как речевая форма изъявления переживаний и эмоций; монолог драматический, как сложный вид речи, в которой язык слов является лишь как бы аккомпанементом другим системам психических обнаружений – путем мимики, жестов, пластических движений и т. п. – и, наконец, монолог сообщающего типа [5, с. 20–21].

В структуре прозаических произведений каракалпакских писателей в основном чаще встречаются монологи эпического характера, повествующие о прошлом. Так, в монологической речи автора романа-эссе «Каракалпакнама», «Письма на тот свет, дедушке» Т. Каипбергенова обнаруживается доверительный, пропагандирующий характер повествования, в романах «Халкабад», «Факельщики» Ш. Сеитова и романе «Тербенбес» К. Матмуратова, «Уходя, хочу вам сказать» К. Смамутова преобладает драматический характер монологической речи, к тому же каждый из видов монологов содержит элементы диалога.

В творчестве Т. Каипбергенова мы находим различные образцы монологической речи. Если композицию романа-эссе «Письма на тот свет, дедушке» составляют мысленные письма обращения автора, разговор автора с самим собой или же монологическая речь людей, ставших больными вследствие экологической катастрофы, то в романе «Зеница ока» выступления бывшего директора совхоза «Жаналық» Ержана Сержанова и нового директора Жаксылыка Даuletова, сельских жителей – старика Кудайбергена, Елбая Кошшанова представляют собой несколько видов монологов, таких, как уединенный и обращенный монологи, внутренняя речь, монолог-обсуждение, монолог-мечта, монолог-воспоминание. А в романе-эссе «Каракалпакнама» через монологическую речь старосты улицы, дедушки и бабушки автора, а также дневниковые записи и письма самого автора, его разговор с самим собой вследствие внутренних переживаний ведется глубокое размышление о прошлом, настоящем и будущем каракалпакского народа, о путях его спасения от экологической катастрофы.

Рассмотрим обращенную речь простого жителя аула старика Кудайбергена из романа «Зеница ока»:

– Я согласен с освобождением Сержанова по собственному заявлению. Было бы хорошо, если бы он подал заявление еще раньше, ведь сколько может руководить народом один и тот же человек? В его тени незамеченным оставалось одно поколение. Потому как у каждого поколения есть своя новость. Новый человек начинает дело с новой задумкой. Теперь мое пожелание – пусть будет освобожден Завмаг (прозвище. – Б. З.). <...> На юге нашего аула есть кладбище. Нет ни одной семьи в совхоз-

зе, член которого бы не покоился на том кладбище. <...> Но у этого кладбища нет ограждения. На кладбище забредает скот. Если убегают с привязи козлята и ягнята, находим на том кладбище. Знаем, что будет похоронен на том кладбище, если умрет один из нас, сидящих здесь, но вместе с тем знаем, что над нами будет пасть скот. И потому – кто хочет тихо умереть в этом совхозе? Хотя сейчас никто открыто не выскажет мнения, перед смертью все проклянут Сержанова. Поэтому я прошу нового директора нашего совхоза оградить стеной то кладбище [9, с. 40–41].

Через речь персонажа романа старика Кудайбергена, выступившего перед обществом, можно ясно представить человека преклонных лет, много видавшего на своем веку, имеющего определенные взгляды на происходящие события. Его выступление состоит из вопросов и восклицаний, свойственных народной речи.

Таким образом, через выступление персонажей перед обществом раскрывается их характер, потому что в речи персонажа открыто излагается его позиция и взгляды на жизненные вопросы, вследствие чего наблюдается сходность эпического монолога с монологом драматическим.

Известный русский ученый М.М. Бахтин, исследовавший проблему типов художественной речи, наряду с прямой речью авторов обращает внимание на роль речи персонажей в повышении художественной значимости литературного произведения: «Первичный автор, если он выступает с прямым словом, не может быть просто писателем: от лица писателя ничего нельзя сказать (писатель превращается в публициста, моралиста, учёного и т. д.), поэтому первичный автор облекается в молчание. Но это молчание может принимать различные формы выражения» [4, с. 373]. Здесь ученый имеет в виду то, что только тогда, когда писатель от авторского повествования переходит к передаче речи и действий персонажей, а также вводит диалоги персонажей, события произведения окажут большее воздействие на читателя. В труде «Проблемы поэтики Достоевского» М.М. Бахтин рассматривает монологическую речь как один из типов двуголосого слова, появившегося в результате слияния авторской речи и речи персонажа [17].

Узбекский литературовед Й. Солижонов в докторской диссертации «Поэтика художественной речи узбекской прозы 80–90-х годов XX века», выделяя монологическую речь как особый тип художественной речи, пишет: «И. М. Бахтин, и В. Кожинов, и А. Фёдоров, изучавшие типы художественной речи, не выделяли монологическую речь в качестве особого типа. Но монолог имеет определенную роль в структуре художественного текста. На самом деле в широком смысле слова авторская речь построена на основе монолога, к тому же писатель повествует читателю о взятых на перо событиях, используя различные средства речи. С этой точки зрения художественное произведение при точном рассмотрении является большим монологом. Поэтому мы выделили монолог как отдельный тип речи» [13, с. 64].

Монологическая речь по своему объему и художественным возможностям стоит в одном ряду с диалогом. Известный русский ученый И.В. Нестеров различает несколько форм монологической речи: «Монолог бытует, во-первых, в форме *устной* речи (вырастая из диалога или существуя независимо от него), во-вторых, в облике речи *внутренней* и, в-третьих, как речь *письменная*. При этом различаются монологи *удединенные* и *обращенные*. Уединенные монологи являются собой высказывания, осуществляемые человеком либо в прямом (буквальном) одиночестве, либо в психологической изоляции от окружающих. Таковы говорение *для себя самого* (либо вслух, либо, что наблюдается гораздо чаще, *про себя*, в формах внутренней речи – *нем. Selbstgespräch*) и дневниковые записи, не ориентированные на читателя. Этот речевой феномен, вслед за Ю.М. Лотманом, правомерно называть «автокоммуникацией» [10, с. 78–79].

Узбекский литературовед Т. Бабаев относит монологическую речь к средствам художественной выразительности. Различая данную речь на внешнюю и внутреннюю, он подробно останавливается на внутренней форме и, исходя из идейного содержания, разделяет на такие виды, как монолог-воспоминание, монолог-обсуждение, монолог-мечта [1, с. 175]. В то время как узбекский ученый И. Султан пишет: «Развернутое высказывание персонажа, произносимое при отсутствии других лиц или при их (условном. – Б. З.) молчании, обобщаю-

щее важные мысли персонажа о жизни и ясно представляющее их, называется монологом. Монолог последовательно и чувственно раскрывает внутренний мир персонажа его словами. Монолог и внешне отличается от диалогической речи персонажей: широко раскрывая свой внутренний мир, персонаж очень долго говорит, по этой причине монологи очень длинны. Но в художественной практике иногда встречаются и «краткие монологи». Обособленная речь, передающая душевное состояние персонажа через его мысли, обычно называется «внутренним монологом» [14, с. 220–221]. Узбекский литературовед Й. Солижонов поддерживает мнение И. Султана и, останавливаясь на своеобразных особенностях монологической речи, проясняет: «Если внутренняя речь появляется в кратковременном мышлении речевого процесса в отрывочной форме и имеет несколько неупорядоченный вид, то монолог различается своей ясностью, направленностью на решение единой проблемы, большим объемом. Внутренняя речь проявляется, несмотря ни на время, ни на место, тогда как в появлении монологической речи определенную роль играют категории пространства и времени. Внутренняя речь соответственно своему названию «всплывает» (выделено мною. – Б. З.) в сознании, мыслях в мозгу человека в процессе его мышления, а монологическая речь по своей функции имеет внутреннюю и внешнюю (беззвучный и звучный) формы. Скажем, внутренняя речь кратковременно посещает мысль персонажа и во время его (речевых. – Б. З.) отношений с собеседником. Монологическая же речь выступает после (возможно, раньше) этого момента как отголосок и продолжается некоторое время. Монолог берет на себя такие функции, как обсуждение, дискуссия, рассуждение, мысль, мышление, анализ, утверждение. Во внутренней речи преобладает направление взаимоотношений» [13, с. 65–66].

Некоторые мнения относительно монологов можно встретить и в трудах каракалпакских литературоведов. Например, С. Бахадырова, проводившая исследования по каракалпакским романам, останавливаясь на художественной функции монолога в раскрытии психологии персонажей и развитии событий произведения, пишет: «В раскрытии духовного мира особое место принадлежит диалогам и монологам. Чем глубже писатель, при-

никает во внутреннюю психологию персонажей, чем дольше живет «внутренними чувствами» героев (Л. Толстой), тем больше увеличивается художественность романа, его эстетическая ценность. Это приобщение к душевным переживаниям героя часто осуществляется через его внутренний монолог, когда писатель вводит жизненные ситуации, когда герои дискутируют, борются, вступают во взаимоотношения и разговаривают сами с собой. Чем больше внутренний монолог героя раскрывает личное отношение, взгляды, внутренние чувства к событиям, происходящим вокруг него, правда жизни «впитывается в кровь» героев, связь с внешними жизненными ситуациями и внутренним миром героя прокладывает путь к более глубокому раскрытию «диалектики человеческой души» (Чернышевский). Передача психологии героя, внутренних переживаний посредством монолога – это один из художественных средств, широко распространенный в современных каракалпакских романах и создающий различные приемы мастерства [3, с. 158–159].

Каракалпакский литературовед Ж. Есенов рассматривает монолог как один из видов художественного отображения психологии и утверждает: «Самый результативный из средств, мастерски раскрывающий психологию персонажа в глубокой связи с духом времени и главной идеей произведения, является активное и продуктивное, правильное использование «внутренней речи», «внутреннего монолога».

Как отмечают ученые-литературоведы, монолог – это рассуждение вслух персонажа с самим собой, формирование его мнения, выражение собственных взглядов на какое-либо происходящее или же предстоящее событие. Монолог – изобразительное средство, более присущее драматическим произведениям. А внутренний монолог – разговор героя про себя, не произнося звука. По сравнению с монологом при внутреннем монологе преобладает противоречие мысли-мнений, противоборство мысли-чувств. Внутренний монолог, по сравнению с монологом, имеет большое значение в описании характера персонажей в психологическом плане, и поэтому нельзя путать между собой эти два вида монолога» [7, с. 64–65]. В своей работе Ж. Есенов приводит следующее мнение русского ученого Л. Гинзбурга: «Психологический анализ пользуется разными средствами. <...>

Секция 2

Среди всех этих средств анализа особое место принадлежит внешней и внутренней речи персонажей <...> внутренние монологи связаны с именем Толстого... В дотолстовской литературе внешняя речь незаметно переходила во внутреннюю, ничем от нее не отличаясь» – и, подчеркивая различия между монологом и внутренним монологом, указывает на труды литературоведов Н. Хотамова, Б. Саримсакова, М. Атымова и др. [7, с. 65].

Исходя из вышеуказанных научно-теоретических трудов, можно сделать следующие выводы.

Монологическая речь является художественной формой речи, способствующей описанию мечты и мыслей персонажа, его душевных переживаний при различных жизненных обстоятельствах. В раскрытии душевного мира персонажей и его психологических состояний наряду с внутренним (беззвучным) и внешним (произносимым) монологами важное значение имеет эпистолярная форма монолога и форма автокоммуникации. Если русский ученый М.М. Бахтин считал эпистолярную форму речи разновидностью *Icherzählung* [4], то есть одним из проявлений повествования от первого лица, то Ю.М. Лотман вводит понятие «дневниковая запись» [19].

Как различаются друг от друга монологическая речь и форма «внутренней речи» по своему объему, содержанию, структуре, обстоятельствам, при которых они имеют место, так и уединенную и обращенную формы внешнего (голосовая, звуковая) монолога, даже если они и сходны по своей внешней форме с диалогом в связи с произнесением вслух (высказыванием уединенно или же обращенно), не требуя ответа, мы можем отнести к монологической речи. Как отметил узбекский литературовед И. Султан, «если уединенная речь, отражающая душевное состояние персонажа через его мысли, обычно называется «внутренним монологом», то внешний монолог служит развитию событий произведения, выявлению отношения персонажей к произошедшем или происходящим явлениям, оценке окружающего мира и других людей» [15, с. 86]. По особенностям использования монологического высказывания в речи персонажей можно различить такие виды, как раздумье, мечтание, подведение итогов мысли, воспоминание, обсуждение, дискуссия, самообвинение или самоуничижение. Так, каракалпакский ли-

тературoved П. Нуржанов рассматривает внутренний монолог в связи с изучением композиционных и жанрово-стилистических особенностей, а также вопросов сюжета и конфликта современных каракалпакских романов в аспекте раскрытия психологии персонажей [11].

В современной каракалпакской поэзии в «Монологе Ажинияза» И. Юсупова, «Говорит земля» Т. Сейтжанова, «Невысканный монолог» («Внутренняя речь С. Мажитова») Т. Кабулова, «Монолог Жиена жрау» Н. Торешовой, «Я подсолнух, тянувшийся к солнцу», «Монолог совести» М. Жуманазаровой созданы лучшие образцы лирического монолога. В жанре прозы талантливый писатель Т. Каипбергенов мастерски использовал эпистолярную форму монолога, а также форму дневника, где события произведения описываются через внутреннюю речь, внутренний и внешний монологи персонажей (в повести «Черная тетрадь»), обращенный и уединенный монологи (в романе «Зеница ока»). В романах «Совесть», «Разоренный народ», «Туркестан» К. Мамбетова, «Халкабад», «Факельщики» Ш. Сеитова, «Тербенбес» К. Матмуратова, «Порог» О. Абдирахманова, «Годы, когда осушились реки» К. Алламбергенова, «Гнездо нечисти» А. Абдиева, «Уходя, хочу вам сказать» К. Смамутова разнообразные формы монолога, указанные выше, использованы в различном объеме соответственно творческому дарованию каждого писателя. Каждый из форм монолога служит глубокому раскрытию характера и психологического состояния персонажей, так как в них персонаж получает возможность выразить собственные мнения и взгляды на различные явления предметного мира. Таким образом, глубокий анализ монологической речи, составляющей отдельный тип художественного повествования, через всестороннее изучение прозаических произведений вышеуказанных мастеров слова Каракалпакстана составят основу нашего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Бабаев, Т. Введение в литературоведение (на узбекском языке) / Т. Бабаев. – Ташкент : Укитувчи, 1979. – 288 с.
2. Бабаев, Т. Основы литературоведения (на узбекском языке) / Т. Бабаев. – Ташкент : Узбекистон, 2002. – 560 с.

Секция 2

3. Бахадырова, С. Современность и каракалпакский роман (на каракалпакском языке) / С. Бахадырова. – Нукус : Каракалпакстан, 1978. – 168 с.
4. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 447 с.
5. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М. : Академия наук СССР, 1963. – 256 с. – Указ. имен: с. 251–254.
6. Винокур, Г. О. Об изучении языка литературных произведений // Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 229–257.
7. Есенов, Ж. Тайны мастерства (на каракалпакском языке) / Ж. Есенов. – Нукус : Каракалпакстан, 1986. – 100 с.
8. Каримов, Х. Язык художественной прозы (на казахском языке) / Х. Каримов. – Алматы : Санат, 1995. – 144 с.
9. Каипбергенов, Т. Зеница ока (на каракалпакском языке) / Т. Каипбергенов. – Нөкис : Каракалпакстан, 1986. – 412 с.
10. Нестеров, И. В. Диалог и монолог / И. В. Нестеров // Введение в литературоведение. – М. : Высш. шк., 1999. – 556 с. – С. 75–87.
11. Нуржанов, П. Поэтика современного каракалпакского романа (композиционные и жанрово-стилистические особенности) (на каракалпакском языке) / П. Нуржанов. – Нукус : Билим, 2008. – 116 с.
12. Современный каракалпакский роман (поэтика сюжета и конфликта) (на каракалпакском языке). – Нукус : Билим, 2009. – 128 с.
13. Солижонов, Й. Поэтика художественной речи узбекской прозы 80–90-х годов XX века : дис. ... канд. филол. наук (на узбекском языке) / Й. Солижонов. – Ташкент, 2002. – 302 с.
14. Султан, И. Теория литературы (на узбекском языке) / Султан. – Ташкент : Уқитувчи, 1980. – 386 с.
15. Султан, И. Теория литературы (на узбекском языке) / И. Султан. – Ташкент : Уқитувчи, 1986. – 408 с.
16. Хотамов, Н. Русско-узбекский толковый словарь литературоведческих терминов (на узбекском языке) / Н. Хотамов, Б. Саримсоқов. – Ташкент : Уқитувчи, 1983. – 376 с.
17. Bakhtin, M. The problems of poetics of Dostoevsky / M. Bakhtin. – Electronic text data. – M. : Art literature, 1972. – Mode of access: http://www.philosophy.ru/library/bahtin/01/p_6.html (address date: 15.10.2013). – Title from screen.
18. dic.academic.ru/dic.nsf/bse/110404/Монолог.
19. yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection/htm.

ХРИСТИАНСКОЕ РУСЛО ВОСПРИЯТИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ КАРЕН ЛУИЗ ЭРДРИЧ

O. Г. Шостак

*Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
иностранных языков и прикладной лингвистики
Национального авиационного университета, г. Киев, Украина*

Аннотация. Статья посвящена исследованию творчества современной американской писательницы индейского происхождения Карен Луиз Эрдрич. Проанализированы его ассоциативные связи с католицизмом, эмоционально-оценочные компоненты использования христианских концептов и символов, а также их роль в восприятии художественных текстов писательницы.

Abstract. This article is dedicated to Karen Louise Erdrich's creative works investigation. The author analyzes associative links with Catholicism, its emotional-estimative filling and these concepts value for the perception of her literary texts.

Ключевые слова: дискурс, библейские тексты, христианская символика, коренные жители Америки, конверсационная импликатура, народ оджисбве.

Keywords: discourse, Bible texts, Christian symbolism, Native Americans, conversational implicature, Ojibwe.

CHRISTIAN MAINSTREAM PERCEPTIONS IN LOUISE ERDRICH'S WRITINGS

O. Shostak

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Foreign Languages and Applied Linguistics Department Chair,
National Aviation University, Kiev*

The literary texts of Karen Louise Erdrich are not so familiar to the post-Soviet readers, as unlike her colleague N.Scott Momaday's writings they are not translated into Slavic languages. She is a leading figure in present US literature, one of a few

American Indian writers who are widely read all over the country nowadays. Last year she became a winner of National Book Award for her latest novel *The Round House*. Her career as a novel writer started in 1984 with the publication of her runaway success novel *Love Medicine* which brought her a lot of recognitions such as National Book Critics Award for the Best Fiction, Sue Kaufman Prize for Best First Fiction, Virginia McCormick Scully Award, Los Angeles Times Award for Fiction, etc. *Love Medicine* was the first in the series of novels that are interconnected with one another, at the moment there are thirteen of them in this series (apart from *Love Medicine*, *The Beet Queen*, *Tracks*, *The Bingo Palace*, *Tales of Burning Love*, *The Antelope Wife*, *The Last Report on the Miracles at Little No Horse*, *The Master Butcher Singing Club*, *Four Souls*, *The Painted Drum*, *The Plague of Doves*, *Shadow Tag* and *The Round House*). Writer declared her position about this series in 2002 by saying “I think there is a more pointed, political, Native identity in *Love Medicine* and *Tracks*. But now it’s more about identity in a sense that includes family, gender, sexual identity – every kind of way that we label ourselves or attempt to root ourselves. It’s the “Who am I?” question. It’s much more than who we are in a social sense. It’s a religious question in the end. We all know how we label ourselves. The real question comes down to whether we are godly creatures or a mass of differentiated cells. That’s the identity question. It’s impossible not to attempt to ask” [13, p. 51]. Though no critics admitted it before such Erdrich’s consistency in a topic deserves a notion of epic.

Native American realities might seem quite unusual for average Slavic reader, that is why finding of junctures is quite important task for critics. According to Teun A. Van Djik, “literature is not merely a particular set of discourses, defined, perhaps, on the basis of specific textual properties. It should at the same time be viewed in terms of various aspects of communication. Thus, we may take literary texts in pragmatic, as a kind of ritual speech act, and try to show what the social conditions, functions and effects of such acts are in communicative context of writers, publishes, readers, reviewers, school teachers, etc.” [2, p. 143]. Christian inclusions in Native American writings are important for readers in this part of the world as a link to understanding of Indian realia which are not

typical for our cultural tradition. Louise Erdrich admits that she has never dealt with religion except Catholicism. “Although Ojibway traditional religion is flourishing, I don’t feel comfortable discussing it. I guess I have my beefs about Catholicism. Although you never change once you’ve raised a Catholic – you’ve got that. You’ve got that symbolism, that guilt, you’ve got the whole works and you can’t really change that. That’s easy to talk about because you have to exorcise it somehow” [1, p. 104]. After reading all of her novels it is pretty obvious that she is not fully sincere in this interview, Erdrich not only diverge from traditional Christian church teaching, but also uses its symbolism and dogmas as a tool for creating special aura of Chippewa nation in her *Love Medicine* series. In her other interview she pronounces that her best wish is “trying to keep out of God’s way. I really do not want God to notice me. I just want to be able to go about my daily business and try to keep this very quite routine” [13, p. 49]. The question: why does she uses Bible symbolisms and allusions in her texts while for a lot of Native Americans church is a synonym of constraint and colonization is raised immediately. Quoting T.A. van Dijk may I restate it this way “What is the structure of the context in terms of which the appropriateness is defined?” [3, p. 7].

Even though in her conversation to Mark Anthony Rolo Erdrich concedes: “The language in the Bible is very inspiring. I think the pure message of Christ on love is very similar to very basic Ojibwe teachings. Nothing in the Church dogma is that pure, after all. It’s so bound up in right living. I don’t get much comfort out of that” [13, p. 54]. After careful research it became obvious that she is not at peace with church dogmas and quite often uses their allusions, as well as Bible symbolism as a weapons against white world it represent. The most obvious it became in her poems collection *Baptism of Desire*, which begins with a poem *Fooling God*, where she in a poetic way states the same idea of “keeping out of God’s way”: *I must become small and hide where he cannot reach/I must become dull and heavy as an iron pot* [5, p. 3].

Erdrich takes an extract from Ivan Turgenev’s “First Love” as an epigraph to this collection: “I had grown much older during the last month – and my love, with all its excitements and sufferings, struck me as something very small and childish and trivial beside

that other, unknown something which I could scarcely grasp and which frighten me like an unfamiliar, beautiful, but menacing face one tries in vain to make out in the gathering darkness". This extract perfectly proclaims author's attitude toward Christian traditions she was raised in.

Catholic discourse in *Love Medicine* novels consolidates such factors as linguo-stylistics means, historical background as well as speech-producer and addressee of the text. Mandatory component of the last one is implicature conceptions and pragmatic presupposition (background knowledge), important ingredient of interlocutors' communicative competence, in our case it is author/reader interconnection. Bible symbolism and allusions in Erdrich's texts should be considered as elements of presupposition, as Christian church related issues became "conventional knowledge" practically to every member of text discourse. "The identity category of group ideology organizes the information as well as the social and institutional actions that define membership: who belongs to the group, and who is not" [4, p. 19]. The implicature term is taken from the philosopher Gerbert Paul Grice [11].

New Testament's allusions are quite vivid within *Love Medicine* novel. Out of fourteen chapter titles (in 1984 edition) or seventeen (in 1993 edition) practically one half has Biblical or Christian Church notions. Five of the titles are direct quotations from New Testament, such as *The World's Greatest Fisherman*, *Flesh and Blood*, *Crown of Thorns*, *Resurrection*, *Crossing the Water*. Other two speak about important church actual such as *Saint Marie* and *The Beads*.

The novel begins with the hidden image of Christ and finishes itself with water element in *Crossing the Water* chapter. At one hand crossing the water element has significant notion within church service, while in the text it seems that Erdrich uses its homonymous meaning. According to Levinson the same utterance may have different meaning within different context [12]. Chapter tells about bringing June home, not actual person, but a car bought by King (her only legitimate son) for June's life insurances money. But King lost his fortune in gambling to Lipsha. This episode invokes biblical Esau selling his birthright to Jacob (Gen. 25 : 29–34). Erdrich proposes one more New Testament link in connection to June's car by saying

that it was bought with “blood money” addressing to thirty silver coins, amount for the life of Jesus Christ.

Lipsha pronounces the longest theological reflections in the epic. In the beginning of Bingo Palace he asks cosmological questions: Beyond this world, is there another? Dimensions, how many? Which afterlife? Whose God will I face if there one, whose court? [6, p. 53]. But the severest criticism of the church along with the US policies is proclaimed by him in Love Medicine.

I thought how we might have yell to be heard by Higher Power, but that's not saying it's not there. And that is faith for you. ... Higher Power makes promises we all know they can't back up, but anybody ever go and slap an old malpractice suit on God? Or the U.S. government? No they don't. Faith might be stupid, but it gets us through [7, p. 203].

It worth mentioning that at some points Erdrich to Lipsha attributed her personal history characteristics, such as long searching of self and lengthy list of interchangeable jobs, as well as funny real life episode with skunk recorded in her autobiographical *Bluejay's Dance*. That is why it might be presumed that she entrusted him with utterance of her complaints to Catholic Church.

God been going deaf. Since the Old Testament, God's been deafening up on us. ... Besides the dictionary, which I'm constantly in use of, I had this Bible once. I read it. I found there was discrepancies between then and now. It struck me. Here God used to reineth bread from clouds, smite the Philippines, sling fire down on red-light districts where people got stabbed. He even appeared in person every once in a while. God used to pay attention, is what I'm saying.

Now there's your God in Old Testament and there is Chippewa Gods as well. Indian Gods, good and bad, like tricky Nanabozho or the water monster was the last God I ever heard...

Our Gods aren't perfect, is what I'm saying, but at least they come around. They'll do a favor if you ask them right. You don't have to yell. But you do have to know, like I said, how to ask in the right way. That makes problem, because to ask proper was an art that was lost to the Chippewas once the Catholics gained ground. Even now I have to wonder if Higher Power turned it back, if we got to yell, or if we just don't speak its language [7, p. 194–195].

This passage is ideologically connected to the poem Sacraments in Baptism of Desire collection: God, I was not meant to be the isolate/ Cry in this body./ I was meant to have your tongue in my mouth./ That is why I stand by your great plaster lips/Waiting for your voice to unfold from its dark slot [6, p. 23].

In *The Last Report on the Miracles at Little No Horse* author implies the notion that not only Christian God is deaf but his vicar on earth Catholic Pope does not hear as well. Father Damien had been sending letters to seven Popes during almost a century, but an answer has come only after his death. Other passages are created according to the principles of conversational implicature are concerned of Christian sacraments.

Catholic Catechism teaches that “in the sacrament of penance a believer receives absolute-pardon sins. And through this mystery gets church reconciliation, while each committed sin parts a Christian from the Church” [14, c. 200]. Erdrich often discusses sacrament significance on the pages of her novels. Eucharist issues became a turning point in the life of Mooshum from *The Plague of Doves*. Penance sacrament appropriation is raised in *Tracks*, *The Last Report on the Miracles at Little No Horse*. Special comicalness penetrates Nanapush’s confession in *Tracks*, when Father Damien pushes upon him for his unblessed marriage

Issues of equal importance in Erdrich’s texts are open and hidden Bible quotes as implicature’s reinforceability. Starting with the first chapter title *The World’s Greatest Fisherman in Love Medicine* she uses such sites for her own purpose, often opposite to its original meanings. The first one lays in attributing Jesus Christ qualities to June Kashpaw: *The snow fell deeper than Easter than it had in forty years, but June walked over it like water and came home* [7, p. 6]. The eleventh chapter *Crown of Thorns* is thematically connected with the first chapter employing another important church symbol. It is also connected with Christ, but Erdrich uses it with ironical purposes: *She saw how he’d woven his own crown of thorns. She saw how although he was not worthy he’d jammed this relief on his brow* [7, p. 180]. While for the whole Christian world crown of thorns is the symbol of unbearable mortal suffering of the Incarnate Son of God, according to Erdrich this is only unworthy Gordie’s relief, which might lessen his burden of guilt.

Equally expressive is the title of the seven chapter *Flesh and Blood* connected with the Eucharist sacrament. This is a perfect example of indeterminacy in a conversational implicature. Of course it has connection to the Last Supper in the New Testament, when Christ blessed vine and bread pronouncing it his flesh and blood thus started communion ceremony. According to Catechism, this is “the sacrifice of Body and Blood which He established as a commemoration to His Church of His sacrifice on Cross, His death and His resurrection until His second coming.” [14, c. 93]. First interpretation of the events in the seventh chapter of *Love Medicine* through this symbol might seem applicable, as it tells about Marie Kashpaw’s failed try to become a nun, because of Sister Leopolda’s torturing. But after reading *Tracks* where is explained that Leopolda is her mother this meaning is changed absolutely referring to blood relationship between the two women. *The Last Report on the Miracles at Little No Horse* intensifies this meaning even more as it contains a story of Marie’s insight of the situation. Chapter is dedicated to the relationship between mothers and daughters (Leopolda and Marie, Marie and Zelda), later Erdrich would deepen this idea in her novel *The Painted Drum*. There are lot of Bible cites here like *The meek will inherit the earth* or *Star of the Sea*. Marie prepared very thoroughly dressing herself in expensive royal purple wool dress. But Leopolda mockingly called it old Easter shroud. Despite a mockery it contains a hint on the suffering of abundant child. Once again Erdrich uses desemantization of sacred things in attempt to desacralize them.

Another important Bible allusion is traced in this chapter – apples, symbol of Garden of Eden. Coming to nunnery Marie takes them canned crabs. *I had planted the tree myself twelve years before, and for a long time it was the only tree on the reservation. Then the nuns had planted two on their hill. But those trees hardly bore yet. Mine was established* [7, p. 180]. In Crown of Thorns author informs that the apple orchid would grow in the nunnery in twenty years as well, but the first paradise tree had grown down the hill in Indian reservation. This way writer breaks the expectation of superiority which is usually drawn from the opposition up and down.

Erdrich mocks as well white people’s attempt to explain everything including the history of unknown nation with the familiar

terms of Bible history, naming Indians “one of the Lost Tribe of Israel” (*The Master Butchers Singing Club* and *The Plague of Doves*).

Special place in Erdrich’s epic is given to the resurrection motive. There are number of resurrected people there: June in *Love Medicine*, *Bingo Palace*, *Tales of Burning Love*, Nector Kashpaw in *Love Medicine*, Nanapush in *The Last Report on the Miracles at Little No Horse*(first draft of this resurrection may be found in *Baptism of Desire* fourth chapter *Potchikoo’s Life After Death*), and even the personification of evil Sister Leopolda in *Tales of Burning Love*. There are number of feigned resurrection such as in *Tales of Burning Love* Jack Mauser’ and *The Plague of Doves* Mooshum’s. But special attention deserves Nector Kashpaw resurrection as through it may be found hidden threads of the narration. He died from chocking of frozen turkey’s heart used as falsified love medicine. Symbol of heart is spread in *Love Medicine* starting of the name of Sacred Heart mission, where young Nector and Marie met. Nector brought two geese to nunnery and proposed them as buyout for the harm of their sexual affair (evidence of true love absent). Again geese appeared in the situation where Lipsha decided to prepare honkers’ hearts as love remedy to bound old Nector and Marie for the rest of their lives. But he missed his shots and decided to substitute real medicine with a fake one (imitation instead of real thing). Nector dies after he was persuaded by Marie to swallow that falsified medicine (compulsion). He returns after funeral to his part of the bed not saying a single word to his wife, for comparison, his stepfather Nanapush (as well as his literary twin Potchikoo) returns to his wife’s bed to make love with her for the last time. Even Marie does not believe Lipsha’ s words about her husband true love to her. The truth is that the love of his life is Lulu. But due to greediness and cowardice he lost her and his life as well. In *Tracks* reader finds out the story how the Pillagers lost their land through Nector’s betrayal. This event changed Lulu’s life forever. He betrayed her for the second time burning her house and not admitting his son. To expiate his doings he adopts Lipsha (Pillager’s heir) and to him comes the calumet, symbol of Ojibwe spiritual tradition

Christian symbolism presupposition in its Catholic interpretation manifested itself as productive narrative factor in Loise

Erdrich's *Love Medicine* epic. By using Christian motives and derivative images-composites in the reduced context Louise Erdrich demonstrates her critical attitude toward mainstream "white" culture which is represented in the Christian religious doctrine as a tool for political and spiritual oppressions against her native people.

References

1. Joseph Bruchac "Whatever Is Really Yours": An Interview with Louise Erdrich // Chavkin, Allan, and Nancy Feyl Chavkin, eds. Conversations with Louise Erdrich and Michael Dorris. – Jackson : UP of Mississippi, 1994. – P. 94–104.
2. Dijk, Teun A. van. Cognitive Processing of Literature Discourse // Poetics Today. – 1979. – № 1. – P. 143–160.
3. Dijk, Teun A. van . The Pragmatics of Literary Communication. Paper Int. Conference on Methodological Problems of Text and Context, University of Puerto Rico, Rio Piedras, 1977 // Forastieri-Braschi E., Guinness G. & Lopez-Morales H., (Eds.). On text and context. – Rio Piedras, Puerto Rico : Editorial Universitaria, 1980. – P. 3–16.
4. Dijk, Teun A. van . Discourse Analysis as Ideology Analysis // Schäffner C. & Wenden A. (Eds.). Language and Peace. – Aldershot : Dartmouth Publishing, 1995. – P. 17–33.
5. Erdrich, Louise. Baptism of Desire. Poems. – N. Y. : Harper Perennial, 1991. – 78 p.
6. Erdrich, L. The Bingo Palace / Louise Erdrich. – N. Y. : Harper Perennial, 1994. – 274 p.
7. Erdrich, L. Love Medicine / Louise Erdrich. – N. Y. ; Toronto ; L. : Bantam Books, 1984. – 314 p.
8. Erdrich, L. The Last Report on the Miracles at Little No Horse: Novel / Louise Erdrich. – N. Y. : Perennial, 2002. – 361 p.
9. Erdrich, L. Tracks / Louise Erdrich. – N. Y. : Henry Holt and Company, 1988. – 226 p.
10. Erdrich, L. The Plague of Dove / Louise Erdrich. – N. Y. : Harper Perennial, 2008. – 311 p.
11. Grice, H. Paul. Logic and conversation / H. Grice // Syntax and Semantics, Speech Acts / Peter Cole and Jerry Morgan, eds. – N. Y. : Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 43–58.
12. Levinson, St. C. Pragmatics / Stephen C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 420 p.
13. Rolo, M. A. Louise Erdrich / Mark Anthony Rolo // The Progressive. – 2002. – Vol. 66, № 44. – P. 36–55.

14. Катехизис католической церкви. Компактный / пер. и науч. ред. П. Сахарова и О. Карпова. – М. : Культур. центр «Духов. б-ка», 2007. – 216 с.

РОЛЬ МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ В ОПТИМИЗАЦИИ РАБОТЫ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ДИАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ

E. B. Бегаль

*Аспирант кафедры прикладной лингвистики
Восточноевропейского национального университета
имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина*

Аннотация. Статья посвящена исследованию когнитивных аспектов ментальных моделей, которые являются существенными с точки зрения моделирования диалогического взаимодействия между человеком и виртуальным собеседником. Исследована природа функционирования ментальных моделей и исполняемая ими роль в процессе коммуникации, а также определены условия создания надежных ментальных моделей для автоматических диалоговых систем.

Abstract. The article is devoted to the investigation of the cognitive aspects of mental models, which are essential from the point of view of human-computer dialogue modeling. The nature of mental models' functioning is investigated, as well as the role performed by them in the process of communication. Moreover, the conditions of the development of reliable mental models for automatic dialogue systems are defined.

Ключевые слова: ментальная модель, коммуникативное взаимодействие, диалог, виртуальный собеседник.

Keywords: *mental model, communicative interaction, dialogue, virtual interlocutor.*

Постановка научной проблемы и ее значение. Понимание того, каким образом и по какому принципу структурированы знания в голове человека, даст возможность приоткрыть занавес, за которым происходят процессы взаимодействия сознания с объективной реальностью, генерирования мысли, а также диалогического общения. Изучение когнитивных аспектов организации ментальных моделей как необходимой основы межлич-

ностной коммуникации станет надежной теоретической базой для последующего проецирования упомянутых параметров на выполнение компьютером роли собеседника. С помощью данного подхода мы получим возможность сформировать модель презентации знаний в базе данных виртуального собеседника (чат-бота), что позволит оптимизировать его работу и повысить результативность диалогического взаимодействия человека и машины.

Анализ последних исследований по данной проблеме. С понятием «ментальная модель» нас знакомит Кеннет Крейк [3]. Исследователь акцентирует внимание на роли, которую она исполняет в ходе мышления и реагирования на стимулы, исходящие из внешнего мира.

Тен ван Дейк [12] и Филипп Джонсон-Лерд [8] рассматривают когнитивные аспекты восприятия и порождения дискурса в непосредственной связи с особенностями формирования ментальных моделей. Кроме этого, Ф. Джонсон-Лердом и Р. Бирном [7] были определены принципы, характеризирующие природу ментальных моделей и позволяющие постичь основы их конструирования.

Суть функционирования и построения ментальных моделей раскрывают также исследования П. Хэйса [6], Дж. Брэнсфорда, Дж. Баркли, Дж. Фрэнкса [2], Б. Уэббера [14], Х. Кэмпа [11], А. Гарнхэма [5], Дж. Альбрехта, Е. О'Брайана [1] и Т. Дикона [4].

На данный момент разработчикам существующих виртуальных собеседников не удалось в полной мере воссоздать модель знаний, достаточно эффективную для успешного общения компьютера с человеком. Анализ когнитивных особенностей ментальных моделей предоставит необходимую основу для последующей формализации процессов структурирования знаний и управления ими.

Объект исследования – диалогическое взаимодействие человека и компьютера.

Предмет исследования – когнитивные аспекты ментальных моделей в диалоге человека и виртуального собеседника.

Цель статьи состоит в определении когнитивных аспектов ментальных моделей, которые необходимо воспроизвести в процессе конструирования чат-бота.

Задания исследования:

- охарактеризовать ключевые когнитивные аспекты ментальных моделей;
- определить условия создания надежных ментальных моделей для автоматических диалоговых систем.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Человек находится в состоянии постоянного взаимодействия с окружающим миром, анализирует, делает выбор и принимает решения. Все знания, полученные с опытом и в процессе активного восприятия действительности, упорядочены в нашем сознании в виде ментальных моделей, которые позволяют нам структурировать и организовывать поток данных. Эти же структуры мы используем, когда общаемся. Они служат основой для трактования реплик собеседников и генерирования последующих реакций на них.

Понятие «ментальная модель» впервые появилось в книге Кеннета Крейка «Природа объяснения» (“The Nature of Explanation”). Автор писал: «Если живое существо имеет в сознании “малую модель” (“small-scale model”) своих возможных действий, то оно сможет перепробовать разные варианты, решить, который из них лучше, отреагировать на будущие ситуации до того, как они произойдут, использовать знания с прошлых событий, имея дело с нынешними или будущими, и во всех отношениях прореагировать полнее, целесообразнее и более компетентно в непредвиденных ситуациях, которые окажутся на его пути» [3, р. 61]. К. Крейк утверждал, что фундаментальным свойством мысли является способность предвидеть события, реализация которых основывается на следующих трех этапах:

- перевод внешних процессов в слова, цифры или другие символы, которые способны выполнять функцию модели мира;
- процесс мышления, на протяжении которого на основании этих символов выводятся другие;

– обратный процесс перевода полученных символов во внешние процессы или, по крайней мере, до осознания, что они соответствуют внешним процессам [3, р. 50].

Рассмотренная поэтапная схема генерирования мысли подтверждает ее зависимость от существующего в нашем сознании символического отражения объективной реальности, которое формируется в процессе взаимодействия с миром и концептуализируется в виде слов, цифр и других знаковых систем, которые могут исполнять роль кода для обозначения разноплановых аспектов бытия. Таким образом, модели являются иконическими: к каждому референту в соответствие поставлен определенный знак [9, р. 187]. Сам процесс мышления осуществляется на основании манипулирования этими символическими репрезентациями. Подобные трактования были актуальными и в психолингвистике [2], в области штучного интеллекта [14], а также формальной семантики [11].

То, что мы можем знать о мире, зависит от концептуального аппарата, который и формирует наши онтологические представления. Одним из способов воплощения онтологии является рассмотрение концептов, которые лежат в основе значений повседневных высказываний. Отображение нашей базовой онтологии, согласно вышеприведенному критерию, состоит из вещей, субстанций, их свойств и связей между ними. Кроме этого, во внимание должны приниматься также свойства свойств, связи между свойствами, связи между связями и т. д., которые создают систему, не имеющую ограничений для конструирования свойств и связей высшего уровня. Однако концепты ограничены природой и особенностями когнитивного аппарата человека [8, р. 410].

С точки зрения К. Крейка, модель параллельна реальности либо имитирует ее, но ее структура может отличаться от структуры того, что она олицетворяет. Ученый выдвинул гипотезу о том, что мысль моделирует реальность – что ее существенной чертой есть не «разум», «личность», «чувственные данные» или суждения, а символизм [3, р. 57]. Он определял мышление как процесс, ведущий от входящих (*input*) к выходящим (*output*) символам. Подобная характеристика этого процесса свидетельствует о его лингвистическом характере. «Язык должен развивать правила импликации, которые регулируют употребление

слов таким образом, чтобы линия мысли могла идти параллельно к попутно предъявленным событиям внешнего мира и предусматривать их» [3, р. 81]. Язык может порождать презентации, потому что он передает значения, то есть существует соответствие между его структурами и вещами внешнего мира [6].

Начиная с восьмидесятых годов двадцатого столетия понятие «ментальная модель» стало широко употребляемым и исследуемым в области когнитивной психологии [5; 8; 13]. В частности, Филипп Джонсон-Лерд предполагал, что из значений предложений в связной речи слушатель формирует в значительной степени сокращенную модель услышанного [10, р. 269]. Он утверждал, что когда индивид воспринимает и понимает дискурс, то он может использовать его значения в конструировании ментальной модели ситуации, к которой он относится. Конструирование подобных моделей зависит от переданных в дискурсе значений, фоновых знаний и владения основами коммуникативного взаимодействия.

Ментальные модели рассматриваются как отображение ситуаций, поступков или событий в эпизодической памяти, о которых мы говорим, думаем, которые наблюдаем или в которых принимаем непосредственное участие, то есть они олицетворяют наш опыт в виде упорядоченных структур знаний.

В теории обработки текста такие модели играют важную роль в обеспечении необходимой основы для определения референции с целью реализации связности [1]. Ментальные модели являются также существенной составляющей теории продуцирования дискурса и ментальной отправной точкой всех текстов и разговоров, с которой релевантная информация может избираться для стратегического конструирования глобальных и локальных семантических структур [12, с. 189].

Понимание дискурса реализуется на трех основных уровнях презентации:

- фонетическая (или графическая) презентация, которая представляет звуки (или буквы) высказывания в закодированном виде;

- уровень презентации суждений, который близок к поверхностной структуре высказывания;

– ментальная модель, предусматривающая самый высокий уровень постижения дискурса [8, с. 407].

Следовательно, наличие ментальных моделей является неотъемлемым условием эффективного восприятия и анализа дискурса. С их помощью индивид способен исполнять роль активного участника коммуникативного взаимодействия и успешно интерпретировать содержание входящих реплик. Упорядоченные структуры знаний дают возможность быстро найти нужные данные для толкования высказываний и установить необходимые связи между суждениями. В результате такого когнитивного процесса человек формирует презентацию коммуникативной ситуации и рассматривает ее на концептуальном уровне.

Для того чтобы постичь суть ментальной модели, следует рассмотреть перечень принципов, отличающих ее от лингвистических структур, семантических сетей и других всевозможных ментальных презентаций знаний [7]:

– принцип иконичности – ментальная модель имеет структуру, которая соответствует структуре того, что она олицетворяет;

– принцип возможностей – каждая модель предусматривает определенную возможность, которая может воплотиться в жизнь;

– принцип стратегического варьирования – для решения определенного ряда проблем индивид формирует возможные стратегии выхода из ситуации, осуществляя при этом манипулирование ментальными моделями, что помогает найти самое оптимальное решение;

– принцип равноправной вероятности – каждая ментальная модель считается равноправно вероятной при отсутствии причин, доказывающих обратное. Вероятность того, что определенное событие произойдет, зависит от пропорционального соотношения моделей, в которых оно случается;

– принцип модуляции – значение предложений, референционные связи между ними, фоновые знания и знания контекста могут модулировать модели суждений. В случае несоответствия, значения и знания имеют приоритет над моделями суждений. Согласно этому принципу, в процессе модуляции к ментальным моделям может быть добавлена информация или они

могут быть переоформлены в эксплицитные модели. Следовательно, ментальные модели подвергаются изменениям вследствие постоянного взаимодействия человека с объективной реальностью и непрестанного поступления и обработки данных, которые могут влиять на уже существующие упорядоченные структуры знаний, внося в них определенные корректизы [9].

Вышеперечисленные принципы раскрывают характеристики ментальных моделей, их природу и особенности формирования. Иконичность моделей связана с символичностью человеческого языка. В частности, Терренс Дикон утверждает, что развитие способности порождать символические знаки языка было решающим фактором эволюции человеческого мозга. Это то, что отличает формы общения, процессы обучения и анатомию мозга человека от животного. По его словам, это открыло нам путь к реальному миру, потому что язык – это не только средство общения, но и внешнее выражение особенного проявления нашей мысли – символической презентации [4, с. 22].

Принципы возможностей, стратегического варьирования и равноправной вероятности свидетельствуют о том, что ментальные модели представляют презентации определенных событий, объектов и понятий, которые помогают человеку сориентироваться в жизненных ситуациях, предусмотреть вероятный ход событий и найти удачное решение. Такие ментальные операции характерны и для процесса коммуникативного взаимодействия, когда на основании моделей собеседники интерпретируют содержание реплик друг друга и соответствующим образом реагируют на них. Принцип модуляции подтверждает возможность расширить, адаптировать и оптимизировать ментальную модель, а также привести ее в соответствие с изменениями в объективной реальности.

Рассмотрим, каким образом можно применить полученные результаты анализа теоретического материала на практике – на примере создания ментальной модели для лингвистически компетентного виртуального собеседника (то есть для чат-бота, способного успешно поддержать разговор о личностях известных лингвистов, их жизни и основных научных концепциях):

Секция 2

Следуя принципу иконичности, структура модели должна соответствовать спектру знаний о лингвисте. Для этого необходимо выделить основные составляющие образа ученого:

- его жизнь (день и место рождения/смерти, семья, образование, статус, профессия);
- ключевые концепции, теории и идеи;
- научные труды.

Согласно принципу возможностей, та или иная модель, содержащая определенную информацию, может быть задействована при наличии соответствующих условий. То есть если этого требует коммуникативная ситуация и контекст разговора.

Принципом стратегического варьирования предусмотрен выбор той модели, которая имеет самый большой когнитивный вес, определяемый присутствием превалирующего количества ключевых слов.

Принцип равноправной вероятности предполагает, что модели, представляющие те или иные области знаний, обладают равной степенью вероятности до того момента, пока не появятся обстоятельства, в которых одна из них станет предпочтительной.

Следуя принципу модуляции, необходимо обеспечить чат-бота возможностью оптимизировать существующие модели в процессе диалогического взаимодействия с человеком, расширять существующие базы данных и адаптировать знания. То есть должен происходить процесс параллельного обучения.

Необходимо обеспечить чат-бота моделью коммуникативного взаимодействия и прописать в алгоритмах правила поведения, а также снабдить автоматическую диалоговую систему структурированной моделью знаний, которая представляла бы семантически связную сеть тем, позволяющую правильно определить референцию и продолжить разговор в тематически релевантном русле.

Важным также является наличие правил использования знаний в зависимости от обстоятельств коммуникативной ситуации. Таким образом, наличие неких условий будет влиять на поведение чат-бота.

Для эффективной работы автоматической диалоговой системе понадобятся механизмы определения ключевых слов с превалирующим когнитивным статусом.

Принимая во внимание изложенные выше аспекты, схематически структуру ментальной модели лингвистически компетентного чат-бота можно изобразить нижеследующим образом (см. рисунок).

Рисунок представляет способ изображения ментальной модели в схематическом виде, выделяя ее основные компоненты, которыми должен быть наделен виртуальный собеседник для своей эффективной работы.

Выводы. На основании проведенного исследования мы приходим к заключению, что оптимизировать работу виртуального собеседника возможно при помощи структурированной и четко сформированной ментальной модели знаний, которая повышает результативность его работы.

Подобная ментальная модель должна иметь следующий набор компонентов:

- модель коммуникативного взаимодействия;
- алгоритмы правил поведения;
- структурированную модель знаний в виде семантически связной сети тем;
- правила использования знаний;
- механизмы определения ключевых слов с превалирующим когнитивным статусом;
- алгоритмы обучения в процессе общения;
- алгоритмы учета текущих обстоятельств.

Кроме этого, необходимо учитывать принципы иконичности, возможностей, стратегического варьирования, равноправной вероятности и модуляции, которые помогут создать эффективную ментальную модель.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в том, что на основании сделанных выводов мы сможем усовершенствовать работу автоматической диалоговой системы, обеспечив ее ментальной моделью и тем самым приближая диалог человека и компьютера к уровню межличностного коммуникативного взаимодействия.

Сценарий начала разговора + условия
для активации последующих тем

Область знаний об Ученом 1
Жизнь.
Концепции и теории.
Научные труды + правила и условия

Область знаний об Ученом 2
Жизнь.
Концепции и теории.
Научные труды + правила и условия

Область знаний об Ученом n
Жизнь.
Концепции и теории.
Научные труды + правила и условия

Правила перехода между темами.
Сопутствующие условия.
Алгоритмы

Сценарий завершения разговора

Структура ментальной модели лингвистически компетентного виртуального собеседника

Примечание. Составлено автором.

Список литературы

1. Albrecht, J. E. Updating a Mental Model: Maintaining both local and global coherence / J. E. Albrecht, E. J. O'Brien // Journal of Experimental Psychology : Learning, Memory, and Cognition. – 1993. – Vol. 19 (5). – P. 1061–1070.
2. Bransford, J. D. Sentence memory: A constructive versus an interpretive approach / J. D. Bransford, J. R. Barclay, J. J. Franks // Cognitive Psychology. – 1972. – № 3. – P. 193–209.
3. Craik, K. J. W. The Nature of Explanation / K. J. W. Craik. – Cambridge UK : Cambridge University Press, 1943. – 129 p.
4. Deacon, T. The Symbolic Species : The Co-Evolution of Language and the Brain / T. Deacon. – N. Y., NY : W. W. Norton & Company, 1997. – 528 p.
5. Garnham, A. Mental Models as Representations of Discourse and Text / A. Garnham. – Chichester : Ellis Horwood, 1987. – 205 p.
6. Hayes, P. The Logic of Frames / P. Hayes // Brachman R., Levesque H. (Eds.). Readings in Knowledge Representation. – San Mateo, Calif. : Morgan Kaufmann, 1979. – P. 288–295.
7. Johnson-Laird, P. N. Deduction / P. N. Johnson-Laird, R. M. J. Byrne. – Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1991. – 256 p.
8. Johnson-Laird, P. N. Mental Models / P. N. Johnson-Laird. – Cambridge : Cambridge University, 1983. – 528 p.
9. Johnson-Laird, P. N. Mental Models and Thought / P. N. Johnson-Laird // Holyoak K. J., Morrison R. G. (Ed.). The Cambridge Handbook of Thinking and Reasoning. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – P. 185–208.
10. Johnson-Laird, P. N. The perception and memory of sentences. – / P. N. Johnson-Laird // Lyons J. (Ed.). New horizons in linguistics. – Harmondsworth, UK : Penguin Books, 1970. – P. 261–270.
11. Kamp, H. A theory of truth and semantic representation / H. Kamp // Groenendijk J. A. G., Janssen T. M. V. & Stokhof M. B. J. (Eds.). Formal methods in the study of language. – Amsterdam : Mathematical Centre Tracts, 1981. – P. 277–322.
12. Dijk, T. A. van Cognitive context models and discourse / T. A. van Dijk // Stamenow M. (Ed.). Language Structure, Discourse and the Access to Consciousness. – Amsterdam : Benjamins, 1997. – P. 189–226.
13. Dijk, T. A. van. Strategies of discourse comprehension / T. A. van Dijk, W. Kintsch. – N. Y. : Academic Press, 1983. – 389 p.

Секция 2

14. Webber, B. L. Description formation and discourse model synthesis / B. L. Webber // Waltz D. L. (Ed.). Theoretical Issues in Natural Language Processing 2. – N. Y. : Association for Computing Machinery, 1978. – P. 42–50.

«МОСКОВСКИЙ ХРОНОТОП» В ТВОРЧЕСТВЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

M. A. Чернухина

*Аспирант, Нижневартовский государственный университет,
г. Нижневартовск, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются хронотопы в творчестве М.И. Цветаевой. Даётся авторская интерпретация хронотопов Родины, Москвы, города. Проводится связь изображаемых хронотопов с реальными историческими местами и событиями.

Abstract. In article are considered хронотопы in M.I.Tsvetayeva's creativity. Author's interpretation хронотопов the Homeland, Moscow, the city is given. Communication represented хронотопов with real historical places and events is carried out.

Ключевые слова: хронотоп, пространство, время, Родина, Россия, Москва.

Keywords: hronotop, space, time, Homeland, Russia, Moscow.

Художественная картина мира М.И. Цветаевой, благодаря хронотопу, воспринимается как целостность, хронотоп помогает увидеть нарисованную картину жизни как художественную реальность, воспринять героев как живых, конкретных людей. Хронотоп М.И. Цветаевой несет в себе авторскую идеино-эмоциональную оценку изображаемого.

Любовь к своей Родине, России характеризует все творчество М.И. Цветаевой. Но именно в эмиграционном творчестве М.И. Цветаевой все более растет и укрепляется живой интерес к тому, что происходит на покинутой Родине. «Родина не есть условность территории, а принадлежность памяти и крови, – писала она. – Не быть в России, забыть Россию – может бояться

только тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри – тот теряет ее лишь вместе с жизнью» («Мой Пушкин», 1925 г.). С течением времени понятие «Родина» для нее наполняется новым содержанием, преобразуясь в хронотоп. М.И. Цветаева начинает понимать размах русской революции («лавина из лавин»), она начинает чутко прислушиваться к «новому звучанию воздуха».

Хронотоп России разворачивается в таких лирических стихотворениях, как «Рассвет на рельсах», «Лучина», «Русской ржи от меня поклон...», «О, неподатливый язык...», сплетается с думой о новой Родине, которую поэт еще не видел и не знает, – о Советском Союзе, о его жизни, культуре и поэзии.

К 30-м гг. М.И. Цветаева совершенно ясно осознала рубеж, отделивший ее от белой эмиграции. Важное значение для понимания хронотопа Родины в поэзии М.И. Цветаевой имеет цикл «Стихи к сыну». Здесь она во весь голос говорит о Советском Союзе, как о новом мире новых людей, как о стране совершенно особого склада и особой судьбы, неудержимо рвущейся вперед – в будущее, и в само мироздание – «на – Марс».

Русь для М.И. Цветаевой – достояние предков, Россия – не более как горестное воспоминание «отцов», которые потеряли родину, и у которых нет надежды обрести ее вновь, а «детям» остается один путь – домой, на единственную родину, в СССР. Столь же твердо М.И. Цветаева смотрела и на свое будущее. Она понимала, что ее судьба – разделить участь «отцов».

Личная драма М.И. Цветаевой переплеталась с трагедией века. Она увидела звериный оскол фашизма и успела проклясть его. Последнее, что М.И. Цветаева написала в эмиграции, – цикл гневных антифашистских стихов о растоптанной Чехословакии, которую она нежно и преданно любила. Это поистине «плач гнева и любви», М.И. Цветаева теряла уже надежду - спасительную веру в жизнь. Эти стихи ее – как крик живой, но истерзанной души.

Любовь к родной земле лирической героини и индивидуальна и общезначима одновременно: с одной стороны, героиня отождествляет себя с одним из рядовых русских людей, ее голос сливаются с хором других голосов, с другой – выражает обобщенное отношение русского народа к понятию «Родина».

Секция 2

Значимым хронотопом в поэзии М.И. Цветаевой от ранних стихотворений до вершинных поэтических созданий стала Москва. В связи с этим мы выделяем «Московский хронотоп».

В «московских» стихах М.И. Цветаевой формируется индивидуальная творческая мифология, с одной стороны, о Серебряном веке, а с другой – о послевоенных десятилетиях; запечатлевается сам дух эпохи. Хронотоп Москвы напрямую связан со складыванием автобиографического мифа, вбирающего в себя напряженные рефлексии о началах и концах хронотопа земного пути. М.И. Цветаева пережила трагедию утраты родного города, нашедшую ярчайшее отражение в ее поэтическом мире. У М.И. Цветаевой разлука со своей «рожденной Москвой» была вызвана революционной смутой, что оказалось равносильным личной гибели, хаосу небытия, утере городом его корней [1].

Хронотоп города в поэзии М.И. Цветаевой предстает в целостности прошлого и современности, оказываясь вместилищем личной и исторической памяти. Неслучайна весомость поэтического образа Старого города, в бытовом облике которого пропадает бытийное и вечное.

Одним из первых стихотворений, в котором прозвучал хронотоп Москвы, стало раннее стихотворение М.И. Цветаевой «Домики старой Москвы» (1911 г.). Важна здесь глубоко личностная обращенность героини к миру уходящего, покидаемого города, что отныне будет неотъемлемым признаком всей последующей «московской» поэзии М.И. Цветаевой. Во внутреннем убранстве «домиков старой Москвы», в атмосфере «переулочков скромных», в россыпи предметно-бытовых деталей ощущается живая связь со многими человеческими судьбами, неведомыми пока ритмами бытия города.

В посвященных старой Москве стихотворениях М.И. Цветаевой хронотоп города раскрывается в историческом аспекте. История в пространстве многих стихов о Москве поражает своим живым присутствием в настоящем, благодаря чему сам город видится во «всечеловечности» и надвременном единстве. Для М.И. Цветаевой важны в первую очередь драматические, кульминационные повороты далекой или недавней истории.

В поэзии М.И. Цветаевой существенна хронотопическая перспектива городского пространства и городской жизни, не-

мыслимой вне общих для национального бытия духовных ориентиров.

Хронотоп Москвы в дореволюционной поэзии М.И. Цветаевой выступает как хранитель вековых православных традиций, во многом в качестве сакрализованного пространства, возвышающегося над мирской суетой и этой духовной свободой родственного рвущейся ввысь душе лирической героини.

Символическим воплощением ценностных опор бытия оказываются у М.И. Цветаевой возникающие в целом ряде стихотворений образы кремлевских соборов, московских храмов и особенно Иверской часовни («Из рук моих – нерукотворный град...», «Мимоочных башен...», «Москва! Какой огромный...», «Канун Благовещенья...»). Иверская часовня обретает в изображении М.И. Цветаевой теснейшую эмоциональную связь с драматичной душевной жизнью ее героини, а в стихотворении «Мимоочных башен...» (1916 г.) «горящая», «как золотой ларчик», она символизирует свет духовной истины в сгущающейся тьме предреволюционных лет [1, с. 59].

В поэзии М.И. Цветаевой сакральные реалии городского мира сопряжены с подспудным стремлением сохранить духовные основы бытия в пору надвигающейся смуты.

Уже в первом из стихотворений цикла «Стихов о Москве» (1916 г.) в возвышенном, одухотворенном пространстве столицы «облака» и «купола вокруг» образуют нераздельную целостность: купола рукотворных соборов и церквей в творческом воображении поэта переносятся в сферу надмирного, небесного. Потому и в следующем стихотворении цикла («Из рук моих – нерукотворный град...») Москва прямо именуется «нерукотворным градом», который именно в силу этого чудесного свойства свободен от реальных эмпирических масштабов и может легко быть переданным из одних рук в другие: «Из рук моих – нерукотворный град / Прими, мой странный, мой прекрасный брат...».

Сквозным в стихотворениях о Москве разных лет является ощущение не только своей глубинной сопричастности городу, но даже телесной изоморфности ритмам его бытия. Например, в стихотворении «Руки даны мне – протягивать каждому обе...» (цикл «Ахматовой», 1916 г.) один из кремлевских колоколов,

Секция 2

звук которых был не раз воспет в цветаевских произведениях, звучит в груди героини, наполняя ее душу тревожным предчувствием смертного часа, предощущением разлуки с родной землей.

Город вырисовывается как единство духа и плоти цветаевской героини и в обращенном к Блоку стихотворении «У меня в Москве – купола горят...» (цикл «Стихи к Блоку», 1916 г.). Природная естественность московского ландшафта проявилась здесь в сквозном образе Москвы-реки. Если в стихотворении «Четвёртый год» (1916 г.) течение реки, ледоход воплощали движение времени жизни города от прошлого к настоящему, то здесь Москва-река ассоциируется с протянутой навстречу адресату – Блоку – рукой героини: «Но моя река – да с твоей рекой, / Но моя рука – да с твоей рукой / Не сойдутся...».

Москва, ставшая в изображении М.И. Цветаевой образом всепроникающего единства мира и человеческой души, раскрывается в ее произведениях как с парадной, так и обыденной, будничной стороны. Подобное сплавление «верха» и «низа» городской жизни отчетливо видно в целом ряде «Стихов о Москве» (1916 г.) – в частности, в стихотворении «Семь холмов – как семь колоколов...». Сознание героини и вбирает в себя возышенный облик «колокольного семихолмия», обозревая «сорок сороков» московских церквей, и в то же время угадывает свое родство с независимым духом городских простолюдинов, благодаря чему в стихотворении вырисовывается народный, фольклорный образ Руси и ее столицы.

Хронотоп города в поэзии Цветаевой, с одной стороны, разомкнут вовне, в широкую сферу межчеловеческих общностей, в саму эпоху, а с другой – он вступает в глубинное соприкосновение с внутренним миром лирического «я», с творческими устремлениями поэта, ложась в основу ее автобиографического мифа.

Во многих стихотворениях М.И. Цветаевой дарение Москвы другому человеку выступает как дарение ему собственных чувств, открытие нового, бытийного измерения жизни родного города, как неотъемлемая составляющая родственного, дружеского или творческого общения. С этим связано частое присутствие хронотопа Москвы – в самых различных ракурсах – в раз-

думьях М.И. Цветаевой о судьбах других поэтов – от Пушкина до Блока, Белого, Ахматовой и Мандельштама.

В раннем стихотворении «Тверская» (1911 г.) обживание московского пространства, воспринимаемого в качестве «половозрелых сердец колыбели», неотделимо от сестринского единения, чувства их сплоченности в радостном предвосхищении открытия бесконечности мира, начинающегося с исхоженной вдоль и поперек Москвы.

Позднее взволнованное совместное вчувствование в дух Москвы, а через это – и в трагедийные первоосновы национального бытия раскрывается у М.И. Цветаевой в цикле «Але» (1918 г.), где героиня, «бродя» с дочерью по Москве, с душевным трепетом приобщает ее к бесконечно дорогим приметам города, с надеждой и тревогой улавливая не только бытийное родство детской души с «кремлёвскими башнями», но и ее обреченность вкусить горечь «рябины, судьбы русской».

Хронотоп Москвы М.И. Цветаевой, особенно в пору предгрозовых ожиданий, становится всевмещающим «странноприимным домом», привечающим страждущих, бездомных со всей Руси («Москва! Какой огромный...», «Над синевою подмосковных рощ...», «Семь холмов – как семь колоколов...»). Неслучайно первое из названных произведений несет в себе элементы «ролевой» лирики: героиня на время перевоплощается в персонажей-бродяг и до глубины проникается их телесной «болестью», душевными терзаниями, от которых они жаждут исцелиться, прикоснувшись к московским святыням. В этих и некоторых других стихотворениях «верхннее», сакральное пространство города свободно сочетается с образами бродяг, беглых каторжников, странствующих по Москве и ее окрестностям и отчасти выступающих как некая ипостась мятежного и одинокого духа самой героини. Особая «всечеловечность» и психологическая сложность лирической героини проявляется в том, что она живо ощущает свою сопричастность не только «высокой» Москве с соборами и колокольным звоном, но и этим вольным и нищим странникам, с судьбами которых она едва ли не пророчески осознает собственное родство – родство «бездомья» и изгнанничества.

Хронотоп Москвы обретает в поэзии М.И. Цветаевой статус своеобразного культурного мифа, представая как средоточие национальной культуры в прошлом и настоящем, как пространство, хранящее в себе незримую связь с судьбами русских поэтов.

Существенное место в контексте произведений М.И. Цветаевой занимает хронотоп воскрешаемой творческим воображением пушкинской Москвы, содержащий мифопоэтическое обобщение о судьбе поэта, его связях с городом как своего времени, так и последующих эпох.

Пушкинская Москва М.И. Цветаевой предстает прежде всего в ее очерке «Мой Пушкин» (1937 г.). «Памятник Пушкин», сращенный с плотью города, приобретает под пером автора очерка мифопоэтические черты: он видится как стоящий «над морем свободной стихии» (ассоциация воспетой поэтом-романтиком морской стихии с вольным и демократичным духом столицы) «гигант среди цепей», насильственно заключенный в «круг николаевских рук», как «памятник свободе – неволе – стихии – судьбе – и конечной победе гения». Важно, что для лирического «я» М.И. Цветаевой именно встреча с бронзовой фигурой Пушкина явилась первым опытом прикосновения к московскому хронотопу. «Памятник-Пушкин» стал для нее «первой встречей с чёрным и белым», «первой пространственной мерой», вытянувшейся впоследствии в линию целого жизненного пути, «версту всей пушкинской жизни и наших детских хрестоматий». В изображении М.И. Цветаевой московский мир,озвучный духу пушкинской простоты и свободы, оживает и, подобно самой героине, погружается в напряженное осмысление ликов родной культуры.

Через хронотоп Москвы становилось возможным представлять отдельные московские мотивы и сюжеты в поэзии М.И. Цветаевой, передавать масштабное художественное обобщение важнейших исторических и культурных эпох XX столетия, судеб их ключевых представителей.

Как в поэзии, так и в эссеистской прозе М.И. Цветаевой творческое осмысление Серебряного века было неразрывно связано с хронотопом Москвы, ее именитых домов, с портретами их обитателей. Портрет старомосковской дореволюционной ин-

Секция 2

теллигенции вырисовывается в эссе «Пленный дух» (1934 г.), где показано скептическое отношение «старого поколения Москвы» к нарождавшемуся тогда «новому искусству»; в очерке «Дом у старого Пимена» (1933 г.), воссоздающем мифологемы как родного дома в Трехпрудном, так и «смертного дома» Иловайского на Малой Дмитровке, который, по мысли автора, воплотил в себе трагическую судьбу всего «этого века» в пору революции, когда «Россия взорвалась со всеми Старыми Пименами». Таким образом, сквозь призму разрушения укорененного в московской традиции дома как духовно-исторической субстанции с особой остротой ощущается катастрофизм крутых исторических сдвигов в начале XX века.

Список литературы

1. Ничипоров, И. Б. «Московский текст» в русской поэзии XX в.: М. Цветаева и Б. Окуджава / И. Б. Ничипоров // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. – 2003. – № 3. – С. 58–71.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА И ИЗУЧЕНИЯ ОТРАСЛЕВЫХ ТЕРМИНОЛОГИЙ РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРОБЛЕМ И АСПЕКТОВ

Ж. С. Бейсенова

*Доктор филологических наук, профессор,
Казахский гуманитарно-юридический университет,
г. Астана, Казахстан*

Аннотация. В данной статье описываются теоретические и методологические основы анализа и изучения отраслевых терминологий русского и казахского языков: эволюция проблем и аспектов; лексикологические иссле-

Секция 2

дования развития и формирования отраслевых терминологических систем русского и казахского языков. Развитие терминологии в разных языках наряду с общими явлениями имеет неповторимую специфику, так как у литературных языков, и соответственно терминологий, разные исторические судьбы. Черты, свойственные терминологиям различных отраслей, например ветеринарной медицины, заслуживают специального изучения, так как вопросы построения терминологических систем неизбежно возникают в работе любого исследователя – лингвиста, терминолога, отраслевого специалиста и нуждаются в комплексном решении.

Abstract. This article describes the theoretical and methodological framework for the analysis and study of industry terminology Russian and Kazakh languages: evolution problems and issues; lexicological research development and the formation of industry terminology systems Russian and Kazakh languages. Development of terminology in different languages, along with general phenomena has a unique specificity, since in literary languages and terminologies , respectively , different historical destiny. Features peculiar terminologies of various industries, such as veterinary medicine , deserve special consideration because questions of construction terminology systems inevitably arise in the work of any researcher - linguist , terminology , and industry professionals need a comprehensive solution.

Ключевые слова: формирование отраслевой терминологии, общая теория терминологии, исторические предпосылки развития ветеринарной терминологии.

Keywords: building industry terminology, the general theory of terminology, the historical background of the development of veterinary terminology.

Введение

В эпоху многоязычия и научных открытий усилились роль и престиж специальных языков науки и отраслевых терминологий.

Социальные изменения, вызывающие радикальную перестройку понятийного аппарата многих научных дисциплин, возникновение новых отраслей знания и новых понятий приводят к массовому возникновению новых терминов и целых терминологических систем, а также привносит существенные изменения в уже существующие терминологические системы.

В лексикологических исследованиях вопросы развития и формирования отраслевых терминологических систем занимают важное место. В 30-е гг. XX в. из лингвистики выделилась и начала складываться новая прикладная научная дисциплина, имеющая объектом исследования термины и терминологические системы, –

терминология. Свой исторический вклад в развитие этой дисциплины внесли такие выдающиеся ученые, как В.В. Виноградов, Д.С. Лотте, Г.О. Винокур, А.А. Реформатский, Р.А. Будагов, О.С. Ахманова, А. Байтурсынов, К. Жубанов, С. Кенесбаев, У. Айтбаев, выделявшие в своих исследованиях такие актуальные направления изучения терминов, как номинативный, нормативный и функциональный. С тех пор ситуация с описанием терминологий кардинально изменилась. Имеются необходимые теоретические издания (В.С. Гринев, Г.П. Мельников, А.В. Суперанская, В.М. Лейчик, У. Айтбаев, Б. Калиев, Ш. Курманбайулы) и теоретические журналы по терминоведению: «Терминологический вестник» на русском и казахском языках.

Внимание к научному языку, терминам предопределено прогрессом естественных и технических наук, социологии и психологии, философии, лингвистики, искусства, культуры, сопровождаемых появлением специальных слов для обозначения изучаемых объектов. Хотя этот процесс происходит в разное время в разных концах света, само по себе это явление универсальное. Можно с полным основанием считать, что на рубеже XX–XXI вв. в русском и казахском языках выработана терминология почти для всех ведущих отраслей науки и техники. Об этом свидетельствует ряд русско-казахских/казахско-русских отраслевых терминологических словарей, справочников, научных публикаций.

Теоретико-методологические предпосылки изучения вопроса

Терминология как специальная область знания возникла вскоре после Первой мировой войны (О. Вюстер, Х. Фельберг).

Исторически об аспектах изучения термина с постановкой вопроса, как замечает В.А. Татаринов, в науке начали говорить начиная с 1972 г., когда произошла институализация терминоведения как самостоятельной научной дисциплины. Первой научной работой по систематизации аспектов терминологических исследований в таком понимании (в период Советского Союза) была кандидатская диссертация В.А. Татаринова [14]. Теория

Секция 2

терминологии, обобщая опыт терминологической науки, способствует созданию и совершенствованию терминологических систем отдельных дисциплин, выявляя те черты, которые свойственны любому термину, и отграничивая их от черт, свойственных словам-нетерминам. Но, несмотря на большие различия в специфике предметных знаний некоторых областей науки и техники, обслуживающие их терминосистемы имеют и общие черты, поскольку формируются из лексического материала того языка, на котором говорят создающие данную терминологию народы.

В настоящее время в работах по исследованию терминологических проблем показано, что терминология как наука возникла на стыке лингвистики, логики, онтологии, информатики и предметных наук. Для современного терминотворчества в области отраслевой терминологии основной проблемой стали унификация и стандартизация терминологии на разных уровнях ее развития и практического владения, решение таких задач, как теория термина и терминологии, когнитивное терминоведение, термины в лексике языков для специальных целей, лексикография, термины в профессиональной деятельности, организация научно-терминологической работы. Главными точками решения этой проблемы являются создание новых терминов, перевод иноязычных терминов на родной язык, выделение синонимичных рядов и выбор основного термина, возвращение народных терминов к жизни в связи с возрождением национальной терминологии в государствах СНГ, возникших после распада СССР.

Казахстанскими учеными интересно решены лингвистические и логические проблемы термина, реального соотношения термина и понятия, прикладные вопросы унификации терминологий, изданы монографии по лингвистическим, социолингвистическим аспектам терминологии и терминографии, сборники статей, посвященные проблемам и перспективам развития современной терминологии в Казахстане (У. Айтбаев, А. Кайдаров, Ш. Сарыбаев, Р. Сыздыкова, Б. Калиев, Ш. Курманбайулы, К. Бухарбаева, А. Жумабекова, М. Евтеева, А. Бижгенова, Е. Абдрасилов, А. Азаматова и др.).

Обобщение опыта отдельных исследователей и школ, поиски общих универсальных задач и пути их решения представ-

ляют значительный научный интерес. Все это составляет круг проблем теории терминологии. В него входит также изучение возможностей отдельных языков для построения терминологических систем научных дисциплин, соотношения национальных и международных элементов в отраслевых терминологиях, например ветеринарной медицины, целесообразности формирования их развития в сторону их национализации или международизации. Типологическое терминоведение как научное направление обосновывается в работе С.Г. Казариной [8], где предпринимается попытка описать систему филиационных процессов в языкоизнании с учетом сохранения предмета языкоизнания: лингвистика – терминоведение – типологическое терминоведение. Сопоставление терминологических объектов дает возможность выявить их типологические свойства, с тем чтобы проследить формирование научных типов мышления и реализовать полученные результаты в номинационной деятельности. Значимым является вопрос, нужно ли начинать с детального изучения терминологии отдельной отрасли или создать некую сетку характеристик, которую можно использовать как матрицу для терминологической системы? В отраслевой терминологии намечены такие направления в подходе к термину, как изучение отраслевых терминологий как основного компонента профессионально-отраслевого языка и места отраслевых терминологий в структуре языкоизнания. В русской лингвистике Л.В. Ивина подошла к изучению отраслевых терминосистем на примере венчурной лексики экономической терминологии с лингвокогностивной позиции. Л.С. Рудинская определила современные тенденции гематологической терминологии. О проблемах компьютерной терминологии размышляет Ж. Токебаева-Буланбаева. Семантизация земледельческой терминологии рассматривается в работах А.К. Нуркасымовой. На страницах периодической печати, в средствах массовой информации наблюдается тенденция к вариативности при переводе терминов. Это явление отрицательно сказывается на создании отраслевой терминосистемы в целом и затрудняет работу специалистов-переводчиков. О неоднозначности термина рассуждает в кандидатской диссертации В.А. Татаринов и расширяет свою концепцию обоснованием амбисемии и эврисемии термина. Исследует

категорию терминологичности С.П. Хижняк [16] на материале юридической литературы. Когнитивную категоризацию специальных понятий анализирует на материале цветообозначений в русском и казахском языках Ш.К. Жаркынбекова [6], а на материале именования лиц по профессии – Е.И. Голованова [3], подтверждая лингвистический статус специальных единиц и их функциональную обоснованность. Онтологический статус термина в современном русском языке с общетеоретических позиций рассмотрен в книгах А.Х. Султанова. О нормативности терминологической лексики пишут в своих трудах Р. Сыздыкова [13], М. Ескеева [5]. О заимствованных терминах пишет С. Искакова [7]. Вопросы терминологической номинации – лингвистический феномен, который в настоящее время имеет широкую полиаспектность. Такую полиаспектность находим в терминологических исследованиях М.Н. Володиной [2] в русском терминоведении и Ш. Курманбайулы [11] в казахском терминоведении. Ученые обращают внимание на препозитивный и социально-коммуникативный характер термина, вычленяют психолингвистический и лингвопрагматический аспекты терминологической номинации, подчеркивая при этом роль метафоры в процессе номинации термина. «Без метафоры нет творческой мысли» (М.Н. Володина). Филологические, функционально-стилистические аспекты изучения термина традиционно привлекают внимание ученых-филологов. Так, З.А. Муканова [12] исследует природу термина в произведениях Ш. Валиханова. Проблемам когнитивного терминообразования на примере деонимизмов в сопоставительном аспекте посвящена монография А.Е. Бижженовой [1]. Место терминологической лексики в сопоставительном аспекте в казахстанской лингвистике рассмотрено С.А. Гонцовой [4]. Заслуживают внимания исследования внутриотраслевых и межотраслевых терминологий учеными-лингвистами З.И. Комаровой [9], В.Г. Кульпиной [10].

Таким образом, широкий интерес к терминологическим исследованиям обусловлен возросшей ролью терминологии в жизни современного общества с его сложной информационной

структурой. Термин предстает как феномен речемыслительной деятельности человека.

Особенности терминосистемы ветеринарной терминологии

В терминологии имеет место сознательное конструирование новых слов, которых раньше не было ни в одном языке, значительное место в общей терминологии отводится логическим проблемам. При этом, как следствие, анализируются и логика языковых отношений, и логическое деление объекта исследования, с тем чтобы выявить возможности использования параллельных языковых конструкций для обозначения аналогично воспринимаемых и осмыслиемых фактов, явлений, процессов, научно обоснованных в трудах классиков теории термина А. Байтурсынова, А.А. Реформатского, Г.П. Мельникова. Эта мысль представляется особенно интересной для анализа ассоциативно-образного характера мышления в процессе терминотворчества. Например, казахское слово *иешек*, известное еще в древнетюркском как «цветок», в XX в. приобретает терминологическое значение «название болезни» (*иешек – оспа*). Или русское слово *яцур*, известное в общеславянском языке в значении «крыса», «ящерица» «саламандра», впоследствии приобретает значение «название болезни».

Несмотря на большие различия в специфике предметных знаний некоторых областей науки и техники, обслуживающие их терминосистемы имеют и общие черты, поскольку формируются из лексического материала того языка, на котором говорят создающие данную терминологию народы.

Терминосистема любой научной дисциплины, в том числе научной и практической ветеринарии, отражает, с одной стороны, ее современное состояние, а с другой – является инструментом ее дальнейшего развития. Ветеринарная терминология не подвергалась системному и функциональному исследованию с позиций парадигматики, синтагматики и структурных и коммуникативных особенностей их функционирования в метаязыке ветеринарии. Теоретические и методологические основы вете-

Секция 2

ринарной науки были разработаны ранее для большинства социально значимых категорий непродуктивных животных. При этом за рамками ветеринарной дисциплины остался целый класс наземных позвоночных – рептилий, не представлявших ранее актуального прикладного значения и выделявшихся значительными анатомо-физиологическими особенностями. Болезни мелких и экзотических животных являются одной из важнейших проблем современной ветеринарии.

В современной ситуации роль этой группы животных существенно возрастает. Разведение рептилий (герпетокультура) и содержание их в неволе в последние годы бурно развиваются в связи с проблемами сохранения биоразнообразия, а также использованием их как лабораторных животных и животных-компаньонов. Роль зоокультуры сейчас возрастает и в сельскохозяйственном производстве. Фермы по разведению рептилий создаются за пределами тропического пояса – в Европе, США, Израиле, Японии и т. д. В последние годы рептилии занимали второе место после птиц на рынке экзотических животных. В России и Казахстане данные о ежегодном ввозе рептилий не публикуются, но, по статистике США (D'Aoust et al., 1990; Glynn, 2001), в эти страны с 1994 г. ввозят около 260–800 тыс. игуан ежегодно, и одновременно по стране содержится около 4,5 млн рептилий. В частном секторе содержится одновременно свыше 300 тыс. рептилий, в основном – черепах. В ветеринарии до недавнего времени не существовало специального направления исследований, изучающего патологию рептилий. Отсутствие теоретических основ не позволяло разработать целостную терминологическую систему в методологии ветеринарной медицины рептилий. Не существует репрезентативного списка болезней рептилий, и многие нозологические единицы недостаточно обоснованы или являются формальной калькой, заимствованной из медицины или ветеринарии млекопитающих. Из-за несовершенства терминологии в научной литературе параллельно существуют термины из медицинской, ветеринарной и зоологической номенклатуры.

Ветеринарная терминология создавалась в течение большого периода времени и определялась особенностью сферы применения, предметом, объектом, целями и задачами. Ветери-

нария (*от лат. veterinarius – ухаживающий за скотом, лечащий скот*) – область науки и практическая деятельность, направленные на предупреждение и лечение болезней животных, защиту людей от зооантропонозов, выпуск доброкачественных в ветеринарно-санитарном отношении продуктов животноводства и ветеринарно-санитарную защиту окружающей среды.

Ветеринарная наука возникла, как и другие биологические науки, из потребностей общественной жизни, из нужд материального производства. Первая ветеринарная школа была открыта в Лионе в 1762 году. В России в 1511 г. был издан Конюшенный приказ, а в 1744 г. – «Лечебник скотский».

Развитие ветеринарной науки обусловлено, главным образом, возникновением и широким распространением эпизоотических болезней животных – зоонозов, которые наносили колоссальный урон экономике народов. Точных хронологических данных о возникновении инфекционных и неинфекционных болезней нет. Теория возможных очагов инфекционных болезней животных в природе возникла в недрах биологической науки. Она развилась и окрепла на стыке ряда сопредельных дисциплин – зоологии и паразитологии, с одной стороны, медицины и ветеринарии – с другой.

Нужно отметить, что на развитие ветеринарии положительное влияние оказала медицина. Переход инфекционных болезней от животного к человеку, падежи огромного количества скота – все это ставило общие задачи перед медициной и ветеринарией.

Ветеринарная терминология – это совокупность терминов, обслуживающих все направления данной отрасли знания, которые соответствуют необходимым требованиям, предъявляемым к терминам, то есть целесообразности, упорядоченности, системности и т. д.

Когнитивный аспект этой (как и любой другой) терминологии представляет особенности развития системы специальных ветеринарных знаний, формировавшихся длительное время под влиянием внутренних и внешних социально-экономических факторов.

В процессе создания системы стандартизированного ветеринарного дела формировался основной корпус лексических

единиц, отражающих этапы развития понятийного аппарата данной отрасли человеческой деятельности. Однако вопрос об эволюции и тенденциях развития специальной лексики ветеринарии в русском и казахском языках не был предметом специальных исследований и нуждается в научном описании и осмыслении.

Важным представляется анализ ветеринарной терминосистемы с точки зрения отражения в ее содержании взаимодействия частноотраслевых систем терминов, в частности проблемы возникновения интеграционных терминосистем (ветеринарная биология, ветеринарная химия, ветеринарная физиология и др.), вторичных микротерминосистем. В связи с изучением этого вопроса специфической особенностью ветеринарной терминосистемы является ее комплексный междисциплинарный характер, который проявляется в неоднородности ее лексического состава и структурных особенностях. Например, одной из обширных вторичных микротерминосистем является эпизоотологическая – самостоятельная отрасль ветеринарной науки, изучающая причины и условия возникновения, распространения и участия инфекционных болезней животных – зоонозов. Инфекционные болезни по своей природе существенно отличаются от неинфекционных и занимают особое место в патологии животных. Активное развитие экономики и новых форм животноводческой деятельности в XX–XXI вв., качественное обновление методов и форм организации ветеринарного дела определили существенное пополнение состава терминологии данной хозяйственной отрасли в современных русском и казахском языках

Язык ветеринарии – один из языков для специальных целей – «функциональных разновидностей современных развитых этнических языков, обслуживающих специальные сферы знаний и деятельности». Терминологическая лексика ветеринарии в русском и казахском языках, являясь одной из специальных ветвей, принадлежащих к функциональным языкам, обслуживающим сферы науки, производства, делопроизводства, отличается от другой терминологической лексики прежде всего планом содержания.

Массив современной ветеринарной терминологии огромен. Число вторичных микротерминосистем, связанных с науч-

ными ветеринарными направлениями, характеризуется, на наш взгляд, такими специфичными особенностями их лексического состава, как: а) значительный удельный вес привлеченной лексики в состав терминосистемы; б) разнообразие источников привлечения терминов; в) привлечение целых фрагментов терминосистем; г) чрезвычайная продуктивность составных терминов, обусловленной экстралингвистическими факторами.

Письменная ветеринарная коммуникация занимает весомое место среди других форм общения. Описание истории полупрофессионального и профессионального «врачевания» уходит за пределы нескольких тысячелетий («История» Фукидида, Лукреций «О природе вещей» (98–55 гг. до н.э.), Плиний старший «Естественная история», Вегеций «Ветеринарное искусство, или Муломедицина», *«Curae bovum ex corpore Martialis Gargilli» / «Об уходе за скотом из труда Гаргилия Марциала»*, Авиценна «Канон врачебной науки»).

Специфичность наполнения языковыми средствами текстов у представителей разных ветеринарных специальностей велика. Реально функционируют в каждом из мировых языков, в том числе русском и казахском, несколько сот тысяч терминов. В последнее время особенно велик прирост названий для новых методов инструментального и аппаратурного обследования животных, способов диагностики и лечения, вариантов лекарственных средств.

Специальная лексика (частью которой являются ветеринарная терминология и номенклатура) – это объединенные номинации (научные и профессиональные) определенной области знаний, базирующиеся на лингвистической основе и имеющие реальные реализации в метаречи. Специальную лексику ветеринарии можно определить как высоко нормированный язык для специальных целей закрытого типа с большим количеством стандартных формулировок, предусмотренных правилами (нормами) оформления и обмена ветеринарной информацией.

Ветеринарные тексты адресованы узкому кругу людей – только специалистам, и для них характерно обязательное наличие официально утвержденного стандарта. Тенденции стандартизации предполагают стремление к строгости и информативно-

сти, так как являются представителями определенной замкнутой узкой сферы профессионального общения.

Наиболее важнейшими в плане содержания теории и практики ветеринарной терминологии представлены: наименования анатомической и гистологической номенклатуры, названия функций органов, названия способов обследования, лечения и оперативного вмешательства, названия болезней (зоонозов), наименования диагнозов и симптомов, названия лекарственных средств. Этим направлениям соответствуют следующие пластины терминологии: термины отечественной ветеринарии, термины, присущие международной ветеринарии, терминологии отдельных государств.

Следует отметить, что жизнь человека связана с ветеринарией. Подтверждением этому являются слова известного ученого в сфере ветеринарных наук А. Андриевского: «...если медицина лечит человека, то ветеринария лечит все человечество». Этот факт обуславливает существующий интерес как специалистов, так и неспециалистов к данной области человеческого познания.

Заключение

Черты, свойственные терминологиям различных отраслей, например ветеринарной медицине, заслуживают специального изучения, так как вопросы построения терминологических систем неизбежно возникают в работе любого исследователя – лингвиста, терминолога и нуждаются в комплексном решении.

Терминосистема любой научной дисциплины, в том числе научной и практической ветеринарии, отражает, с одной стороны, ее современное состояние, а с другой – является инструментом ее дальнейшего развития. Характеризуя современное положение ветеринарных наук, следует отметить, что деятельность ветеринарных врачей направлена на сохранение поголовья животных посредством мер борьбы с болезнями. В настоящее время экономическое значение ветеринарной работы выдвигается на первый план, так как животноводство становится одним из лимитированных элементов производства продуктов питания для человека. Также немаловажным является первоначальная

связь человека с животным, его особое отношение к ним. Этот факт обуславливает существующий всеобщий интерес к терминам этой области знаний не только специалистов, но и неспециалистов.

Ветеринарная терминология – это совокупность терминов, обслуживающих все направления данной отрасли знания, которые соответствуют необходимым требованиям, предъявляемым к терминам, то есть целесообразности, упорядоченности, системности и т. д.

Список литературы

1. Бижкенова, А. Е. Лингвистические основы когнитивного терминообразования (на примере деонимной терминологии) : учеб. пособие / А. Е. Бижкенова. – Астана : ЕНУ им. Гумилева, 2007. – 79 с.
2. Володина, М. Н. Теория терминологической номинации / М. Н. Володина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 180 с.
3. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля : Формирование. Развитие. Статус в языке / Е. И. Голованова. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2004. – 330 с.
4. Гонцова, С. А. Словообразование научно-технической терминологии / С. А. Гонцова. – Алма-Ата : Изд-во «Рауан», 1990. – 92 с.
5. Ескеева, М. Инфинитив тұлғалы терминдер / М. Ескеева // Қазақ терминологиясы және бұқаралық акпарат құралдары. Терминқор. – Астана : Терминологический вестник, 2003. – 64–67 б.
6. Жарқынбекова, Ш. К. Концептосфера как объект когнитивного анализа / Ш. К. Жарқынбекова // Русский язык и литература в XXI веке: теоретические проблемы и прикладные аспекты : материалы 1-го Междунар. конгресса. – М. ; Астана : Рос. центр науки и культуры, 2007. – С. 87–92.
7. Исакова, С. Халықаралық терминдерді қабылдаудың кейір мәселелері / С. Исакова // Терминологиялық хабаршы. – 2006. – № 1. – 32–34 б.
8. Казарина, С. Г. Типологическая характеристика отдельных терминологий / С. Г. Казарина. – Краснодар : КУБГМА, 1998. – 272 с.
9. Комарова, З. И. Пересекаемость лексико-семантических групп глаголов в терминологиях / З. И. Комарова // Русская глагольная лексика : Пересекаемость парадигмы. – Екатеринбург : УГУ, 1997. – С. 391–465.

Секция 2

10. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета : Термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина.– М. : Лицей, 2001. – 470 с.
11. Курманбайулы, Ш. Қазақ лексикасының терминдену үрдісі : филол. ғыл. д-ры дис. автореф. / Ш. Курманбайулы. – Алматы, 1997. – 55 б.
12. Муканова, З. А. Иноязычные вкрапления в произведениях Чокана Валиханова : автореф дис... канд. филол. наук / З. А. Муканова. – Алматы, 2001. – 27 с.
13. Сыздыкова, Р. Тілдік норма және оның қалыптасуы. Сын есім жұрнақтардың терминжасаудағы сипаты / Р. Сыздыкова // Қазақ терминологиясы және бұкаратлық ақпарат құралдары. Терминкор. – Астана : Терминологический вестник, 2003. – 86–92 б.
14. Татаринов, В. А. Лексико-семантическое варьирование терминологических единиц и проблемы терминологии : дис. ... канд. филол. наук / В. А. Татаринов. – М., 1987. – 234 с.
15. Татаринов, В. А. Теория терминоведения. В 2 т. Т. 1. Теория термина: история и современное состояние / В. А. Татаринов. – М. : Моск. лицей, 1996. – 311 с.
16. Хижняк, С. П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе : автореф. дис... д-ра филол. наук / С. П. Хижняк. – Саратов, 1998. – 39 с.

Секция 3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МОТИВЫ ЖИЗНЕНДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ИЗМЕНЕННОМ СОСТОЯНИИ СОЗНАНИЯ

C. C. Корнеенков

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток, Россия*

Аннотация. Рассматривается психология мотивации жизнедеятельности человека. Гипотезы: а) все знания и способности изначально заложены в психике (душе) человека; б) в измененном состоянии сознания личность может вести внутренний диалог и получать ответы на поставленные вопросы. Для решения задач применялась авторская интегральная технология обучения и самопознания в бодрствующем и измененном состояниях сознания.

Abstract. The paper deals with the psychology of life activity motivation. The hypotheses are as follows: a) all knowledge and abilities primordially are in the psychic, b) in the altered state of consciousness, a person can conduct a self-talk and receive answers to the questions raised. An original integral technology of teaching and self-knowing in the awakened and altered states of consciousness is used to complete the tasks of the research.

Ключевые слова: мотив; личность; качества личности; измененное состояние сознания; подсознание; душа; теория мотивации; внутренняя мотивация; метод.

Keywords: motive; personality; personal qualities; altered state of consciousness; subconsciousness; soul; theory of motivation; intrinsic motivation; method.

Секция 3

Я никогда не читал книг по вопросам религии, философии или психологии, достаточно самому проникнуть внутрь себя – и найдёшь всё.

Дж. Кришнамурти

Проблема мотивов человека относится к стержневой теме психологии. Мотивации и мотивам посвящено огромное количество монографий и статей, как отечественных, так и зарубежных психологов. Имеется множество теорий мотивации и определений понятия «мотив» [2]. В качестве мотивов называют самые различные психологические образования: чувства, переживания, представления, потребности, влечения, побуждения, желания, привычки, мысли, установки, притязания, стремление к удаче или избегание неудач, качества личности и многое другое. Мотивы могут быть сознательными и бессознательными, истинными и ложными, внешними и внутренними, простыми и сложными [2; 7–9], они являются как устойчивой чертой личности, так и ситуативной. Большое значение в жизни человека имеют внутренние мотивы. Самомотивацию можно свести к многочисленным самопроявлению и самопожеланиям как позитивного, так и негативного характера, в частности: самооценке, самопретязанию, самоустремлению, самоопределению, самопознанию, самоизменению, самоусовершенствованию, самоукреплению, самоприказу, самоорганизации, самооправданию, самопрославлению, самообожжению, самовозвышению, самолюбованию, самовозвеличиванию, самокопанию и т. д. [7]. Личность считается сформированной, когда успешно начинает пользоваться самомотивацией в основных видах деятельности, при этом ее энергия в делах и помыслах не противоречит образованной ею системе, обществу.

Мотивацию только условно можно подразделить на внешнюю и внутреннюю. В строгом смысле любые внешние или внутренние действия человека на физическом, эмоциональном, ментальном и духовном планах бытия являются как мотивирующими, так и самомотивирующими [там же]. То же самое можно сказать и о действиях группы людей, об организации, обществе, государстве, обо всем населении Земли. Мы все вме-

сте, от новорожденного до старца, творим самих себя и вместе с этим создаем внешний и внутренний мир реальности.

Для эмпирического исследования мотивов и мотивации создаются специальные методики, опросники, тесты [2; 8]. В нашем исследовании для достижения поставленных целей применялась авторская интегральная технология обучения и самопознания (ИТОиС) в бодрствующем и измененном состоянии сознания, что подробно представлено в работах автора [3–6]. Природа, структура, характер и способы вхождения в измененное состояние сознания (ИСС) широко описаны в научной литературе (Ч. Тарт, К. Мартиндейл, К. Уилбер, А. Людвиг, С. Гроф, В. В. Кучеренко, В. Ф. Петренко, А. В. Рoccoхин и др.). В нашей работе под ИСС понимается такое психическое состояние, которое качественно отличается от бодрствующего (обыденного) сознания, но не является объективным. Объективное сознание принадлежит высшему «Я», оно целостно и неизменно. На первом этапе ИТОиС использовались методики: настройка, установка, внутренняя концентрация, гипноз. Часто результат вхождения в ИСС называют медитацией. Медитация – это отделение сознания от полного отождествления с внешними мыслями и чувствами и отождествление с внутренней реальностью того объекта, идеи, мысли, которые необходимо познать. В медитации разной глубины у человека могут возникать субъективные образы, чувства, желания и мысли. В данном исследовании понятия «измененное состояние сознания» и «медитация» рассматриваются как синонимы.

В исследовании мы исходили из гипотезы, что все знания и способности изначально заложены в психике человека в виде задатков. В подсознании человека прочно сохраняются и архетипы всех мотивов, обеспечивающих жизнедеятельность человека. Чтобы их осознать, человеку необходим практический опыт, но это возможно и в измененном состоянии сознания при соответствующей настройке. На возможность данных настроек указывает С. Гроф, когда пишет, что при духовном раскрытии ум может отождествляться не только с психикой других людей, но и «...с животными, растениями и даже неорганическими веществами» [1, с. 393].

В исследовании ставилось несколько основных задач: а) научиться целенаправленному погружению в себя и из глубины своего бессознательного (сверхсознания) получать ответы на поставленные вопросы. Предполагается, что чем глубже погружение и чем ближе ум личности к сознанию души, тем достовернее и объективнее информация, в какой бы модальности она ни была воспринята. Но всегда необходимо помнить, что любая информация, полученная в ИСС, может быть как истинной, так и далекой от истины, правдоподобной; в) уяснить, насколько знания о мотивах жизнедеятельности человека, полученные в ИСС, соответствуют научному представлению об этих феноменах. Есть смысл напомнить, что в ИСС образы и характер переживаний не выходят за пределы сознания личности, но выходят за границы бодрствующего сознания. Для выхода в сверхсознание, где нет личности, необходима серьезная и длительная духовная практика самопосвящения. Обусловленная личность, пока не освободится от двойственности, не может воспринимать истины. Тем не менее стремление вызвать психические, а затем и духовные переживания постепенно приводит к изменению сознания и переходу его на более высокие уровни.

Экспериментальные исследования проводились в составе группы, позже, при овладении методикой входления в ИСС, студенты проводили исследования самостоятельно в домашних условиях. Ниже приводятся два протокола записей, выполненных студентами первого курса сразу после выхода из медитации во время сдачи экзаменов по psychology. Вопросы были сформулированы совместно с преподавателем непосредственно перед экзаменами и записаны на бумагу. Всего в экспериментальном исследовании по данной теме участвовало более 150 человек. Содержание текстов (протоколов) приводится с некоторым сокращением.

Тема исследования «Мотивы жизнедеятельности человека»

Вопросы: 1. Мотивы человека: а) мотивы, связанные с поддержанием жизни физического тела; б) мотивы, связанные с развитием эмоций и чувств; в) мотивы, связанные с развитием интеллекта; г) мотивы, связанные с общением. 2. Истинные мотивы и ложные, в чем их отличие. 3. Осознанные мотивы и неосознанные, их отличие. 4. Влияние души на формирование и развитие мотивов личности. Ответы хочу получить в диалоге: я, душа, личность, преподаватель (С. С), Дима К. Время в ИСС: 12 мин. Время записи: 95 мин.

Состояние до медитации отличное. Чувствую себя хорошо, легко. Вход в медитацию осуществлялся как обычно: на счет «10» я закрыл глаза и погрузился в глубокую медитацию.

Закрыв глаза, я погрузился в глубокую темноту. Несколько секунд была тишина. Потом я своим голосом сказал: «Так, давайте все вопросы будем разбирать по порядку». После моей фразы опять наступило несколько секунд тишины. Потом опять моим голосом прозвучал ответ, но уже сложилось такое впечатление, что я слушал сам себя. Мой голос говорил: «Человек рождается, чтобы умереть, и умирает, чтобы снова жить. Смысл жизни состоит в том, чтобы познавать внешний мир, хотя внутренний тоже познается. Родившись, человек начинает познавать мир, и чтобы это познание было больше по количеству информации и по времени, у человека возникают мотивы к поддержанию жизни физического тела. В принципе, желание познать мир, который постоянно меняется, – это уже мотив к поддержанию жизни, то есть люди, у которых отсутствует такой мотив, уже или все знают, или мотивом поддержания жизни физического тела является получение удовольствия». На этой фразе я перебил сам себя: «Подожди, а как же продолжение физического рода, если бы все люди, у которых мотивом к жизни является получение удовольствия, получали только удовольствие, то человеческий род бы вымер». И опять прозвучал мой голос: «Не все люди получают удоволь-

Секция 3

ствие только в физическом плане, есть еще очень много людей, которые получают удовольствие и в душевном плане. К сожалению, в наше время людей, зависящих от материальных потребностей, становится все больше и больше. Люди забывают про душу и думают только о теле. Их мотивом жизни становится наслаждение от материального мира». Опять звучит мой голос: «Эмоции, чувства – это часть физической жизни, они есть у всех людей и связаны с мотивами. Человек выражает свои эмоции и чувства по-разному: кто в общении, кто в мыслях, кто в стихах или прозе. Мотивом выражения чувств и эмоций может являться потребность в общении, потребность в выражении мыслей, восхищение внешним и внутренним миром. Но так как эмоции и чувства не только положительные, но и отрицательные, то мотив также может быть как корыстным, так и бескорыстным. В зависимости от того, какой мотив побудил человека выразить эмоции и чувства, они подразделяются на позитивные и негативные».

Наступила тишина, я попытался вспомнить следующий вопрос, но не мог этого сделать. Тогда голос С.С. спросил у меня: «Дима, расскажи нам про мотивы, связанные с развитием интеллекта». Я немного замялся, как вдруг опять услышал свой голос со стороны: «Понимаете, не у всех людей есть потребность в развитии интеллекта. Те же, у кого такая потребность есть, замотивированы либо сами с корыстной и бескорыстной целью, либо их замотивировали извне. Те люди, которые развивают свой интеллект сами, с бескорыстной целью, могут при желании достигнуть очень больших высот. Люди, которые развивают свой интеллект с корыстной целью, не способны достигнуть больших высот, хотя они и могут достигнуть многого. Люди, которых замотивировали, тоже не могут достигнуть многого. Последние два типа людей никогда не достигнут уровня развития интеллекта, которого достигли люди, развивающие свой интеллект бескорысто. Люди последних двух типов очень опасны для общества, и если в их руках еще и сосредоточена власть, то такие люди представляют для общества прямую и явную угрозу». Тут в разговор вмешался еще один мой голос, я его слышал уже с другой стороны, и он отличался тональностью: «А я хочу рассказать о мотивах, свя-

занных с общением. В общении человек выражает свои чувства, эмоции, мысли, состояние своего физического тела, душевного и духовного тел. Мотивы, связанные с общением, чаще всего выражаются в потребностях». После долгого разговора опять наступило секундное молчание. Потом я нарушил тишину, мне показалось, что наступила моя очередь говорить. Я сказал: «Я расскажу вам про истинные и ложные мотивы и в чем их отличие. Истинные мотивы – это мотивы, которые идут от души. Эти мотивы связаны с развитием интеллекта, эмоций, чувств, здоровья физического тела. Истинные мотивы приводят к благородным поступкам, хотя и не всегда. Истинные мотивы еще можно назвать естественными, они являются нормой для человеческой жизни. Но бывают такие ситуации, когда мотив может быть вызван личностью. Такие мотивы направлены на удовлетворение потребностей физического, эмоционального и ментального тела. Такие мотивы очень часто являются корыстными. Это зависит от того, является ли человек нормально сформированной личностью или нет. Если человек имеет нормальную здоровую творческую личность, то его поступки менее корыстны или вообще бескорыстны. Поэтому «душевые» люди и люди с развитой личностью очень важны для общества. Также еще может возникнуть ситуация, когда мотив исходит от души, но личность сублимирует, интерпретирует этот мотив, и тогда этот мотив становится ложным».

Тут опять прозвучал голос С. С.: «Дима, расскажи нам еще про осознанные и неосознанные мотивы и в чем их отличие?». Про этот вопрос я забыл и даже не думал, но вдруг меня осенило, и я начал говорить: «Да, действительно, существуют осознанные и неосознанные мотивы. Осознанные мотивы – это мотивы, которые вызывают обдуманные поступки. Эти мотивы можно назвать осознанными, потому что этот мотив был «обработан» сознанием. И он может быть как истинным, так и ложным. Неосознанные мотивы – это мотивы, которые обдуманы без участия сознания, на подсознательном уровне, и действия, вызванные этими мотивами, очень часто являются случайными, рефлексивными, не зависящими от воли и желания человека. Также человек может быть и неосознанно замоти-

вирован. В основном неосознанные мотивы связаны с поддер-жанием жизни физического тела, получением и удовлетворени-ем потребностей физического тела». Опять наступила секунд-ная тишина, после чего прозвучал голос со стороны: «Нам ос-талось обсудить еще один вопрос: влияние души на формирова-ние и развитие мотивов личности. Так как этот вопрос затра-гивает и душу, и личность, то ответ должен звучать с обеих сторон». Я понял, что это был голос С. С. Внутренне я почув-ствовал, что мне нужно помолчать. Разговор начал мой голос, но с другой тональностью: «Все мотивы, исходящие от Души, являются истинными, так как душа является «правильной». Как правило, поступки, вызванные мотивами Души, являются бескорыстными. Душа помогает личности формировать и раз-вивать мотивы, которые способствовали бы гармоничному разви-тию личности, что привело бы к оздоровлению физическо-го тела». Дальше разговор продолжил мой второй голос: «Мо-тивы Души очень часто не совпадают с мотивами личности, тогда личности приходится изменять, трактовать по-другому мотивы Души. Эти видоизмененные мотивы влияют на фор-мирование мотивов личности и на их развитие, и мотивы лично-сти становятся более правильными. Человек со «слабой» Ду-шой более мотивируется мотивами личности, чем Души, и на-оборот».

Я находился в медитации где-то на 100 %, но полного отождествления не было. Выход осуществлялся необычно. Ко-гда открыл глаза, создалось впечатление, что я еще нахожусь в медитации. И хотя глаза были открыты, было чувство, что они закрыты. Состояние после выхода из медитации было ка-ким-то непонятным, создалось впечатление, что я нахожусь в полусонном состоянии. Но как только я начал писать, это со-стояние прошло, и я почувствовал бодрость и энергию.

Вывод. В своей медитации я получил ответ на все по-ставленные вопросы. Ответы меня устроили, хотя медитация была без образов, я понял, что я разговаривал с Душой, лично-стью и С. С. Преподаватель ничего не рассказывал, иногда только направлял на нужную мысль. Разговор шел между мной, моей личностью и Душой. Мы все поделились знаниями, и я уз-нал для себя много нового.

**Тема исследования
«Мотивы жизнедеятельности человека»**

Григорий К. Время медитации: 12 мин. Время записи: 105 мин.

Состояние до медитации: я был слегка взволнован, но это связано больше не с экзаменом, а с некоторыми проблемами, возникшими на перемене... Но в целом состояние нормальное.

Вход в медитацию напоминал погружение: плавное, постепенное от первых слов настройки к медитации, до счета «10». Закрыв глаза на счет «10», я ничего не почувствовал, никаких изменений не произошло, и сначала я даже испугался, что ничего не получилось, но в этот момент ваш голос сказал мне: «Не бойся, Григорий, это и есть твоя медитация». Что заставило меня задуматься, почему я представлял себе эту медитацию в другой форме, ведь ничего не мешало ей быть такой? Я стал ощущать чье-то присутствие и позже понял, что это были участники этого молчаливого диалога, молчаливого не потому, что ничего не было сказано, а потому, что слова я не слышал, а чувствовал.

Ваш голос сказал: «Ну что же, Григорий, задавай свои вопросы». И тогда я спросил: «Что я должен знать о мотивах физического тела?» Вы сказали мне: «На этот вопрос должна ответить твоя личность». Мне показалось очень удивительным говорить, не произнося при этом ни слова. Я почувствовал свой голос, который говорил: «Мотивы физического тела направлены на поддержание жизни физического тела. Это довольно сильные мотивы, так как от них зависит жизнь, они присутствуют в мотивах на всех уровнях. Эти мотивы довольно сильно побуждают человека, так как они заключаются в удовлетворении естественных, простейших потребностей человека, таких, как прием пищи, отдых, сон, поддержание физической формы, здоровья, гармонии тела». И тут заговорил я: «То есть, несмотря на их примитивность? Ведь уровень физического тела самый низший в структуре человека. Они очень важны для поддержания жизнедеятельности физического тела».

ла, от них, в конечном итоге, зависит вся духовная, душевная и интеллектуальная деятельность человека». На что Вы мне ответили: «Совершенно верно. Григорий, я думаю, пришло время перейти к следующему вопросу». Я спросил: «Какова роль и значение мотивов, связанных с эмоциями и чувствами?». Вы ответили: «Ищи ответ в самом себе». И вновь заговорила моя личность: «Эмоциональные и чувственные мотивы тоже относятся к мотивам личности, они также играют довольно важную роль, ведь именно чувство совести отличает человека от животного. Человеку необходимо развивать свои чувства и эмоции, чтобы он мог эволюционировать и самоактуализироваться. Человек без эмоций, чувств – не человек, а машина, или просто организм, удовлетворяющий свои физические потребности, направленные на поддержание жизни. Эмоции помогают человеку выразить свои чувства, а чувства обогащают жизнь человека, придают ей особый смысл, отличный от жизни ради поддержания жизни физического тела, но связанный с духовной стороной. И тогда заговорил я: «Ну, а с мотивами, связанными с развитием интеллекта, проще. Развитие интеллекта необходимо для карьеры (получения образования), полноценного общения с людьми, ощущения собственной значимости, осознания самого себя и опять-таки самоактуализации». Заговорила Личность: «Вот видишь, ты сам знаешь ответ на свой вопрос». – «Хотелось бы добавить еще о мотивах, связанных с общением. Человеку необходимо общение для получения и передачи информации, выражения своих чувств, эмоций, отношений».

Потом я услышал Ваш голос: «Я хотел бы рассказать, Григорий, об истинных и ложных мотивах. Истинные мотивы – это мотивы, которые действительно побуждают человека на что-либо, осознает он это или не осознает, а ложные мотивы – это те, о которых человек думает, или другие люди думают, что они заставляют человека делать то, что он делает. А теперь, Григорий, попробуй объяснить и ответить на вопрос об осознанных и неосознанных мотивах». Сначала я замешкался, но потом заговорил, причем с каждым новым словом я приобретал все большую и большую уверенность: «Осознанные мотивы – это, я думаю, мотивы, направленные на сознание человека, то есть те, которые он осознает, например, мне

платят деньги, я хожу на работу и т. п. Неосознанные же мотивы – это когда человек думает и не осознает, почему он это делает, так как он был замотивирован. В качестве примера такой мотивации рискну привести поведение человека в толпе массового сознания. Толпа или лидер мотивирует так, что даже вполне приличный человек сможет совершить ужасный поступок. Другой пример неосознанной мотивации – реклама. Несмотря на то что человек ругает надоевшие рекламные ролики, он идет в магазин и покупает эти вещи. Как правило, неосознанные мотивы человек оправдывает ложными объяснениями».

Вы говорите: «Ну что же, Григорий, пора перейти к нашему последнему вопросу – о Душе?» На что я ответил: «Я боюсь, что не смогу ответить на этот вопрос». Тогда Вы сказали: «Пускай за тебя это сделает твоя Душа!»

И заговорила Душа, которая прежде молчала. Она сказала: «Я делаю твои мотивы бескорыстными, добрыми, чистыми. Развивая твои мотивы, я развиваю тебя, твое сознание, твою личность, подготавливаю тебя к более высокому уровню развития. Добрые мотивы влекут за собой добрые поступки. Они ведут тебя к свободе и величию». Затем я услышал Ваши слова: «Внимание к моему голосу!». Сегодня в первый раз я воспринимал эти слова в медитации, как будто диалог продолжался, и я понял, что это говорите Вы в аудитории лишь тогда, когда я открыл глаза.

Отождествление с объектом медитации – 100 %. Медитация была глубокая. Выход из медитации необычный (для меня). Впервые вашу установку на выход из медитации я отождествлял с самой медитацией. На счет «один» открыл глаза, окончательно же вышел из медитации лишь тогда, когда поставил точку. Состояние после медитации отличное, все волнения ушли, присутствует чувство удовлетворенности собой и чувство того, что день не пропал даром.

Вывод. На вопросы получил ответы в достаточной степени полные. Я считаю, что этот опыт был удачным. Дело в том, что я решил провести небольшой эксперимент. К этому экзамену по книгам или по тетрадкам (конспектам) я не готовился, я решил проверить, смогу ли я получить ответы только из медитации. Я могу сделать вывод, что эксперимент удался.

Хотелось бы признаться, что на первых порах я довольно скептически относился к вашей методике в целом и к медитации в частности. Это было связано со стереотипом понимания медитации, созданным нашей культурой. Тибетский или индийский монах в позе лотоса часами сидит, закрыв глаза, – он медитирует. Но после того, как Вы более подробно объяснили сущность и значение медитации, я стал понимать, что подобное состояние я переживал и ранее, просто не мог объяснить, что это такое. Иногда, слушая музыку, я, даже не закрывая глаз, мог не видеть окружающий мир, а погружаться в мир своей собственный, внутренний. Или же, играя на гитаре, в моменты импровизаций, я могу наигрывать довольно сложные мелодии, которые, я считаю, тоже берутся из внутреннего мира. Ведь импровизация – это не выученная партия, мышечная память пальцев позволяет лишь эффективнее использовать пальцы во время игры, а мелодии рождаются в собственном внутреннем мире, медитация подсказывает мне, куда поставить палец, какую струну на каком ряду зажать, какую ноту извлечь.

Медитация открывает перед человеком неограниченные возможности, но не каждый человек хочет, может и готов принять ее. На людей давят стереотипы, созданные системой, их пугает новизна и необычность медитации. Я рад, что сумел понять, осознать и принять медитацию, надеюсь овладеть медитацией в достаточной степени, и все это благодаря Вам. За это Вам искреннее спасибо.

Выводы. Мотивы – это форма проявления энергии и информации в биопсихосоциодуховной системе «человек». ИСС можно использовать как метод обучения, при этом знания «приходят» не из внешних источников, а от самого себя, из внутреннего мира, который бодрствующим сознанием не воспринимается. Данные знания могут быть представлены в образах, сопровождаться внутренней речью, ощущениями, чувствами, объяснением или мгновенным пониманием, озарением. В ИСС можно вести диалог с самим собой или с другими собеседниками в зависимости от настройки ума личности. Знания, получаемые в

ИСС, позволяют быстро осознавать особенности изучаемого объекта – природу и динамику психических процессов, состояний, мотивов. Знания, полученные в медитации, хорошо сохраняются в оперативной, кратковременной и долговременной памяти и даются в такой форме, которая наиболее адекватна умственному развитию индивидуума. Эти знания во многих случаях могут быть проверены, сопоставимы со знаниями, полученными из научной литературы по данному объекту или предмету исследования. Проведенные исследования расширяют наши знания о природе человека, о его творческих способностях, о возможностях обучения, развития и самопознания в единстве бодрствующего и измененного состояний сознания.

Список литературы

1. Гроф, С. Психология будущего: уроки современных исследований сознания / С. Гроф. – М. : Трансперсон. ин-т, 2003. – 458 с.
2. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2002. – 512 с.
3. Корнеенков, С. С. Интегральная психология и педагогика самопознания: монография / С. С. Корнеенков. – Владивосток : Изд-во ТГЭУ, 2010. – 412 с.
4. Корнеенков С. С. Интегральная технология обучения и саморазвития в бодрствующем и измененном состоянии сознания / С. С. Корнеенков // European Social Science Journal («Европейский журнал социальных наук»). – Рига ; М., 2011. – № 9 (12). – С. 83–92.
5. Корнеенков С. С. Некоторые особенности восприятия, переживаний и мышления в измененном состоянии сознания / С. С. Корнеенков // В мире научных открытий. – Красноярск : Науч.-инновац. центр, 2011. – № 5.1 (17). – С. 545–563.
6. Корнеенков С. С. Психологический анализ бодрствующего и измененного состояний сознания: теория и практика / С. С. Корнеенков // В мире научных открытий. – Красноярск : НИЦ, 2011. – № 9.3. – С. 188–214. – (Проблемы науки и образования)
7. Корнеенков С. С. Свободный и/или замотивированный человек: закон борьбы, закон кармы, закон любви / С. С. Корнеенков // Гуманитарные исследования : Альманах. – Вып. 4. – Уссурийск : УГПИ, 2000. – С. 337–345.

Секция 3

8. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность : в 2-х т. : пер. с нем. / Х. Хекхаузен ; под ред. Б. М. Величковского ; предисл. Л. И. Анциферовой, Б. М. Величковского. – М. : Наука, 1986. – Т. 1. – 408 с. ; Т. 2. – 392с.

9. Чирков, В. И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека / В. И. Чирков // Вопросы психологии. – 1996. – № 3. – С. 116–132.

РЕКОНСТРУКЦИЯ СИТУАЦИЙ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА: ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОЦЕДУРЫ

E. A. Мачехина

*Специалист по учебно-методической работе,
магистрант факультета психологии
ФГБОУ ВПО «Калужский государственный университет
имени К. Э. Циолковского», г. Калуга, Россия*

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению особенностей реконструкции ситуаций морального выбора старшими школьниками. Предложена процедура, оценивающая полноту реконструкции. Выделены компоненты полноты реконструкции. Представлены результаты, полученные в ходе исследования. Предпринята попытка определения механизмов, лежащих в основе более полной реконструкции.

Abstract. The article is devoted to an examination of features of reconstruction of moral choice situations among senior pupils. Much attention is given to the offered procedure estimating completeness of reconstruction. The author defines components of completeness of reconstruction. It is spoken in detail about research results. There is attempted of definition of the mechanisms underlying more complete reconstruction.

Ключевые слова: моральный выбор, моральная дилемма, полнота реконструкции.

Key words: moral choice, moral dilemma, completeness of reconstruction.

Возможность выбора является существенной особенностью человеческого бытия. В ситуацию выбора вовлекается каждый живущий человек. В этом как раз и состоит свобода человека, то, что отличает его от других, – возможность делать выбор. Данная возможность, по мнению В.И. Бакштановского, является «стержнем свободной человеческой деятельности, kleточкой целеустремленной активности личности в мире духа и мире действия... необходимость выбора – неотъемлемое свойство нравственной зрелой личности, характеризующее ее как свободное существо» [1, с. 9].

Рассматривая осуществление выбора, стоит обратить внимание на то, что человек является частью общества, определенной группы и, что осуществляя выбор, влияет не только на свою жизнь, но и на окружающих его людей. Общество часто предлагает человеку различные варианты существования в его пространстве, делая возможным и необходимым соответствующий выбор: будь то проблема поступления, определения своей дальнейшей судьбы, построения отношений с другим и т. д., необходимый для существования в пространстве социального взаимодействия.

Наиболее сложным и неоднозначным в решении часто выступает моральный выбор личности. На данный момент существования социума эта проблема встает наиболее остро: человеку необходимо совершать определенный выбор в отношении нравственных ценностей, норм, которые составляют необходимые и наиболее важные ориентиры существования в обществе, но, несмотря на важность этого выбора, общество на данный момент не предлагает четких ориентиров человеку в отношении «что такое хорошо, а что такое плохо». Соответственно, проблема морального выбора человека имеет существенное значение как для общества в целом, так и для самого человека.

Существует достаточно много определений, но все определения подчеркивают основные характеристики морального выбора: во-первых, способность самоопределения в мире ценностей и норм, во-вторых, их воплощение в конкретном варианте поступка [1; 7].

Существенными условиями осуществления морального выбора является отсутствие внешних принуждений и запретов,

рефлексия и сознательность выбирающего, наличие у него внутренних ориентиров: ценностей, идеалов, целей [1; 7].

Особое значение приобретает моральный выбор в подростковом возрасте, который, по мнению ряда исследователей, является наиболее сензитивным периодом к усвоению моральных норм и формированию ценностных ориентаций, смыслов, морального мышления. В подростковом возрасте с присущим ему сформированным формально-логическим, социальным интеллектом, направленностью личности и другими личностными образованиями возможно уже осуществление осознанного морального выбора [3; 5].

Традиционно исследование особенностей морального выбора связано с именем Л. Колберга, использовавшего в своих исследованиях нравственного поведения моральные дилеммы. Вслед за Л. Колбергом, в исследованиях морального поведения, мышления используются моральные дилеммы. В основном многие подходы с их процедурами исследования в основном констатируют наличие или отсутствие того или иного качества, уровня данного исследуемого признака. Но как происходит сам процесс выбора, что за этим стоит, на что ориентируется испытуемый, не находит должного исследования.

В связи с этим была предпринята попытка разработки процедуры реконструкции ситуации морального выбора старшими школьниками, с целью изучения особенностей восприятия ситуаций выбора и основных категорий, представленных в сознании старших школьников при анализе и оценки ситуаций морального выбора. Помимо изучения особенностей реконструкции, была предпринята попытка рассмотрения основных механизмов, лежащих в основе более полной реконструкции, к которым были отнесены уровень развития моральных суждений, особенности нравственных стратегий, ориентаций личности.

Изучение особенностей реконструкции ситуаций морального выбора предполагает использование моральных дилемм, которые определяются как задания, в которых испытуемому предлагается ситуация и ставятся вопросы [4].

Для реализации задачи исследования были разработаны две ситуации с разной степенью приближенности к жизненному опыту подростков. Одна из ситуаций была максимально при-

ближена к реальной жизненной ситуации подросткового возраста, где на первый план выступало межличностное общение и существовала возможность идентификации себя с персонажем. Вторая ситуация носила более отстраненный характер от жизненных реалий подростка, в данном случае испытуемые в большей степени были «наблюдателями со стороны».

В основу разработанных ситуаций были положены существенные характеристики морального выбора:

- наличие альтернативы выбора: осуществление выбора возможно в том случае, когда обстоятельства предлагают несколько вариантов поведения и человек предпочитает один вопреки другим;

- наличие нравственного конфликта. Человек, которому предстоит решение, констатирует противоречие: осуществление какого-то одного варианта поступка, в основе которого лежит определенная ценность, приведет к нарушению другой нормы, которая также важна для человека.

Нужно отметить, что реконструкция ситуации может осуществляться с разной степенью полноты презентации основных элементов ситуации морального выбора (участники, условия, мотивы, последствия, ценности).

Процедура исследования заключалась в следующем: испытуемым предлагалось ознакомиться с каждой из ситуаций и порассуждать на предмет происходящего. Инструкция заключалась в следующем: «Вам предлагаются две ситуации. Необходимо знать Ваше мнение по поводу каждой из ситуаций. В ходе нашей беседы я задам Вам несколько вопросов. Высказывайте все свои мысли, приходящие на ум».

Задаваемые вопросы представлены ниже:

- «Ваше мнение по поводу данной ситуации?»
- «Представьте себе, что у Вас имеется возможность что-либо узнать об этой ситуации или у участника событий. Что бы Вы спросили?»

- «Как Вы думаете, чем закончится данная ситуация?»

Первый вопрос предполагает выяснение основных категорий, выделяемых подростками при анализе ситуации. Второй вопрос предполагает выяснение необходимых категорий для полной реконструкции ситуации подростками, а также позволя-

Секция 3

ет выяснить, насколько ситуация предстает перед подростками проблемной.

Третий вопрос предполагает также выяснение основных категорий, влияющих на будущий исход событий для участников гипотетической ситуации.

Обработка полученных данных осуществлялась с применением процедуры контент-анализа. Были выделены следующие категории, позволяющие судить о степени полноты реконструкции ситуаций морального выбора: «участники», «условия», «мотивы», «последствия», «ценности». Схема подсчета количества баллов заключалась в следующем: за указание одного участника, мотива, одной ценности присваивается 1 балл, несколько – 2 балла, все – 3 балла, не указано ни одного – 0 баллов. Также подсчитывались баллы для каждой категории при указании мотивов, условий, ценностей, последствий применительно для участников событий, ситуаций: если указаны мотивы для одного участника, присваивается 1 балл, и так – для всех категорий.

Определенными «маркерами», помогающими отнести рассуждение испытуемого к той или иной категории анализа, были следующие высказывания:

– мотивы: высказывания, отражающие причинность проходящего, побуждения того или иного участника, например: «Ему захотелось попробовать нового», «Она хотела сделать лучше», «Мать беспокоилась за сына»;

– условия: высказывания, характеризующие дополнительные характеристики субъекта или окружения, повлиявшие на течение обстоятельств гипотетической ситуации: «Если все получается, чего-то хочется», «Так сложились обстоятельства», «Он поддался», «Связался не с той компанией», «Если б она его любила, то ни за что бы не сдала», «Мальчик ветреный» и т. д.;

– ценности: высказывания испытуемых, указывающие на значимость какого-либо аспекта, влияющего или повлиявшего на ход события: «Мама сделала неправильно – самое дорогое, ей нужно доверять», «Мама сдала сына, чувство должно быть», «Пусть лучше сидел бы в тюрьме, чем умер», «Сердцу не прикажешь», «Подруга лучшая одна и до конца жизни».

В исследовании приняли участие ученики МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 46» г. Калуги. Возрастной

Секция 3

диапазон испытуемых: 15–17 лет, среди них 13 девушек и 14 юношей.

Обратимся к анализу полученных результатов.

Были проанализированы данные испытуемых отдельно по каждому вопросу и в целом в обеих ситуациях. При обработке данных на первый вопрос «Ваше мнение по поводу данной ситуации?» были получены следующие показатели степени полноты реконструкции основных категорий, представленные в таблице 1.

Таблица 1

**Распределение степени выраженности полноты реконструкции
ситуаций морального выбора (1 вопрос) основных категорий
у старших подростков, %**

Категории	Степень выраженности показателей полноты реконструкции ситуаций морального выбора в первом вопросе: «Ваше мнение по поводу данной ситуации?» (%)	
	Ситуация 1 (отдаленная от жизненного опыта старшего школьника)	Ситуация 2 (максимально приближенная к опыту старшего школьника)
Участники		
Один	41,0	4,0
Несколько	52,0	7,4
Все	0,0	74,0
Не выделено	7,0	14,6
Мотивы	11,0	4,0
Ценности	10,0	10,0
Условия	13,0	10,0

Примечание. Составлено автором.

Таким образом, можно сказать, что в целом степень полноты реконструкции ситуации испытуемыми невысокая в обеих ситуациях. Наиболее полно испытуемые отображают участников событий, причем во второй ситуации выделяют в большей степени всех участников гипотетической ситуации. В первой

Секция 3

ситуации испытуемые выделяют категорию мотивов больше, чем во второй, знакомой ситуации. По остальным категориям различия незначительны.

При анализе полученных данных на второй вопрос «Представьте себе, что у Вас имеется возможность что-либо узнать об этой ситуации или у участника событий. Что бы Вы спросили?» были получены следующие показатели степени полноты реконструкции основных категорий, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Распределение степени выраженности полноты реконструкции ситуаций морального выбора (2-й вопрос) основных категорий у старших подростков, %

Категории	Степень выраженности показателей полноты реконструкции ситуаций морального выбора во втором вопросе: «Представьте себе, что у Вас имеется возможность что-либо узнать об этой ситуации или у участника событий. Что бы Вы спросили?» (%)	
	Ситуация 1 (отдаленная от жизненного опыта старшего школьника)	Ситуация 2 (максимально приближенная к опыту старшего школьника)
Участники		
Один	41,0	7,0
Несколько	15,0	18,0
Все	0,0	4,0
Не выделено	44,0	71,0
Мотивы	14,0	2,4
Ценности	1,2	0,0
Условия	6,1	6,1

Примечание. Составлено автором.

Как видно из полученных результатов, испытуемых интересовали участники первой ситуации и мотивы их поведения. Таким образом, для полной реконструкции ситуации испытуемым необходимо выделить мотивы поведения участников, при-

Секция 3

чем в малознакомой ситуации это более актуально для них. По остальным категориям различия незначительны.

При анализе ответов испытуемых на третий вопрос «Как Вы думаете, чем закончится данная ситуация?» были получены следующие данные, представленные в таблице 3.

Таблица 3

Распределение степени выраженности полноты реконструкции ситуаций морального выбора основных категорий у старших подростков при оценке последствий, %

Категории	Степень выраженности показателей полноты реконструкции ситуаций морального выбора в третьем вопросе: «Как Вы думаете, чем закончится данная ситуация?» (%)	
	Ситуация 1 (отдаленная от жизненного опыта старшего школьника)	Ситуация 2 (максимально приближенная к опыту старшего школьника)
Участники		
Один	67,0	10,0
Несколько	30,0	19,0
Все	3,0	71,0
Не выделено		
Мотивы	1,2	0,0
Ценности	6,0	2,4
Условия	9,2	19,1
Последствия	35,1	50,0

Примечание. Составлено автором.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в оценке последствий испытуемые во второй, знакомой ситуации выделяют последствия для всех участников больше, чем в первой, малознакомой ситуации. Также более полно отражены испытуемыми условия и последствия во второй ситуации, чем в первой.

Был проанализирован характер суждений испытуемых в обеих ситуациях. На данный момент анализ суждений не входит в задачи изложения в рамках данной статьи, поэтому лишь ко-

Секция 3

ротко коснемся полученных результатов. Обратимся к примерам суждений.

При анализе суждений испытуемых при ответе на первый вопрос «Ваше мнение по поводу данной ситуации» указанные мотивы участников первой ситуации можно объединить в следующие категории: помощь-забота, поиск новых ощущений, мотив наказания. Ниже приведены примеры выделенных мотивов испытуемыми:

«Ему захотелось попробовать нового», «Она хотела сделать лучше», «Мать беспокоилась за сына», «Она поняла, что он уже испортился» и т. д.

Что касается второй ситуации, испытуемые мало обращали внимание на мотивы поведения участников гипотетической ситуации, но выделенные мотивы можно обозначить как мотивы отношений:

«Он не хочет ссорить девушек и поэтому будет встречаться с каждой по отдельности».

Суждения испытуемых относительно условий ситуаций можно объединить в две группы: внешние и внутренние условия. Причем как в первой, так и во второй ситуации преобладают внутренние условия. Ниже приведены примеры выделенных условий испытуемыми:

– Внешние: «Если все получается, чего-то хочется», «Так сложились обстоятельства», «Он поддался», «Связался не с той компанией».

– Внутренние: «Из-за слабости он потерял все», «У человека нет силы воли, глупый человек», «Мальчик ветреный».

При анализе суждений испытуемых относительно категории ценностей можно отметить, что и в первой и во второй ситуации данная категория мало обозначалась испытуемыми, в основном, суждения носили характер сохранения отношений между субъектами, причем как в первой, так и во второй ситуации:

«Артем поймет, что причиняет вред матери», «Он простит мать», «Подруга лучшая одна и до конца жизни», «Лучше подругу оставить, чем парня».

При анализе суждений испытуемых при ответе на второй вопрос «Представьте себе, что у Вас имеется возможность что-

Секция 3

либо узнать об этой ситуации или у участника событий. Что бы Вы спросили?» – испытуемых интересовали мотивы поведения участников, причем в первой ситуации намного больше. Характер интересующих мотивов во всех случаях одинаков:

«Зачем попробовал?», «Зачем позвонила?».

Характер условий как в первой, так и во второй ситуации является выражением адаптации к отношениям:

«Кто больше нравится?», «С кем лучше?».

При анализе суждений испытуемых в оценке последствий для участников ситуаций полученные ответы можно выделить в две группы: адаптивные, предполагающие последствия на социальном уровне, и личностные, предполагающие последствия в изменении отношения к окружающему миру и другим людям. В оценке последствий преобладают адаптивные ответы как в первой, так и во второй ситуации. Примеры адаптивных стратегий приведены ниже:

«В тюрьме», «Мог бы умереть от передозы», «Его забрали бы, определили в больницу», «Все были бы в ссоре», «Не смог водить машину», «Из дома вещи стал выносить, в семье полный непорядок», «Все поссорятся».

К личностным стратегиям были отнесены следующие примеры суждений:

«Осознал в какой-то степени, он поймет, что нужно заниматься спортом и маме помогать, он осознает свою вину», «Мама простит, все ошибаются, бывает со всеми».

Далее была проанализирована степень достоверности различий показателя полноты реконструкции ситуаций морального выбора по обеим ситуациям с использованием критерия Вилкоксона. Различия значимы по следующим категориям полноты реконструкции ситуации:

- участники ситуаций ($T = 25; p \leq 0.001$);
- и мотивы ($T = 20; p \leq 0.01$).

Таким образом, в ситуации, более отдаленной от жизненного опыта, испытуемые чаще обращаются и более полно отражают мотивы поведения участников гипотетической ситуации; для них более важным является выявление причин, приведших к тому или иному варианту события. В то же время испытуемые более полно выделяют участников ситуаций в моральной ди-

лемме, более приближенной и близкой к их опыту; возможно, это связано с большей возможностью идентификации с участником события.

Важным является рассмотрение механизмов, лежащих в основе более полной реконструкции ситуаций морального выбора. Предположительно, одним из механизмов является нравственные стратегии, ориентации, уровень развития моральных суждений личности. Были использованы две методики: методика «Нравственное самоопределение личности» А.Е. Воробьевой, А.Б. Купрейченко [2] и методика исследования уровня развития моральных суждений личности Н.А. Чикалова [8].

Использовалась процедура формирования крайних групп по медиане по показателю полноты реконструкции, сопоставление данных с использованными методиками. Было выявлено, что различия значительны лишь по одному показателю методики Н.А. Чикалова: моральные суждения утилитаристического типа. Соответственно, испытуемые, более полно реконструирующие ситуации морального выбора, имеют более высокий уровень моральных суждений утилитаристического типа ($U_{эмп} = 35,5; p \leq 0.05$). Тем самым испытуемые, ориентированные в ситуациях морального выбора на полезный результат, счастье других людей, более полно реконструируют ситуации морального выбора; представленность в их сознании важности полезности и достижения счастья, возможно, является элементом адаптации, приспособления к ситуации.

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

Полнота реконструкции в ситуациях морального выбора невысокая как в более приближенной к жизненному опыту старших школьников ситуации, так и в более отстраненной от их опыта ситуации.

В ситуации, более отдаленной от жизненного опыта, испытуемые чаще обращаются и более полно отражают мотивы поведения участников гипотетической ситуации; для них более важным является выявление причин, приведших к тому или иному варианту события. В ситуации, приближенной и близкой к опыту, испытуемые более полно выделяют участников событий.

Секция 3

Испытуемые, более полно реконструирующие ситуации морального выбора, имеют более высокий уровень моральных суждений утилитаристического типа.

Таким образом, предпринятая попытка разработки процедуры исследования особенностей реконструкции ситуаций морального выбора позволяет определить полноту этой реконструкции у старших школьников, а также определить проблемное поле этой реконструкции в определенных категориях.

Перспективным направлением исследования является рассмотрение нравственной релевантности суждений старших школьников в реконструкции ситуаций, а также выявление и изучение механизмов и их особенностей, влияющих на полноту реконструкции ситуаций морального выбора.

Приложение

Ситуация № 1

Артем – студент престижного университета. В школе он увлекался баскетболом, часто ездил на областные соревнования. Парень сочиняет стихи, является редактором газеты, ведет откровенный дневник. В университете играет за сборную команду баскетбола. Еще несколько удачных выступлений – и он станет кандидатом в мастера спорта. Все его считает талантливым игроком.

На одной из вечеринок знакомые Артема предложили ему попробовать кокаин. Артем был уверен, что это всего лишь развлечение. Эйфория, кайф стали для ребят открытием, которое захотелось словить еще и еще. Спустя несколько месяцев во время областных соревнований Артем перед игрой принял дозу. В результате он не смог играть на своем прежнем уровне.

Матери позвонил тренер команды и сказал о странном поведении ее сына. Тренер доводит до сведения матери, что парень больше не будет играть в команде.

Когда Артем пришел домой, мать потребовала объяснений. Возникла серьезная ссора, и Артем ушел из дома, не появляясь целую неделю.

Однажды вечером парень сильно повздорил с группой ребят, он задолжал им за дозы. Он и его друзья решают ограбить проходящего мужчину, но поблизости оказывается полицейский. Компании удается сбежать.

Секция 3

На следующий день полицейский приходит в дом Артема и говорит матери о случившемся, попросив ее сообщить, когда сын появится дома.

Мальчик возвращается домой и просит никому не говорить о том, что он вернулся. Артем плачет, говорит о безвыходности ситуации, о том, что мать обязана ему помочь.

Когда Артем засыпает, мать снимает трубку и звонит в полицию...

Ситуация № 2

Алиса давно дружит с Аней. Сейчас девочки учатся в 10-м классе. С 8-го класса сидят за одной партой. Все свободное время подруги стараются проводить вместе. Несколько месяцев назад Алиса познакомилась в парке с Димой. Ребята часто общались в социальных сетях, гуляли вместе, и через некоторое время Дима предложил Алисе быть его девушкой.

Алиса сразу же рассказала Анне о счастливом для нее событии. Подруги вместе порадовались, и Анна даже сказала подруге в шутку, что та теперь будет ей меньше уделять времени. Алиса очень хотела познакомить своего парня со своей подругой. И скоро этот случай ей представился.

На день рождения их одноклассника Алиса пришла с Димой и познакомила его со своей подругой. Вечер прошел весело, с шутками и смехом. Анна на следующий день сказала подруге, что ей очень повезло, Дима – веселый и забавный молодой человек, она даже немножко ей завидует. Через три дня раздался звонок на мобильный телефон Анны от Димы. Парень ей предложил встретиться срочно в парке, разговор касается ее подруги Алисы. Во время встречи Дима признался, что Анна ему очень симпатична, и он понимает, что Анна и Алиса – лучшие подруги, это осложняет ситуацию, но Анна ему понравилась с первого взгляда, и если бы она знала, с каким трудом он достал ее номер телефона. Анна удивлена заявлением Димы и понимает, что он ей тоже очень нравится.

Список литературы

1. Ведомости. – Вып. 20 : Моральный выбор / под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. – Тюмень : НИИ ПЭ, 2002. – 280 с.

Секция 3

2. Журавлев, А. Л. Социально-психологическое пространство личности / А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. – М. : Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2012. – 496 с.
3. Карабанова, О. А. Решение моральных дилемм в подростковом возрасте / О. А. Карабанова, А. И. Подольский, Е. И. Захарова // Психология и школа. – 2005. – № 1. – С. 3–21.
4. Молчанов, С. В. Структура морального поведения в концепции Дж. Реста: проблема и методы исследования / С. В. Молчанов // Психология и школа. – 2005. – № 1. – С. 111–132.
5. Подольский, О. А. Моральная компетентность подростка: поиск новых возможностей исследования / О. А. Подольский // Психология и школа. – 2005. – № 1. – С. 132–139.
6. Посаженкова, А. О. Социально-психологические свойства личности и уровни развития моральных суждений в ранней юности / А. О. Посаженкова // Ученые записки. – 2010. – № 3. – С. 95–100.
7. Словарь по этике / под ред. И. Коня. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/around/studium/wort/kon/>. – Загл. с экрана.
8. Чикалов, Н. А. Развитие когнитивно-оценочных механизмов морального сознания личности : дис... канд. психол. наук / Н. А. Чикалов. – Калуга, 2002. – 199 с.

**СМЕНА ГЕРОЕВ
НА ПОСТСОВЕТСКИХ КИНО- И ТЕЛЕЭКРАНАХ
В СВЕТЕ СИСТЕМНО-ВЕКТОРНОЙ ПСИХОЛОГИИ
ЮРИЯ БУРЛАНА**

H. B. Баскакова

*Кандидат философских наук,
г. Великий Новгород, Россия*

B. B. Очирова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

P. M. Амерзянов

*Специалист портала по системно-векторной психологии,
г. Москва, Россия*

Аннотация. Работа посвящена изменениям в образах героев на российских кино- и телеэкранах в постсоветский период. Данные процессы, несомненно, влияющие на российскую идентичность, заслуживают детального изучения, который будет способствовать выявлению основных тенденций развития российского социума. Анализ проведен с использованием уникальной теории – системно-векторной психологии Юрия Бурлана.

Abstract. The research has been focused on the changes of the Russian movies main character portrayal in the post-Soviet period. Those changes undoubtedly have had an effect on Russian identity and deserve a detailed study. That will help to identify the main trends in the development of Russian society. The analysis has been conducted using a unique theory, System Vector Psychology by Yuri Burlan.

Ключевые слова: кино, телевидение, идентичность, менталитет, Россия, системно-векторная психология, Юрий Бурлан.

Keywords: movies, television, identity, mentality, Russia, System Vector Psychology, Yuri Burlan.

Введение

Более 20 лет назад российский социум пережил резкий слом ориентиров: мировоззренческих, ценностных, поведенческих – как личностных, так и общественных.

Все это нашло отражение на кино- и телеэкранах, причем процессы были взаимосвязанными. Киногерои приходили из реальной жизни, а самые яркие из них становились образцами для подражания в реальной жизни. Особенно большую роль это играло для подрастающего поколения.

Человек становится личностью, воспринимая образцы мышления и поведения, транслируемые в социуме. Чаще всего для этого применяются различные клише, паттерны, стереотипы, как правило, уже хорошо отработанные и легко усваиваемые. Большую роль играют также и идеалы, которые оказывают принципиальное влияние на личный выбор. Они могут быть как индивидуальными, так и социально общезначимыми. Есть различные подходы к данному вопросу.

Так, А. Лоренцер трактует понятие «клише» как относящееся к области бессознательного, которое, сохраняя свое интенциональное и динамически-энергетическое значение, автоматически срабатывает в определенных условиях. Его значимость при этом утрачивается, и появляются пустые знаки, потерявшие свое эмоциональное содержание. «Диктат фигур сознания, отделившихся от жизненной реальности, ведет к образованию ложного представления человека и общества о самих себе, к разрыву обратных связей» [33, S. 332].

Данные процессы имеют определенную специфику, присущую каждому социуму соответственно его менталитету. Системно-векторная психология Юрия Бурлана [23], определяет, в частности, что основу русского характера составляет уретрально-мышечный менталитет. И формирование русского национального характера проходило в условиях уникального геополитического ландшафта [7; 21; 31].

Системные причины смены экранных типажей на фоне глобальных социальных процессов

При фактической социализации человек постоянно неосознанно примеряет на себя все, что наблюдает вокруг. Что ему подходит, а что нет. Многое также зависит и от природных качеств, присущих каждому отдельному человеку. В зависимости от врожденного психического, воспринимается и циркулирующая в обществе информация.

Тысячелетия основным способом трансляции стереотипов был устно-визуальный. Информация при этом распространялась довольно медленно, была строго дозирована и доступна далеко не каждому. С изобретением книгопечатания начались ускоренные распространение и популяризация разного рода знаний. Ситуация резко изменилась в XX в., особенно этому способствовало появление новых информационных технологий. Сегодня общество буквально захлебывается от огромного и стремительно-го потока информации. Лучше всего с данными реалиями справляются люди, обладающие от природы кожным вектором [12], при должной степени развитости.

Надо отметить, что ценности кожного вектора контарны по отношению к уретрально-мышечному менталитету российского социума, который объясняет во многом наличие вплоть до начала XX в. в российских социокультурных стереотипах образцов совершенно контарных стилей поведения: или очень возвышенного, благородного, или совершенно маргинального, даже девиантного поведения. Основные жанры народного творчества: песни, где поется о разбойниках (обладателей чаще всего кожного [12], иногда уретрального вектора [11]), или жития святых, прославляющие уход от бренного мира (звуковой вектор) [1].

Данные традиции продолжились в классической русской литературе, занявшей в общественном сознании место религии. Следует отметить, что практически до самого Октябрьского переворота и несколько позднее грамотность в России была довольно низкой, поэтому битвы за умы разворачивались на весьма узком поле. Тем не менее результаты впечатляют до сих пор.

При анализе главных положительных персонажей великой русской литературы обнаруживается, что среди них успешно реализованных практически нет [5, с. 237].

Комфорт как ценность всегда отвергался, с одной стороны, элитарной культурой, представленной в России уникальным социальным явлением – российской интеллигенцией, с другой – главной силой – мышечным крестьянством.

Тогда же в литературе нельзя было встретить и тему реальной деятельности, где бы герои сами отвечали за свою судьбу. Самоидентифицировались российские герои от противного: как делать не надо. Энергия их была направлена на разрушение старого, а не созидание нового.

В советский период были предприняты попытки изменить ситуацию. Была сформирована новая трудовая этика, в которой большую роль сыграло и множество кинофильмов о рабочем классе и крестьянстве [20, с. 42]. Главными героями трудового фронта в этот период были, по большей части, обладатели развитого анального вектора [10] – работающие, честные, порядочные, добивающиеся высокого качества своей дотошностью и перфекционизмом, полностью реализующие себя на производстве. Именно на таких героев был ориентирован советский кинематограф.

Но вот наступила другая фаза развития общества, где преобладают ценности кожного вектора, героями дня стали люди, которых раньше судили за спекуляцию, хозяйствственные преступления, обладатели кожного вектора, яркие, но оставшиеся в архете, что было зачастую обусловлено советскими реалиями. Следует отметить, что эти герои не воспринимались уретрально-мышечным менталитетом россиян в положительном смысле. В постперестроочный период один за другим появлялись произведения, в которых низвергались советские мифы, но предлагались другие, исключительно апокалиптического настроя [15; 17].

То, что происходило тогда в аудиовизуальных искусствах, можно оценивать по-разному. Так, известный советский кинодеятель И. Пырьев утверждал, что, в «отличие от многих буржуазных, а особенно голливудских картин, в которых герои вербуются из числа людей «высшего класса», а чаще – из среды гангстеров и проституток (*обладатели неразвитого кожного*

Секция 3

вектора. – Н. Б.), герои советских фильмов, прежде всего, люди борьбы и труда, морально стойкие, чистые, целеустремленные (обладатели развитого анального вектора. – Н. Б.) [24].

Ведь основной характеристикой практически всех героев советского кино, в особенности положительных, была профессиональная: инженеры, врачи, рабочие, колхозники и пр. Экраны заполнялись производственными драмами, где шло серьезное обсуждение проблем трудовой совести и чести («Битва в пути» (1961), «Премия» (1974), «Мы, нижеподписавшиеся» (1981) – список можно продолжать довольно долго). И это не удивительно, ведь было общепризнанно, что «главное мерило ценности человека – польза, которую он приносит народу» [8, с. 4], «в советском обществе нельзя жить без труда, без уважения, без любви к людям» [16, с. 13].

Но всего через три каких-то десятка лет на российском экране буйно зацвела очень пышно «развесистая клюква», которая так яростно клеймилась. Никто не понимал, что делать с пришедшей вдруг абсолютной свободой, которой долго добивались. Если в первом постсоветском году было снято 238 фильмов и 15 сериалов, то уже в 1996 г., самом «провальном», всего 43 фильма и 11 телеработ [27].

Если прибавить к этому, что большинство из этих фильмов так никогда и не вышли к широкому зрителю, то можно сказать, что идентификационные образы и якоря для российского зрителя были отданы почти полностью тому самому «заклейменному» Голливуду, чьи далеко не лучшие образцы закупались по дешевке нашими же российскими прокатчиками.

На рубеже веков, прожив уже десятилетие в условиях абсолютной идеологической свободы, российская творческая интеллигенция все также моделировала ситуации, где «все новое, даже если это лучшее, воспринимается как худшее, лишнее, негативное. Как абсолютный обман. Новому не доверяют, даже не пытаются поверить, и потому боятся» [14].

Наконец, заменяя непрестанные причитания-«литаний» [25, с. 47] презентуются новые модели осмысления действительности, которые мы, чаще всего, видим, в масс-медиа, телевидении, особенно наглядно – в рекламе. Эти попытки, по большей части, откровенно беспомощны, их справедливо можно

отнести к суррогатам, агрессивно вытесняющим искусство истинное. «Однако, ограниченные своими пределами, они (*суррогаты*. – Н. Б.) не только необходимы, но и полезны. Они выполняют широкую воспитательную роль и являются как бы первой ступенью на пути к овладению языком искусства» [19, с. 187].

Базовая группа акторов, деловых людей, действующих на российских кино- и телеэкранах, тесно связана с различными аспектами криминала. В начале нового тысячелетия российские зрители были захлестнуты общим «чернушным» потоком, где действовали грабители, рокеры, аферисты разного ранга, девочки-мальчики «по вызову», подвалы, морги, бандиты, «ментовка», опустошенныеочные улицы. Режиссеры пытаются осмыслить происходящее то эксцентрикой («Барабаниада» С. Овчарова), то квазисоветской эстетикой («Дети чугунных богов» Т. Тота). В последнем любимый герой советского кино – сталевар Игнат, с ярко выраженным мышечным вектором [9], в огромных цехах явно оборонно-промышленного завода, каждый день сражается с огнем и металлом, а вечерами также серьезно и неистово участвует в массовых драках и попойках. Наблюдает за всем этим режиссер, с анальным стремлением к совершенству картинки и зрительной любовью к ней же. Кинообразы знакомы до боли: бронзовые мускулы и открытые, улыбчивые лица рабочих, убеленные сединами генеральные конструкторы, директора заводов с больным сердцем и колоссальной работоспособностью.

Рабочий класс, самая большая группа населения с мышечным вектором, «соль земли», вообще можно увидеть на большом экране крайне редко. Из значимых проектов можно назвать лишь «Магнитные бури» В. Абдрашитова (2003), где в течение всего фильма одна озверевшая толпа рабочих лупщет другую.

Еще один тип героя – рефлектирующие интеллигенты, по большей части, анально-зрительные, не находящие себя в новых условиях: провинциальный поэт Макаров («Макаров», С. Маковецкий), по случаю, ставший владельцем пистолета «Макаров» и почему-то возомнивший, что оружием можно разом решить все накопившиеся проблемы; агрессивный и неприкаянный «шестидесятник» А. Абдулов («Над темной водой» Д. Месхиева), уходящий из жизни, ничего окончательно не выбрав; инженер Женя Тимошин («Ты у меня одна» Д. Астрахана),

Секция 3

вдруг осознавший свою ненужность «на празднике жизни», где не нужны ни искренние чувства, ни яростные споры о возвышенном, а еще совсем недавно пользовавшаяся уважением семья интеллигентов-интеллектуалов не живет, а существует беспросветно и унизительно.

Но в следующем фильме Д. Астрахана, программно названным «Все будет хорошо» тот же А. З布鲁ев играет абсолютно кожного, легко приспособливающегося к любым обстоятельствам персонажа, при этом развитого и реализованного, потому умеющего добиваться своего и направлять энергию не только на узко личные цели. Когда-то обычный паренек возвращается в родной провинциальный городок 20 лет спустя миллионером с сыном, ставшим нобелевским лауреатом... Счастье льется рекой, чаще всего в кожном смысле: комфорт, успех, все, что можно встретить в калейдоскопе мыльных опер. Тем не менее свою психотерапевтическую роль этот фильм играет до сих пор. Как немного, оказывается, нужно, «чтобы утолить живущую во все времена в человеке жажду увидеть стабильность и стройность мира, ощутить себя причастным мифическому доминированию общечеловеческих ценностей» [4].

На этом фоне повышенное внимание россиян к блатной и тюремной жизни приобретает черты уже социального заказа. Неразвитые, фрустрированные, даже маргинально реализованные обладатели кожного вектора вписываются в новую fazu развития гораздо лучше, чем обладатели анального или мышечного векторов. Надо помнить, что традиции в этом плане были солидные, горячо любимые: «Джентльмены удачи», «Калина красная», «Место встречи изменить нельзя». Огромную популярность получили фильм «Зона Любэ» Д. Светозарова и сериал «Зона» П. Штейна, снятый как «реалити-шоу», в основу которого легли шокирующие истории, записанные сценаристами в реальных тюрьмах, зонах, тюрьмах, пересылочных пунктах по всей стране. И вдруг обнаружилось, как писал Довлатов, «поразительное сходство между лагерем и волей... Мы говорили на одном и том же прибланненном языке. Распевали одинаковые сентиментальные песни. Претерпевали одни и те же лишения... Мы были очень похожи и даже – взаимозаменяемы. Почти лю-

бой заключенный годился на роль охранника. Почти любой надзиратель заслуживал тюрьмы» [13].

Подобный интерес имеет глубокие исторические корни, так как в течение нескольких веков именно «разбойничий песни» фигурировали в народном сознании как одни из самых значимых социокультурных клише – в них «вообще обнаруживается сочувственное отношение к разбойникам: народ усматривал в них свободолюбивых удальцов, способных по временам на порывы великодушия» [32]. Так оказывается уретрально-мышечный менталитет, в котором происходило становление российского социума.

Вполне адекватны в данном контексте и «новые русские» из «понаехавших» провинциалов, добившихся в столице успеха («Лимита» Д. Евстигнеева), естественно, тесно связанных с «мафиозными структурами»: интеллигент с ножом, пистолетом и отмычкой («Маэстро-Вор» В. Шамшурина) – один из базовых мифологических персонажей в постсоветском кино, странные обитатели «Страны глухих» В. Тодоровского. Список этот можно продолжать и продолжать, но одно несомненно: все его представители – обладатели кожного вектора, разной степени развитости и реализованности.

Появляются в постсоветской России и новые лица – организаторы/создатели/владельцы собственных фирм/компаний. Первой ласточкой можно назвать мини-сериал «Горячев и другие», о котором до сих пор вспоминают на Интернет-форумах и голосуют на сайтах, посвященных кино и ТВ [34]. Режиссер Ю. Беленький, стоявший у истоков российской «мыловарни», до сих пор считает, что нынешняя технология создавалась на этом 35-серийном фильме (1992–1994) [26]. И действительно, многие сюжетные ходы еще неоднократно будут отрабатываться на российском телевидении.

Весьма редко появляются на российских экранах и благородные богачи. Процветающий бизнесмен – это, как правило, обладатель развитого и реализованного кожного вектора. В течение длительного времени, практически всего советского периода, в России не было условий для такой легитимной реализации. Еще Макс Вебер определил предпринимателя как взламывающего общепринятое, ломающего устои. «Утверждение

его шло отнюдь не мирным путем. Бездна недоверия, подчас ненависти, прежде всего морального возмущения, всегда встречала сторонника новых веяний; часто нам известен ряд таких случаев – создавались даже настоящие легенды о темных пятнах его прошлого» [6, с. 88]. Самый убедительный образ такого разрушителя-созидателя, блестательного, выдающегося, неоднозначного – «цепкий, страстный, одержимый... и, конечно, обаятельный» Платон Маковский в исполнении В. Машкова («Олигарх» П. Лунгина, 2002). Эта эпическая сага [22] о жизни и любви в России того времени перемен, что необратимо изменило страну, всех нас, сага о шальных деньгах, главной ценности каждой фазы развития, как они зарабатываются и чем за это приходится платить – любовью, дружбой, собственной жизнью... Эта история слишком хорошо вписалась в вечную российскую философию, что любое богатство неправедно, соответствствуя чаяниям «простого советского человека» иметь гарантированную социальную защиту от государства, нежели идти на риск высоких заработков» [28, с. 298].

Российские писатели, сценаристы, режиссеры никак не могут представить адекватный образ российского успешного Человека Дела. Как пишет Д. Хоффман, российские олигархи пристально изучают книги Теодора Драйзера, поскольку, не имея поведенческих образцов в новых российских реалиях, наши VIPы перенимали американские паттерны: «стиль и методы баронов-разбойников, копируя их наглый стиль, холодную уверенность в себе, дерзкие гамбиты и дорогостоящие причуды» [30, с. 348]. Кожные амбиции, умноженные на уретральный менталитет, дали очень своеобразные гибриды, воплощаемые на экранах.

Есть еще один типаж – многочисленные «государевы люди» различных рангов и уровней, которые походя ломают человеческие жизни (гротеск «Серп и молот» С. Ливнева, ретродрама «Утомленные солнцем» Н. Михалкова), расправляются с талантливыми, пусть и заигравшимися, молодыми людьми («Какая чудная игра» П. Тодоровского), наивными русскими эмигрантами («Восток – Запад» Р. Варнье), нагло обирая вернувшихся с очередной локальной войны («Живой» А. Велединского).

Альтернативой штампуются бесконечные милицейские сериалы: «Улицы разбитых фонарей», «Менты», «Бандитский Петербург», «Агент национальной безопасности», «Каменская», «Марш Турецкого». Но здесь те же герои с кожным вектором, получившим нормальное развитие, реализуются должным образом, защищая порядок и закон. Постоянно находясь между жизнью и смертью, защищая простых людей от преступников-нелюдей, герои в каждой серии одерживают хоть маленькую, но победу. И даже если художественные достоинства этих сериалов не очень высоки, это неважно, важно, что все они здесь – свои, родные. Еще один признак анально-мышечного восприятия действительности.

Родные же могут быть даже убийцами, потому что свои — как всенародно обожаемый киллер Данила Багров («Брат», «Брат-2» А. Балабанова), наделенный сложным векторным набором: анально-кожно-мышечным, сыгранный невероятно обаятельным, даже не актером, а настоящим «московским принцем», у которого налицо к тому же и верхние вектора: зрительный [2] и звуковой [1], – Сергеем Бодровым-младшим.

После милицейских сериалов сверхпопулярность приобретают телеповествования из жизни «офисного планктона»: «Не родись красивой», «Дочки-матери», «Всегда говори всегда», на большом экране непрятязательный ромком «Питер-FM» в то же время обгоняет по прокатным сборам тяжеловесов с брутальными героями, перестрелками, погонями, таких, как «Охота на пиранью», «Перегон», «Жмурки» [18] и многих других. Это – свидетельство врастания в кожную фазу эволюции, того, что народ устал от потрясений, ищет таких героев, которые помогут разобраться с новыми реалиями будничной обычной жизни.

Заключение

Согласно теории Н. Хоува и И. Штрауса, наши киногерои сейчас находятся в переходном периоде – «поздняя осень», далее последует «зима», придет поколение «Y» [29]. С точки зрения системно-векторной психологии Юрия Бурлана, сейчас, как

Секция 3

никогда, нужны присущие развитым и реализованным векторам качества, например:

- каждого вектора: умение организовать, налаживать экономические и производственные отношения, легко адаптироваться к современной – каждой фазе развития общества;
- зрительного вектора: распространение общечеловеческих ценностей культуры;
- звукового вектора: способность мыслить абстрактными категориями, обретать и передавать духовную составляющую движения к созидательному действию;
- уретрального вектора: милосердие, приоритет коллективных целей над собственным частным комфортом; и пр.

Нужны новые герои, в том числе и на экране.

«Раньше общество решало за него, что ему делать, а он решал только – как; теперь он вынужден решать и что, и как. Поэтому у героя нет прошлого – чтобы создать мир заново, нужно зачеркнуть то, что было. Будущее есть, только оно неясное» [3].

Список литературы

1. Алексеева, Е. Звуковой вектор / Е. Алексеева, Д. Киррс, А. Маточинская. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.yurlan.ru/biblioteka/zvukovoi-vektor> (дата обращения: 28.11.2011). – Загл. с экрана.
2. Алексеева, Е. Зрительный вектор / Е. Алексеева, Д. Киррс, А. Маточинская. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.yurlan.ru/biblioteka/zritelniy-vektor> (дата обращения: 28.11.2011). – Загл. с экрана.
3. Архангельский, А. Страна его найдет / А. Архангельский // Огонек. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ogoniok.com/archive/2005/4894/15-18-18/> (дата обращения: 22–28.12.2008). – Загл. с экрана.
4. Барабаш, Е. Великий почин Дмитрия Астрахана / Е. Барабаш. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.film.ru/article.asp?id=2901> (дата обращения: 12.11.2001). – Загл. с экрана.
5. Баскакова, Н. В. Трансформация идентификационных клише «Человек Дела» и/или «Деловой человек» в российских кино и телеви-

Секция 3

- дение (1992–2007 гг.) / Н. В. Баскакова // Россия и современный мир: проблемы политического развития : тез. IV Междунар. межвуз. науч. конф., Москва, 10–12 апр. 2008 г. – М. : Ин-т бизнеса и политики, 2008. – С. 236–237.
6. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избр. произв. / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 804 с.
7. Гадлевская, Д. Национальный характер русского человека / Д. Гадлевская. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.yburlan.ru/biblioteka/natsionalnyi-kharakter-russkogo-cheloveka> (дата обращения: 13.07.2013). – Загл. с экрана.
8. Годы молодые. Встреча со студентами // Советский экран. – 1959. – № 10.
9. Грибова, М. Мышечный вектор / М. Грибова. – Режим доступа: <http://www.yburlan.ru/biblioteka/myshechnyi-vektor> (дата обращения: 20.06.2010). – Загл. с экрана.
10. Грибова М., Кирсс Д. Аналитический вектор. Дата обращения: 20.06.2010 // <http://www.yburlan.ru/biblioteka/analjiniy-vektor>
11. Грибова, М. Уретральный вектор / М. Грибова, Д. Кирсс. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.yburlan.ru/biblioteka/uretralnij-vektor> (дата обращения: 20.06.2010). – Загл. с экрана.
12. Грибова, М. Кожный вектор / М. Грибова, М. Мурина. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.yburlan.ru/biblioteka/kozhniy-vektor> (дата обращения: 02.07.2010). – Загл. с экрана.
13. Довлатов, С. Зона / С. Довлатов. – Режим доступа: <http://www.tyurem.net/books/dovlatov/005.htm> (дата обращения: 10.04.2003). – Загл. с экрана.
14. Дондурей, Д. «Мы снимали кино для другой страны» / Д. Дондурей // Известия. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/254877> (дата обращения: 20.11.01).
15. Кабаков, А. Сценарии для России / А. Кабаков, А. Гельман, Д. Драгунский. – М. : АлмазПресс, 1999. – 112 с.
16. Капралов, Г. Одиночество – исключено / Г. Капралов // Советский экран. – 1962. – № 6.
17. Кивинен, М. Прогресс и хаос : Социологический анализ прошлого и будущего России / М. Кивинен ; пер. с англ. М. Черныша. – СПб. : Акад. проект, 2001. – 272 с.
18. Кино России. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kinoros.ru/db/boxoffice/top/2005> (дата обращения: 10.01.2006). – Загл. с экрана.

Секция 3

19. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М. : Гно-
зис : Изд. гр. «Прогресс», 1992. – 270 с.
20. Магун, В. С. Смена диапазона : В поисках протестантской
этики / В. С. Магун // Отечественные записки : журн. для медлен. чте-
ния.. – 2003. – № 3 (12). – С. 34–46.
21. Маточинская, А. Загадочная русская душа / А. Маточинская. –
Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:
<http://www.yurlan.ru/biblioteka/zagadochnaya-russkaya-dusha> (дата обраще-
ния: 20.02.2011). – Загл. с экрана.
22. Орлецкий, А. Эпос! / А. Орлецкий. – Электрон. текстовые
дан. – Режим доступа: <http://www.rusokino.ru/review/5> (дата обращения:
04.12.2005). – Загл. с экрана.
23. Очирова, В. Б. Инновации в психологии: восьмимерная про-
екция принципа наслаждения / В. Б. Очирова // Новое слово в науке и
практике : гипотезы и апробации результатов исследований : сб. мате-
риалов I Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С. С. Чернова. – Ново-
сибирск, 2012. – С. 97–102.
24. Пырьев, И. Откровенный разговор / И. Пырьев // Советский
экран. – 1959. – № 4. – С. 2.
25. Рис, Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседнев-
ность эпохи перестройки / Н. Рис. – М. : «Новое лит. обозрение», 2005. –
358 с.
26. Рогожникова, Е. Серийные бессильники / Е. Рогожникова
// Русский Newsweek. – 2007. – № 12. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:
<http://www.film.ru/articles/seriynye-bessilniki> (дата обраще-
ния: 02.04.2007). – Загл. с экрана.
27. Российское кино. – Электрон. текстовые дан. – Режим досту-
па: <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/hud/y1996/> (дата обращения:
10.12.2005). – Загл. с экрана.
28. Трансформация социальной структуры и стратификация рос-
сийского общества. – М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. – 480 с.
29. Тулупов, В. Аудитория СМИ как элемент гражданского об-
щества / В. Тулупов. – Электрон текстовые дан. – Режим доступа:
<http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=626&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 01.10.2005). – Загл. с
экрана.
30. Хоффман, Д. Олигархи. Богатство и власть в новой России
/ Д. Хоффман. – М. : Изд-во Колибри, 2007. – 623 с.
31. Чебаевская, О. В. Проявления менталитета народа в грамма-
тике его языка / О. В. Чебаевская // Филологические науки. Вопросы

Секция 3

теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 4 (22) : в 2 ч. – Ч. II. – С. 199–206.

32. Энциклопедия Брокгауза Ф. А. и Ефрана И. А. (1890–1916 гг.). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: – http://bookz.ru/authors/brokgaуз-efron/brok_and_efr3/page-121-brok_and_efr6.html (дата обращения: 20.10.2004). – Загл. с экрана.

33. Lorenzer, A. Der Beitrag der Psychoanalyse zu einer materialistischen Sozialisationstheorie / A. Lorenzer // Kritischer Materialismus. Zur Diskussion eines Materialismus der Praxis / M. Lutz-Bachmann & G. Schmid-Noerr (eds.). – [О. С.], 1991. – S. 322–336.

34. Prihodko, S. Дневник / Stas Prihodko. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://busymen.mylivepage.ru/blog/index/next_175.0.2006_06_07_01_20_00?act=idx (дата обращения: 07.06.2006). – Загл. с экрана.

Секция 4

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

H. B. Завьялова

*Аспирант, ФГАОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»,
г. Екатеринбург, Россия*

Аннотация. Изменения в обществе, обусловленные информатизацией и глобализацией, привели к появлению социализации нового типа – киберсоциализации и одновременно к новым рискам и девиациям. Неэффективность в воспитании социальных институтов диктует признание системы образования главенствующим фактором социализации и включения в образовательный процесс дисциплин, направленных на развитие креативных, коммуникативных способностей и знаний информационной безопасности для успешной социализации.

Abstract. Changes in society, due to computerization and globalization have led to the emergence of a new type of socialization - kibersotsializatsii, and at the same time to new risks and deviant behavior. The inefficiency in the education of social institutions dictates recognition of the education system overriding factor in socialization and integration into the educational process disciplines aimed at developing creative and communication skills and knowledge of information security for successful socialization.

Ключевые слова: социализация, киберсоциализация, информационное общество, современные риски, девиации, молодежь, информационная безопасность, креативность.

Keywords: socialization, kibersotsializatsiya, information society, modern risks of deviation, youth, information security, creativity.

Модернизация современного российского общества, новые возможности информационного обеспечения, коммуникаций, научные достижения и инновации, кардинальные измене-

ние в социально-культурной, экономической и других сферах жизнедеятельности порождают новые социальные нормы и ценности, новые способы социализации молодежи.

Молодежь, с одной стороны, выступает динамичной, инновационной, активной социальной группой, призванной совершенствовать, модифицировать и изменять ценности и достижения старшего поколения, а с другой – молодые люди сами выступают объектом социализации, в ходе которой становятся полноценной социальной личностью.

Социализация личности представляет собой сложный процесс постоянного взаимодействия общества и индивида в целях передачи социального опыта, освоения индивидом норм, культурных ценностей, основ правовой культуры и морали, интеграции в социум с набором социальных качеств, необходимых для нормальной жизнедеятельности в данном обществе.

Глобальные изменения в России в конце XX – начале XXI в., смена общественных отношений, кризисные явления, характерные для переходного периода, привели к отрицанию или индифферентности существовавших в обществе социальных норм, к их свободной интерпретации и трактовке.

«Социальная норма выражает исторически сложившийся в конкретном обществе установленный предел, меру допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, социальных групп, организаций. Нормы имеют регулятивное значение для социальных процессов и отношений, выступая ориентиром поведения личности или социальной группы, средством контроля за их поведением... В кризисные времена нормы становятся подвижными и противоречивыми благодаря интерференции старых и новых правовых и моральных отношений. Поэтому кризисные нормы становятся доминирующими и вырабатывают в обществе безнравственные идеалы, приводя к нравственной деградации различных слоев населения, порождая массовые отклонения (насилие, агрессия, преступность, сексуальная распущенность, наркотизация, алкоголизация, экстремизм и др.)» [2, с. 12].

Характерные для кризисного периода «размытость», противоречивость норм социального поведения, норм морали, отсутствие идеалов для подражания, правовой нигилизм затруд-

няют социализацию, поэтому необходима их своевременная актуализация и модификация. В подростковом обществе нормы и ценности осваиваются, прежде всего, через общение, которое является для этого возрастного периода доминантным. Но если для предыдущих типов обществ характерным было общение «вживую», то в современном постиндустриальном социуме общение в основном происходит посредством связи (телефон, ACQ, скайп, социальные сети), что в реальной жизни приводит к коммуникативным трудностям (неумение вести диалог), неграмотной письменной и устной речи, «духовному» и эмоциональному обеднению. Недостаточная эффективность воспитательных функций социальных институтов (семья, учреждения культуры, досуговые организации) предопределяет главенствующую роль системы образования в социализации молодого поколения.

Социализация зачастую сопровождается кризисами, что объясняется категоричностью и максимализмом суждений молодежи, непринятием компромисса, низким уровнем толерантности, что приводит к несвоевременному усвоению или отрицанию предлагаемых норм и социальных ролей. Социализацию можно считать успешной, «если индивид осваивает необходимые социальные роли, усваивает одобряемые обществом ценности, социальные нормы, стереотипы поведения. Но это не значит, что она происходит как поступательное движение вверх. Это сложный, противоречивый, динамичный процесс, который, особенно в молодые годы, сопровождается кризисами. Одни кризисы удается преодолеть, другие нет. Человек не всегда может справиться с кризисом социализации, и дальнейшее развитие его личности может пойти не по восходящей» [5, с. 111]. Неудачная социализация порождает неудовлетворенность индивида своим социальным статусом, занимаемым положением в обществе, что ведет к дестабилизации в эмоциональной и духовной сферах и, в итоге, разного рода девиациям.

Для успешной социализации необходимы регламентированные нормы и свобода выбора, так как всякое принуждение воспринимается крайне негативно. Принудительная (неестественная) социализация, когда родители пытаются сделать из нормального ребенка вундеркинда (например, версия о детях-

индиго), также может породить социализацию неуспешную (не оправданные ожидания со стороны родителей по поводу гениальности своего чада, невозможность справиться с нагрузкой со стороны ребенка приводят к неврозам и другим отклонениям). Однако свобода в понимании вседозволенности также может привести к девиациям, а возможно, и деформации личности.

Современное постиндустриальное общество привносит новые риски и аномалии, затрудняющие успешность процесса социализации. В отличие от развитого индустриального общества, в котором главной задачей является производство товаров, характерная особенность информационного сообщества состоит в производстве и использовании информации на базе компьютерных технологий. Это общество, сосредоточенное на производстве и широком распространении (потреблении) нового знания; общество, в котором резко возрастает роль таких видов деятельности, как образование и самообразование, поскольку именно они обеспечивают превращение информации в знания [3, с. 107]. В таком обществе бремя ответственности за успешную социализацию, в первую очередь, лежит на образовательной системе. Информационные технологии становятся универсальным средством образовательной и самообразовательной деятельности, однако порождают новые риски и девиации: массовая играизация, виртуальное общение взамен реального, опасность вербовки преступными сообществами и группами в социальных сетях и др. Появляются новые тенденции, субкультуры, причем многие из них действуют на личность деструктивно, а следовательно, можно говорить о феномене квазисоциализации.

«В современном, динамично развивающемся мире возрастает роль молодежи как «проводника» информационных потоков, новых знаний и навыков, формирующих новые модели ее поведения, в том числе потребительского... Интернет способствует развитию дистанционного общения, интенсивной виртуальной коммуникации и интеллектуализации индивидуального досуга и в то же самое время подвергает молодых людей высокому риску манипуляции, создания потребительских клише и стереотипов» [2, с. 43–44].

Постоянное времяпрожигание молодежи в информационном пространстве способствует формированию зависимого поведения, поэтому средства массовой коммуникации в данном специфическом отношении можно считать одним из социальных наркотиков современного общества, что также можно отнести к «минусам» современного высокотехнологичного социума.

«На личностном уровне в молодежной среде в конце XX в. укрепились тенденции инфантилизма. В начале XXI в. социальным феноменом стали кидалты (*kidults – от англ. kid – ребенок, adult – взрослый*). Этим термином обозначают людей, уже вышедших по возрасту за пределы обыденных представлений о молодом человеке (старше 35 лет), которые «с детским восторгом воспринимают все новое, яркое, экстравагантное и бесполезное и готовы потратить на это любые деньги... Они живут в виртуальном мире компьютерных игр, смотрят мультфильмы вроде «Шрек» или «Футурама» и включаются в «серезную» жизнь (в том числе в работу) лишь в виде отдыха от основного занятия. В США, по данным 2007 г., насчитывалось 7 млн человек, считающими себя кидалтами. Этот феномен отмечается по всему миру, в том числе и в России» [6, с. 23].

Вместе с тем инновационные процессы, имеют значительные «плюсы» – используемые в образовании, инновации призваны предоставить учащимся достаточный уровень знаний и умений для успешного функционирования в социуме.

В современном обществе информационно-коммуникационная сфера, компьютерные технологии приводят к новому виду социализации индивида – киберсоциализации: «социализация личности в киберпространстве – процесс качественных изменений структуры самосознания личности, происходящий под влиянием и в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных и компьютерных технологий в контексте жизнедеятельности» [7, с. 253].

Сегодня Интернет является мощнейшим мегафактором социализации, а для некоторых категорий граждан (лица с ограниченными возможностями, работающие по вахтовому методу, и т. д.) – единственным средством связи с социумом (общение, образование, нахождение друзей по интересам, спутника жизни и т. п.).

Киберсоциализация – это новый вид социализации личности, который имеет свои плюсы и минусы. «Жизнедеятельность в киберпространстве особенно важна для тех людей, чья реальная жизнь, по тем или иным (внутренним или внешним, объективным или субъективным) причинам, межличностно обеднена. В этих случаях киберпространство фактически становится альтернативой непосредственного (реального) окружения, а человек квазисоциализируется. Так, для достаточно большого числа инвалидов подобная квазисоциализация может рассматриваться, к сожалению, как единственная альтернатива социализации в условиях реальной жизнедеятельности» [7, с. 255].

Интернет как средство социализации постоянно присутствует в жизни человека, является наиболее удобным способом удовлетворения постоянно растущих и разнообразных потребностей личности (образовательных, бытовых, коммуникативных и т. п.) и эффективным средством снятия стресса (просмотр фильмов, прослушивание музыки, общение, игры и т. п.). Однако одновременно с положительным эффектом воздействия на личность, Интернет является независимым инструментом распространения негативной или криминальной информации, что ведет к появлению разнообразных видов негативных девиаций (социокультурных, бытовых и т. д.). Наша обеспокоенность совпадает с мнением О.В. Фетисовой, считающей, что «в сети идет неконтролируемый процесс формирования новых целевых и мотивационно-смысловых структур, которые вряд ли однозначно могут быть отнесены к разряду общепринятых и обще значимых... Отсутствие общезначимых трансцендентальных ценностей, задающих универсальный горизонт личностного роста и развития, провоцирует появление негативных социокультурных девиаций, таких, как компьютерофобия, кибераддикция, хакерство и сужение круга интересов, некоммуникабельность и социальный аутизм, как следствие патологической поглощенности использованием и применением информационных технологий» [там же, с. 256].

Кроме того, информационное пространство может использоваться криминальными и экстремистскими организациями в преступных целях (вовлечение молодежи в незаконные формирования, неправовые акции и т. д.).

Иновационных риски, приводящие к появлению негативных девиаций, диктуют необходимость внедрения в образовательный процесс, как главенствующий фактор социализации, новых дисциплин, курсов, предметов, направленных на обучение безопасной работе в Интернете, этике общения в сети, основам здоровьесберегающих технологий при работе в виртуальном пространстве (например, «Информационная безопасность», «Безопасное Интернет-пространство» и др.). Кроме этого, современное общество невозможно представить без межкультурного взаимодействия, а следовательно, сегодня также необходимы дисциплины, направленные на формирование и развитие коммуникативных способностей, умение вести продуктивный диалог в многокультурном обществе (например, «Культурное разнообразие в современном мире», «Межкультурные коммуникации», «Конфликтология», «Управление конфликтами» и т. п.).

Стремительные изменения, происходящие в мире (новая техника, инновационные технологии и др.) предопределяют еще одно приоритетное направление в образовании – раскрытие творческих и креативных способностей молодого человека, способного оперативно ориентироваться в стремительно изменяющемся пространстве, быстро принимать эффективные решения в нестандартных и даже экстремальных ситуациях.

Современная система образования располагает необходимыми ресурсами (массовая компьютеризация, новые стандарты, высококвалифицированные специалисты и др.) для обеспечения успешного процесса социализации молодого поколения, что включает: формирование самостоятельности в принятии решений, ответственности за свои действия; развитие креативных и творческих способностей; формирование коммуникативных навыков; мотивация на ценности «духовной» сферы; ориентация на самоопределение (идентификация себя как гражданина, патриота, россиянина), так как только самоопределившийся человек, хорошо знающий свою культуру, свою историю сможет с уважением относиться к другим.

Таким образом, для успешной социализации в современном социуме необходимо: во-первых, признание главенствующей роли в социализации за системой образования; во-вторых, умелое применение в образовании инновационных возможно-

стей и технических достижений (интернет-технологии, интерактивные методы и пр.), одновременно уделяя внимание вопросам безопасности, коммуникативности, этики, морали и формирования других, необходимых современному молодому человеку качеств.

В современный период общество претерпевает значительные социально-культурные преобразования, связанные с массовой компьютеризацией и информатизацией, влекущие новый тип социализации – киберсоциализацию, основанную на использовании виртуального пространства и информационно-коммуникационных технологий. Применение Интернет-технологий становится основой инноваций в образовательном процессе, а киберсоциализация – средством приобщения человека к социуму, определения роли в социальном пространстве, обеспечивающим раскрытие его творческих способностей и креативности с помощью ресурсов образования, самообразования и Интернета как мегафактора социализации.

Список литературы

1. Власова, Ю. А. Социоигровая деятельность как средство развития креативных ресурсов студентов: проблемы применения / Ю. А. Власова // Среднее профессиональное образование. – 2013. – № 2. – С. 35–38.
2. Журавлева, Л. А. Феномен социальных отклонений в условиях современного российского общества : монография / Л. А. Журавлева. – Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2010. – 214 с.
3. Зборовский, Г. Е. Образование как ресурс информационного общества / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина // Социологические исследования. – 2005. – № 7. – С. 107–113.
4. Китов, В. А. Социализация молодежи и формирование толерантного мышления в современных условиях / В. А. Китов // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. – 2010. – № 2. – С. 216–225.
5. Ковалева, А. И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория / А. И. Ковалева // Социологические исследования. – 2003. – № 1. – С. 109–115.

6. Луков, В. А. Концептуализация молодежи в ХХI веке: новые идеи и подходы / В. А. Луков // Социологические исследования. – 2012. – № 2. – С. 21–30.

7. Фетисова, О. В. Виртуальная социализация в условиях киберпространства интернет-среды / О. В. Фетисова // Школа–ВУЗ: достижения и проблемы фундаментального образования : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, Екатеринбург, 4–5 дек. 2012 г. : в 2 ч. – Ч. 2. – Екатеринбург : УрФУ, 2012. – С. 252–256.

**ОСОБЕННОСТИ МАРГИНАЛИЗАЦИИ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСТВА**

И. Н. Богданова

*Кандидат философских наук, доцент кафедры социологии
ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

M. C. Иванова

*Кандидат социологических наук, преподаватель
кафедры социологии ФГАОУ ВПО
«Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация: В статье по результатам авторского социологического исследования выявлены особенности маргинализации современной студенческой молодежи. Данные особенности, с точки зрения авторов, находят свое проявление в противоречивом сочетании позитивной и негативной тенденций процесса маргинализации.

Abstract. The article is dedicated to the problem of university students' marginalization in contemporary Russian society. The article is based on the authors' social research held in the Southern Federal University. Authors reveal con-

Секция 4

troversial combination of positive and negative trends of marginalization among now day students of the university.

Ключевые слова: студенчество, маргинализация, негативная форма маргинализации, позитивная форма маргинализации.

Keywords: university students, marginalization, negative form of marginalization, positive form of marginalization.

Маргинализация – неоднозначное явление, ведущее как к позитивным сдвигам общества, адаптации населения к новым условиям, с одной стороны, так и вытеснению населения на «социальное дно» – с другой. Процессы маргинализации тесно связаны с трансформационными процессами и кризисными явлениями. Маргинализация может происходить как под воздействием внешних объективных причин, так и влиянием внутренних субъективных особенностей, таких, как степень адаптированности, самооценка своего социального положения и др., а также на групповом и индивидуальном уровнях.

Студенчество – наиболее социально активная группа молодежи, являющаяся основой для формирования среднего класса, опоры и гаранта стабильности любого общества. Формирование личности современного студенчества на этапе детства и юности происходило в постперестроечные годы на фоне массовой маргинализации, культурной и экономической трансформации общества. Следовательно, эта группа населения в высокой степени подвержена маргинализации. Важным показателем наличия маргинальности или ее отсутствия в данной социальной группе является субъективное восприятие себя студентом и соблюдение соответствующих «правил игры»: устава университета, требований к себе как к студенту вообще и своего вуза в частности, его корпоративной культуры.

Целью нашего исследования является выявление специфики маргинализации студентов, преобладание тех или иных форм ее проявления. Формами проявления такой маргинальности может стать как позитивная форма, так и негативная.

Позитивная форма – приводящая к переходу студента на новую ступень социальной структуры, более высокую и устойчивую позицию в обществе. Она может быть выражена в формировании нового уровня идентичности: осознания себя в каче-

стве именно специалиста, сотрудника какого-либо учреждения, а не студента, которое может возникнуть в результате совмещения учебы и работы непосредственно по специальности в свободное от учебы время, успешного прохождения производственных практик и т. д., при этом студент формально будет являться маргиналом, так как он будет совмещать две социальные роли.

Негативной формой проявления маргинальности студентов является простое отрицание осознания себя студентом, а следовательно, отсутствие понимания целей своего обучения, способов их достижения, моделей поведения, приемлемых для студента. Результатами такой формы маргинализации становятся, в лучшем случае, формальное «отсиживание» занятий, отсутствие мотивации к обучению, низкая академическая активность, а в худшем – отчисление из вуза.

Нами было проведено исследование маргинализации студентов с целью выделения ее особенностей и направленности. В ходе этого исследования были опрошены студенты факультета социологии и политологии Южного федерального университета. Среди опрошенных представлены студенты нескольких специальностей и направлений обучения и всех типов успеваемости, обучающиеся на бюджете и договорной основе, мужского и женского пола, проживающие в общежитии и не проживающие в общежитии, в долях, примерно равных соответствующим долям генеральной совокупности.

Опрашиваемым было задано 30 вопросов, ответы на которые должны были показать картину по 4 типам маргинальности: субъективная маргинальность, политическая маргинальность, культурная маргинальность, маргинальность социальной роли, а также особенности социального происхождения студентов. Основной акцент был сделан на выявлении субъективной маргинальности студентов, то есть их осознания себя в качестве студента вуза, принятие и понимание правил этой «игры», стремление работать по выбранной специальности, восприятие себя в качестве будущего специалиста, удовлетворенность студенческим коллективом, а также включенность в студенческую среду. Остальные типы маргинальности рассматривались как возможные причины такой маргинальности.

В целом, студенты показали достаточно высокую степень вовлеченности в студенческую жизнь, за исключением такого параметра, как «Участие в научной жизни»: на вопрос «Я активно участвую в научной деятельности (например, участвую в конференциях, проектах, публикую статьи и др.)» всего 23,0 % от всех опрошенных дали положительный ответ. Также было выявлено некоторое противоречие в ответах респондентов на вопросы анкеты. Например, 69,0 % опрошенных утверждают, что будут хорошими специалистами, когда окончат свое обучение, однако более 50,0 % опрошенных не выражают стремления связать свою жизнь с полученной специальностью: сомневаются – 27,4 %, не собираются вовсе – 23,3 % .

При опросе студенты продемонстрировали достаточно высокую степень аполитичности, так как свое членство в какой-либо политической партии признало только 4 студента, по одному с каждого курса. Кроме 4,0 %, все они получают стипендию. Только один из них демонстрирует маргинальность по другим критериям – низкая степень удовлетворенности учебой, своими однокурсниками, отсутствие восприятия себя как специалиста и отсутствие желания связать свою жизнь с выбранной специальностью. Остальные демонстрируют средние данные по этим показателям.

Культурная маргинальность студентов измерялась такими показателями, как «Вероисповедание», «Национальность», «Миграции», как из сельской местности, так и других различных населенных пунктов, как на время учебы, так и постоянное место жительства. Среди опрошенных было только 2,0 % исповедующих буддизм, мигрировавших из Калмыкии и Монголии на время учебы, а также 1,0 % ответивших сообщил, что исповедует ислам. Остальные опрошенные выбрали либо православие, либо атеизм. Достаточно интересным явлением представляется нам то, что, при достаточно многонациональном составе студенческих групп, судя по фамилиям обучающихся, практически все опрошенные указали в качестве своей национальности: «Русский(ая)».

Коренных ростовчан среди опрошенных оказалось 27,0 %, переехавших из других населенных пунктов – 45,0 %. Интересно то, что степень маргинальности ростовчан с точки зрения

осознания себя студентами выше, чем у приезжих, ростовчане гораздо чаще выбирали ответ «3» по шкале, где «1» – соответствовало «Полностью согласен», а «5» – «Абсолютно не согласен». Также ростовчане демонстрируют гораздо более индифферентные позиции, чем приезжие, в отношении всех показателей. Если $\frac{2}{3}$ всех опрошенных по большинству вопросов дают ответы «1» или «2», то примерно 44,0 % ростовчан дают ответ «3». Также ниже и успеваемость ростовчан – ответ «Есть тройки» выбрали 52,0 % ростовчан и 30,0 % всех опрошенных.

Респондентам было предложено оценить различные аспекты своей студенческой жизни по пятибалльной шкале, где ответ «1» означал «Полностью согласен», а «5» – «Абсолютно не согласен». Однако на следующем этапе анализа полученных данных ответы «Полностью согласен» и «Согласен» были нами объединены в группу «Положительные ответы». При сопоставлении положительных ответов, данных жителями Ростова и приезжими студентами, наибольший разрыв – в 36,0 % – был выявлен в вопросе «Я учусь на “хорошо” и “отлично”». Коренные ростовчане дали положительный ответ на этот вопрос в 48,0 % случаев, в то время как приезжие – в 84,0 %. Число иногородских студентов, выбравших положительный ответ на вопрос «Я никогда не пропускаю занятий», также выше на 31,0 %. Разница более чем в 30,00 % присутствует в ответах на вопрос «Я очень дисциплинирован(на)»: ростовчане – 56,00 %, приезжие – 86,44 %. Кроме того, приезжие на 19,54 % больше, чем ростовчане, уверены в том, что когда окончат свое обучение, будут хорошими специалистами. Иногородние студенты более чем на 12,0 % удовлетворены своими однокурсниками и выбранной специальностью, почти на 8,0 % выше среди них число тех, кто согласился с утверждением «Все мои близкие друзья – студенты»; на 6 % больше согласившихся с утверждением «Большинство людей, с которыми яобщаюсь, – студенты». Приезжие опережают ростовчан приблизительно на 3,0 % в участии в научной деятельности и удовлетворенности вузом, в котором они обучаются.

Ростовчане опережают иногородних студентов только по двум ответам на вопросы: «Мне очень нравится учиться. Я полностью удовлетворен учебой» – на 7,2 % и «Я отличный сту-

дент, я успешно справляюсь с учебной деятельностью» – на 11,6 %. При соотнесении с остальными ответами, можно предположить, что это означает меньшую критичность к себе (в большей степени) и к обучению в целом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что студенты, переехавшие в Ростов, как для обучения, так и на постоянное место жительства, гораздо больше коренных ростовчан мотивированы к учебе, в большей степени сознают себя в качестве студентов и понимают цели своего обучения, в то время как ростовчане более инертны, то есть в большей степени демонстрируют негативную модель маргинализации, о которой мы говорили ранее.

Интересно, что 72,0 % опрошенных считают себя дисциплинированными, а 70,0 % считают, что по окончании вуза будут хорошими специалистами, но 50,0 % опрошенных и 56,0 % ростовчан либо не собираются вовсе (23,0 % и 32,0 % соответственно), или сомневаются (27,0 % и 24,0 %) работать по получаемой специальности, и только 24,0 % опрошенных выбрали ответы «Полностью согласен» и «Согласен» на вопрос «Я активноучаствую в научной деятельности (например, участвую в конференциях, проектах, публикую статьи и др.)».

Также студентам был задан вопрос о причинах поступления в вуз, вариантами ответа на который были следующие: «Хочу стать профессионалом, получить набор умений, знаний и навыков, хочу реализовать свои способности», «Не хотел(а) идти работать сразу после школы», «Это необходимо, чтобы сделать карьеру», «Хочу получить диплом», «Так хотели мои родители».

Можно было выбирать несколько ответов. Интересно, что, при достаточно высоком проценте выбравших карьерную и профессиональную мотивации, то есть варианты ответа «Это необходимо, чтобы сделать карьеру» – 68,0 % и «Хочу стать профессионалом, получить набор умений, знаний и навыков» – 64,0 %, первое место все же занимает ответ «Хочу получить диплом» – 71,0 %, то есть чисто формальная мотивация поступления в вуз.

Выделение гендерной специфики, то есть различий между ответами респондентов мужского и женского пола, позволяет зафиксировать, что девушки более высоко, чем юноши, оцени-

вают аспекты, связанные со своей дисциплинированностью, посещаемостью и успеваемостью, в то время как юноши выше оценивают свою среду обитания – однокурсников, вуз, а также больше вовлечены в студенческую среду. Однако выявленное для всех опрошенных вообще противоречие, касающееся высокой оценки себя в качестве специалистов, но отсутствие желания связывать свою жизнь с полученной специальностью, среди представителей студентов мужского пола оказалось значительнее, чем у девушек: 73,3 % юношей видят себя хорошими специалистами по окончании обучения, однако только 46,66667 % имеют намерение работать по специальности (у девушек – соответственно 70,1 % и 50,8 %). Можно предположить, что это является следствием неуверенности в возможности найти высокооплачиваемую работу по своей специальности.

Сравнивая результаты опроса по курсам, можно отметить, что наиболее оптимистичными являются ответы студентов 1-го курса. Практически все студенты 1-го курса «Полностью согласны» с тем, что по окончании вуза будут хорошими специалистами, только одни из них выбрал ответ «Полностью не согласен».

Наименьшее количество положительных ответов на 1-м курсе по показателю «Участие в научной жизни» – только 12,5 % опрошенных на 1-м курсе согласны с данным утверждением. Достаточно высоко «Полное согласие» первокурсников с утверждениями: «Меня полностью устраивает вуз, в котором я учусь», «Я никогда не пропускаю занятий», «Я очень дисциплинирован(на)» – количество опрошенных, выбравших этот вариант ответа на перечисленные вопросы, составляет 62,5 % от опрошенных первокурсников. Однако первокурсники еще не полностью вовлечены в студенческую среду, о чем свидетельствует относительно низкое количество абсолютно согласных с утверждениями «Все мои близкие друзья – студенты» и «Большинство людей, с которыми я общаюсь, – студенты» – 25,0 % и 18,8 % соответственно. Однако это связано, скорее, с невысокой длительностью пребывания в статусе студента, чем с неприятием студенческой среды, отсутствием представления о себе как о студенте, так как 43,7 % «Полностью согласны» и 37,5 % опрошенных первокурсников «Согласны» с утверждением «Мои однокурсники меня полностью устраивают, с ними приятно учить-

ся вместе». То есть суммарно количество согласных с этим утверждением составляет 81,2 % опрошенных первокурсников.

Также наиболее высокой степенью одобрения у первокурсников пользуются утверждения: «Когда я окончу свое обучение, я буду хорошим специалистом» – 93,75 %, «Меня полностью устраивает вуз, в котором я учусь» – 93,75 %, «Я очень дисциплинирован(на)» – 87,50 %, «Я отличный студент, я успешноправляюсь с учебной деятельностью» – 87,5 %.

Таким образом, можно сказать, что первокурсники смотрят на свое будущее как специалистов с большим оптимизмом, считают себя прекрасными студентами, стремятся к професионализму и самореализации, однако еще не попробовали себя в научной деятельности и не до конца влились в студенческую среду.

Второкурсники практически ни по одному из вопросов не выбирали ответ «Абсолютно не согласен». «Полностью согласных» больше всего с утверждением «Меня полностью устраивает вуз, в котором я учусь» – 62,5 %. Наименьшее число «Полностью согласных» среди второкурсников с утверждением «Мне очень нравится учиться. Я полностью удовлетворен учебой» – всего 12,5 %.

Суммарно среди второкурсников первое место по числу согласных занимает утверждение «Меня полностью устраивает вуз, в котором я учусь» – 93,75 %. Второе место разделили утверждения «Я доволен выбранной специальностью и собираюсь связать с ней свою жизнь» и «Я учусь на “хорошо” и “отлично”» – по 75,00 % согласных с каждым. Третье место, также с равным числом согласных, разделили следующие утверждения: «Я очень дисциплинирован(на)» и «Когда я окончу свое обучение, я буду хорошим специалистом» – по 68,75 %.

Интересно, что все остальные утверждения не менее популярны, чем вышеперечисленные, и достаточно гомогенны по числу согласных с ними второкурсников – между 62,0 % и 56,0 % согласных. Основываясь на этом, можно отметить, что студенты 2-го курса достаточно гармонично влились в социальную группу «Студенчество», удовлетворены своей специальностью, вузом, в котором обучаются, и собой в качестве будущих специалистов. В средней степени удовлетворены студенческой

Секция 4

средой, а также в средней степени принимают участие в научной жизни университета.

Таким образом, второкурсники довольны вузом, в котором учатся, выбранной специальностью, собой как студентами, дружат и общаются с другими студентами. Ориентируются в равной степени как на профессионализм и успех, так и формальную сторону вопроса.

Среди опрошенных третьекурсников только 6,66 % оказались «Полностью согласны» с утверждением «Мне очень нравится учиться. Я полностью удовлетворен учебой». Ни один из опрошенных третьекурсников не был «Полностью согласен» с тем, что он «Активно участвует в научной деятельности». Наибольшее количество положительных ответов среди третьекурсников получило утверждение: «Я очень дисциплинирован(на)» – согласны с ним оказались 80,00 % опрошенных третьекурсников. Второе место заняли следующие утверждения: «Когда я окончу свое обучение, я буду хорошим специалистом» и «Я никогда не пропускаю занятий» – оба получили 73,33 % положительных ответов. На третьем месте оказались оценка однокурсников и своей успеваемости: «Мои однокурсники меня полностью устраивают. С ними приятно учиться вместе» и «Я учусь на “хорошо” и “отлично”» набрали по 60,00 % согласных с данными утверждениями. Достаточно печальную картину представляет собой степень согласия третьекурсников с оценкой своего участия в научной жизни университета: с утверждением «Я активно участвую в научной деятельности (например, участвуя в конференциях, проектах, публикуя статьи и др.)» согласилось всего 6,66 % опрошенных третьекурсников. Достаточно серьезное падение, по сравнению с 75,00 % как у первокурсников, так и второкурсников, произошло с удовлетворенностью выбранной профессией: только 26,66 % опрошенных третьекурсников согласились с утверждением «Я доволен выбранной специальностью и собираюсь связать с ней свою жизнь».

Таким образом, можно отметить, что третьекурсники – наиболее парадоксальная категория опрошенных студентов. Среди них наиболее высока ориентация на профессионализм при получении высшего образования, высока оценка себя как будущего специалиста, однако только 26,0 % собираются свя-

зать свою жизнь с получаемой специальностью. Также можно сказать, что среди третьекурсников прослеживается достаточно формальный подход к обучению. Третьюкурсники отмечают свою дисциплинированность, отсутствие пропусков занятий, однако не слишком удовлетворены учебой и практически не принимают участие в научной деятельности. Что касается социальной вовлеченности в студенческую среду, то можно сказать, что у третьекурсников она выше среднего: удовлетворенность своими однокурсниками – 60,0 %, по 53,3 % опрошенных третьекурсников общаются в основном со студентами и друзей выбирают из студенческой среды. Вероятно, падение удовлетворенности различными сторонами студенческой жизни, а значит, усиление маргинализации студентов на данном этапе обучения связано с так называемым «кризисом третьего курса» [2].

Старшекурсники в наибольшей степени из всех утверждений согласны с положительной оценкой своих однокурсников: утверждение «Мои однокурсники меня полностью устраивают. С ними приятно учиться вместе» нашло 70,83 % опрошенных, одобряющих эту позицию. На втором месте утверждения относительно вуза и дисциплинированности студентов: «Меня полностью устраивает вуз, в котором я учусь», «Я учусь на “хорошо” и “отлично”» и «Я очень дисциплинирован(на)» набрали по 66,66 % согласных старшекурсников. На третьем месте среди старшекурсников уверенность в своей достаточной профессиональной пригодности: утверждение «Когда я окончу свое обучение, я буду хорошим специалистом» нашло среди опрошенных старшекурсников 58,33 % согласных.

Наименьший рейтинг среди старшекурсников получили утверждения: «Все мои близкие друзья – студенты» – 20,83 % и «Я активноучаствую в научной деятельности (например,участвую в конференциях, проектах, публикую статьи и др.)» – 25,00 %. Первое можно отнести к тому, что студенты на старших курсах уже начинают выходить из студенческой среды и находить социальные связи за пределами студенческой коммуны. Это подтверждается также и достаточно наибольшим количеством старшекурсников, согласившихся с утверждением «Большинство людей, с которыми я общаюсь, – студенты» – 33,33 %. А низкие показатели научной активности, в сравнении

Секция 4

с остальными курсами, оказываются достаточно средними – выше только на втором курсе. На остальных курсах еще ниже.

Утверждение «Мне очень нравится учиться. Я полностью удовлетворен учебой» получило согласие половины опрошенных старшекурсников. Отличными студентами, успешно справляющимися с учебной деятельностью, считают себя 54,16 % опрошенных старшекурсников, довольны выбранной специальностью и собираются связать с ней свою жизнь – 33,33 % опрошенных старшекурсников. Это достаточно печально и указывает на высокую степень той негативной маргинализации студентов, о которой говорилось в начале статьи. «Я никогда не пропускаю занятий» – утверждают 45,83 % старшекурсников.

Таким образом, о старшекурсниках можно сказать, что они достаточно высоко оценивают свое студенческое окружение, однако уже выстраивают социальные связи за пределами студенческой среды, также они достаточно положительно относятся к вузу, в котором учатся, и высоко оценивают себя как студентов, однако не испытывают особого оптимизма по поводу выбранной специальности и не планируют связывать с ней дальнейшую судьбу. Основной причиной обучения в вузе старшекурсники считают реализацию своих способностей, хотя 75,00 % из них видят важным и просто получение диплома. Относительно участия в научной жизни можно сказать, что этим не особо утружают себя и старшекурсники.

Подводя итог вышесказанному, можно заявить о том, что, несмотря на достаточно высокую оценку студентами различных аспектов своей студенческой жизни, отмечается ряд противоречий. Например, при условии высокой оценки своей успеваемости и успешности в качестве студента, отсутствует интерес к научной жизни или отчетливо прослеживается нежелание связывать свою жизнь с полученной специальностью. Студенты хотя и удовлетворены в достаточной степени своей принадлежностью к социальной группе «Студенчество», все же не до конца осознают и принимают цели своего пребывания в ней, а также не всегда видят способ применения полученных в процессе обучения компетенций, знаний, умений, навыков на практике, применительно к будущей профессии.

Исследование показало, что в такой группе, как «Студенчество», элементы маргинализации проявляют преимущественно свой позитивный потенциал, так как студенты, особенно ино-городние, то есть пережившие опыт выхода за рамки собственного мира, оторвавшиеся от прежнего социального окружения, преодолевшие мышление по привычке, значительно успешнее в качестве студентов, более мотивированы к обучению и в большей степени отдают себе отчет в том, как и зачем они будут строить свою дальнейшую профессиональную деятельность. Однако и негативные элементы маргинальности нашли свое проявление в объекте исследования: так, достаточно высок процент студентов, не собирающихся связывать свою жизнь с получаемой специальностью, обнаруживается достаточно формальный подход к обучению в вузе.

Список литературы

1. Гусев, А. Маргинализация и космополитизм: взгляды современных теоретиков на социальные последствия интенсификации пространственных перемещений / А. Гусев // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8, № 2. – С. 72–79.
2. Клепинин, Д. А. Проблемы оптимизации процесса профессионального образования студентов-психологов / Д. А. Клепинин // Актуальные проблемы психологического знания : сб. науч. тр. – Вып. 1. – М. : МПСИ, 2005. – С. 105–109.

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПЕРСОНАЛА ТРУДОМ
(НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

В. А. Ивашова

*Кандидат социологических наук, доцент, начальник отдела
социологических исследований и маркетинга
Ставропольского государственного аграрного университета,
г. Ставрополь, Россия*

Т. В. Федькова

*Магистрант, менеджер отдела социологических исследований
и маркетинга Ставропольского государственного
аграрного университета, г. Ставрополь, Россия*

Г. В. Дуб

*Менеджер Центра управления качеством образования
Ставропольского государственного аграрного университета,
г. Ставрополь, Россия*

Аннотация. В статье представлен опыт изучения удовлетворенности персонала трудом, который накоплен в Ставропольском государственном аграрном университете за годы внедрения стандартов менеджмента качества ISO 9000. Апробация результатов прошла в рамках участия Ставропольского государственного аграрного университета в конкурсах на Премию Правительства РФ, EFQM «Европейское совершенство».

Abstract. The article highlights the experience of researching the people's satisfaction with work, which has been accumulated in the Stavropol state agrarian university during the years of introduction of the quality management standards ISO 9000. The results approbation was held in the framework of the participation of the Stavropol state agrarian university in the contests of the Government of the Russian Federation, EFQM «Business Excellence».

Секция 4

Ключевые слова: удовлетворенность персонала трудом, организация мониторинга, объективные характеристики труда и их субъективное восприятие.

Key words: people's satisfaction with work, monitoring organization, objective characteristics of labor and their subjective perception.

Вопросы изучения удовлетворенности персонала своей трудовой деятельностью привлекали внимание исследователей уже в начале XX века. За прошедшее время накоплены знания по различным аспектам этой сферы. Тем не менее проблема оценки удовлетворенности остается актуальной и в настоящее время, так как постоянно меняется макроэкономическая ситуация, возрастают интеллектуальный потенциал процесса труда, увеличивается доля овеществленного труда, связанного со средствами труда, социальная составляющая трудовых отношений.

Поэтому возникает ряд исследовательских вопросов, которые требуют теоретического осмыслиения и практического решения.

В силу высокой актуальности в обществах с развитой рыночной экономикой, первенство в изучении проблемы удовлетворенности трудом и факторов, определяющих ее уровень, принадлежит западным ученым. Они заложили основы ее дальнейшего исследования. Большой вклад в изучение удовлетворенности трудом, отношения к труду, мотивации труда внесли такие ученые, как Ф. Тейлор, А. Файоль, Э. Мейо, Г. Форд, А. Маслоу, Д. Мак-Грегор, К. Альдерфер, Д. Мак-Клелланд, Ф. Херцберг, Л. Портер, Э. Лоутер, В. Врум, Р. Хьюзман, Дж. Хатфилд, У.Э. Деминг, Б.Ф. Скиннер и др. (см.: [2, с. 12–46]). Эти ученые создавали различные теории и модели мотивации и удовлетворенности трудом, вырабатывали практические рекомендации по применению своих теорий.

Пока четко не установлены значение и пути использования показателей удовлетворенности трудом в практике управления предприятиями. Необходимо отметить, что большинство отечественных специалистов рассматривают удовлетворенность трудом как психологическую или социально-психологическую категорию. Большинство исследований, посвященных проблеме отношения к труду, удовлетворенности трудом, текучести кадров, у нас в стране выполнены по философским наукам и рассматривают удовлетворенность трудом как философскую кате-

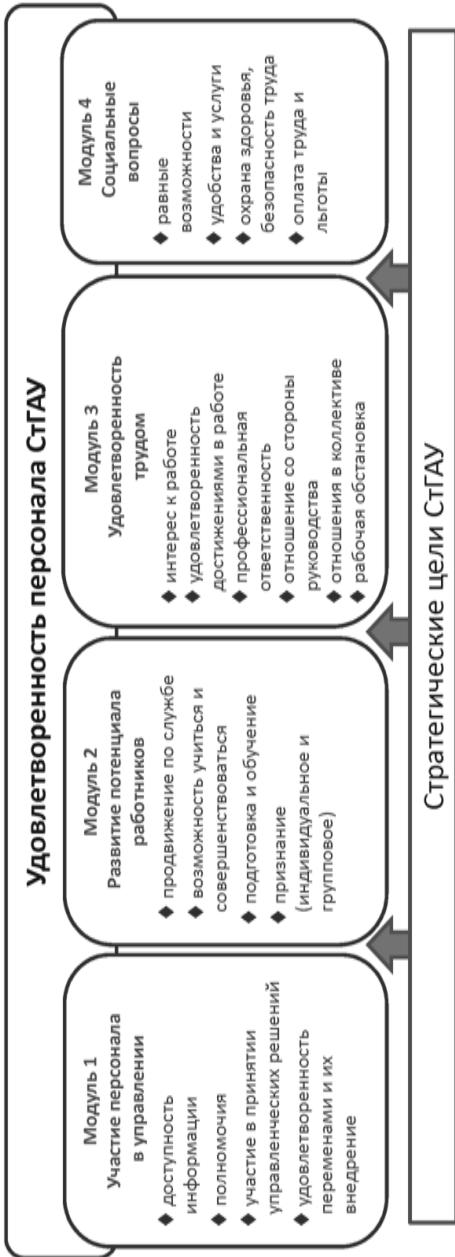
горию (А.Э. Левин, А.К. Мещеркин, К.Р. Хаава, Г.П. Бессокирная). В последние годы стали появляться работы, посвященные исследованию регионального управления (менеджмента).

Таким образом, мы можем сделать вывод о недостаточной разработанности проблемы удовлетворенности трудом в российской современной науке. Однако в настоящее время важным вопросом для многих организаций является проблема взаимосвязи удовлетворенности трудом и эффективности деятельности сотрудников, что актуализирует тематику исследования.

В 2003 г. отделом социологических исследований и маркетинга Ставропольского государственного аграрного университета (СтГАУ) разработана модель оценки удовлетворенности его персонала трудом, которая включает в себя модули, характеризующие восприятие персоналом своей организации [1] (см. рисунок). Каждый год модель модифицируется в связи с изменениями стратегических целей Ставропольского государственного аграрного университета СтГАУ и потребностей его сотрудников. База данных ежегодных опросов персонала накапливается с 2003 года. Обработка и хранение данных осуществляется в специализированной программе SPSS.

Анкетирование ежегодно проводится во всех структурных подразделениях СтГАУ. Основные цели изучения удовлетворенности персонала СтГАУ: оценка удовлетворенности работой; снижение текучести кадров; выяснение мотивационных предпочтений людей; выявление основных проблем и причин недовольства сотрудников и др. Достижение этих целей приводит к созданию оптимальных условий для максимально эффективной работы каждого сотрудника в Университете. Эта оценка позволяет руководителям структурных подразделений и кадровой службе обоснованно вести переговоры с руководством Университета о необходимости изменений в организации труда работников, кадровых перестановках, оптимизации рабочих мест и режима труда и др. [5].

В 2003–2005 гг. оценка удовлетворенности персонала осуществлялась по следующим параметрам: взаимоотношения с коллегами, начальством, деятельность, развитие, оценка достижений, условия работы, организация и руководство, оплата труда, режим, защищенность рабочего места, ясность задач, социальный пакет.

Модель изучения удовлетворенности персонала Ставропольского государственного аграрного университета

В 2007 г. в связи с новой стратегией развития СтГАУ был пересмотрен подход к изучению удовлетворенности персонала. За основу изучения удовлетворенности персонала была взята анкета по изучению организационных условий, удовлетворенности трудом и профессиональным развитием, составленная профессором университета г. Мюнхена доктором А. Майером (A. Maier) [4].

Сегодня изучение удовлетворенности персонала в Университете осуществляется по 60 индикаторам. С помощью данного инструментария измеряется социально-психологический климат в коллективе и элементы организационной культуры, изучаются как объективные характеристики труда, так и их субъективное восприятие. Построение и содержание анкеты соответствует российскому и европейскому социально-психологическому пониманию удовлетворенности трудом и взаимоотношениями персонала по вертикали и горизонтали. Анкета модифицирована под стратегические цели СтГАУ и сделана максимально адекватной тем задачам, которые стоят перед кадровой службой и руководством вуза, и обеспечивает стратегию развития Университета с точки зрения кадрового обеспечения деятельности.

На основании результатов опроса выстраивается иерархия мотивов деятельности сотрудников и обозначаются приоритеты профессионального развития.

Всем руководителям подразделений Университета передаются ежегодные результаты исследований, которые на местах обсуждаются коллективно. После этого проводится сбор и анализ предложений по совершенствованию деятельности в области удовлетворенности персонала. После серии корректирующих мероприятий повторный опрос показывает качественное изменение ситуации.

Так, по результатам исследований 2012 г. и обсуждения с руководителями структурных подразделений, руководство СтГАУ утвердило ряд мер по повышению удовлетворенности персонала трудом:

1. Пересмотрены положения «Об установлении поощрительных выплат (премий)», «О порядке установления стимули-

Секция 4

рующих выплат (надбавок)» и др., касающихся материального стимулирования труда.

2. Усовершенствована политика, позволяющая адекватно и своевременно обеспечивать людей оборудованием, необходимым для деятельности.

3. Увеличен социальный пакет, причем в него были добавлены именно те опции, которые сотрудники оценили как наиболее им необходимые.

4. Расширены возможности проведения внутрикорпоративного обучения.

5. Пересмотрена модель профессионального и карьерного роста работников.

Примером мониторинга удовлетворенности персонала участием в управлении организацией (см. рисунок, Модуль 1) может служить динамика показателя – «Удовлетворенность доступностью информации о деятельности вуза». Данные представлены в следующей таблице.

Таблица 1

Уровень удовлетворенности доступностью информации о деятельности вуза за 2008–2013 гг., %

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
СтГАУ	96,5	96,7	97,9	98,0	99,0	
Цель СтГАУ	96,5	96,5	97,0	98,0	98,5	99,0

Столь значительные результаты восприятия вуза сотрудниками были достигнуты за счет высокой степени вовлеченности сотрудников в решение проблем факультета, вуза, системы мероприятий, суть которых в обсуждении проблем вуза и поиске общего решения, регулярного отслеживания удовлетворенности степенью коллегиальности в принятии решений путем ежегодного анкетирования.

В таблице 2 представлены результаты анкетирования сотрудников, которые характеризуют оценку персоналом условий для внедрения перемен.

Секция 4

Таблица 2

Степень создания руководством условий для внедрения перемен за 2008–2013 гг., баллов по 10-балльной шкале

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
СтГАУ	8,9	9,4	9,8	9,9	10,0	
Цель СтГАУ	8,6	9,0	9,5	9,6	9,8	10,0

Для поддержания высокого уровня удовлетворенности персонала участием в управлении организацией (см. рисунок, Модуль 1) предложено реализовать ряд подходов: расширение круга проблем, в решении которых активное участие принимает профессорско-преподавательский состав и другие сотрудники вуза; обсуждение результатов деятельности на всех уровнях управления персоналом; обучение методам психологического взаимодействия в профессиональной группе (команде); постоянная практика групповой проектной деятельности.

Важную роль в оценке восприятия организации персоналом играют показатели удовлетворенности возможностями, которые организация предоставляет для реализации и раскрытия потенциала работников (см. рисунок, Модуль 2).

В следующей таблице представлены результаты опроса персонала СтГАУ, которые характеризуют оценку возможностей продвигаться вверх по служебной лестнице.

Таблица 3

Возможность персонала продвигаться вверх по служебной лестнице за 2008–2013 гг., %

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
СтГАУ	92,0	95,8	98,1	98,5	99,0	
Цель СтГАУ	92,0	93,0	96,0	98,5	98,7	99,0

Данные в целом по вузу сегментированы по структурным подразделениям, полу, возрасту, должности, стажу работы в СтГАУ, что, в свою очередь, дает возможность своевременно и целенаправленно корректировать систему повышения квалифи-

Секция 4

кации, программы наставничества и формирования кадрового резерва. Данные оценки удовлетворенности условиями роста профессиональных компетенций представлены в нижеследующей таблице.

Таблица 4

Удовлетворенность условиями для роста профессиональных компетенций за 2008–2013 гг., %

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
СтГАУ	93,7	94,2	95,1	96,0	97,0	
Цель СтГАУ	93,5	94,0	94,5	96,0	96,5	97,0

Высокий уровень удовлетворенности персонала СтГАУ в части развития профессионального потенциала достигнут за счет разработки практико-ориентированных программ повышения квалификации, профессиональной переподготовки, проведения практических семинаров по новым направлениям деятельности. Анализ результатов анкетного опроса, поощрения в ответ на достигнутый уровень профессиональных результатов мотивируют работников интенсифицировать свой труд. В целом забота о развитии потенциала сотрудников обеспечивает стабильность положения организации, привлекательную систему льгот для сотрудников, положительный имидж сотрудника организации.

В третьем модуле оценки удовлетворенности персонала условиями работы организации представлены показатели, характеризующие удовлетворенность трудом (см. рисунок, Модуль 3).

Для оценки удовлетворенности взаимоотношениями в трудовом коллективе была использована пятибалльная шкала, что позволило определить средние значения как в целом по вузу, так и отдельным подразделениям. Данные представлены в нижеследующей таблице.

Секция 4

Таблица 5

Удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками вуза за 2008–2013 гг., баллов по пятибалльной шкале

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
СтГАУ	4,1	4,3	4,6	4,7	4,8	
Цель СтГАУ	4,1	4,2	4,3	4,7	4,8	4,9

Ключевыми подходами, обеспечивающими высокий уровень удовлетворенности взаимоотношениями в коллективе, являются: регулярно пересматриваемые положения коллективного договора; эффективная деятельность профсоюзного комитета вуза и факультетов; профессиональное тестирование сотрудников; развитие и поддержание организационной культуры, соответствующей миссии, стратегии и политике вуза.

Таблица 6

Удовлетворенность взаимоотношениями с руководством за 2008–2013 гг., баллов по пятибалльной шкале

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
СтГАУ	4,3	4,5	4,8	4,9	5,0	
Цель СтГАУ	4,2	4,3	4,5	4,9	4,9	5,0

Регулярно проводимые мероприятия: тестирование сотрудников с обсуждением результатов с руководителями структурных подразделений, участие в разработке положений трудового договора, широкое обсуждение вопросов материального стимулирования с персоналом, исследования мотивации труда – поддерживают оценки удовлетворенности взаимоотношениями с руководством на высоком уровне.

В четвертом модуле «Социальные вопросы» (см. рисунок, Модуль 4) критериями оценки удовлетворенности персонала трудом являются: «Обеспечение равных возможностей, удобства и услуги для персонала организации»; «Охрана здоровья и безопасность труда»; «Оплата труда и льготы». Критерий «Охрана здоровья и безопасность труда» представлен, в частности,

Секция 4

таким индикатором, как «Степень удовлетворенности персонала рабочими помещениями и оборудованием».

Таблица 7

Степень удовлетворенности рабочими помещениями и оборудованием за 2008–2013 гг., %

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
СтГАУ	94,5	94,6	96,2	97,5	98,0	
Цель СтГАУ	93,5	94,5	95,0	97,0	98,0	98,5

Высокая удовлетворенность рабочими помещениями и оборудованием сложилась в силу того, что в рамках участия в Национальном проекте «Образование» вуз получил бюджетное финансирование на развитие инновационной деятельности, что обеспечило возможность существенной модернизации материальной базы.

В нижеследующей таблице дана оценка удовлетворенности персонала материальным вознаграждением за труд.

Таблица 8

Удовлетворенность материальным вознаграждением за труд за 2008–2013 гг., баллов по пятибалльной шкале

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
СтГАУ	4,2	4,4	4,7	4,8	4,9	
Цель СтГАУ	4,1	4,2	4,4	4,8	4,9	5,0

Поддерживать высокие результаты позволяют ежегодные анкетные опросы, кейс-стади, которые обеспечивают обратную связь и информирование руководства о мнениях, оценках и суждениях персонала. В дальнейшем на основе анализа поступившей информации происходит пересмотр внутренней политики, определение новых стратегических целей и задач, реструктуризация образовательной, научно-исследовательской и производственной составляющей в деятельности вуза.

Секция 4

Кроме перечисленных для оценки ключевых и вспомогательных процессов в СтГАУ, используются другие показатели: «Оценка степени коллегиальности в принятии решений на разных уровнях управления»; «Оценка основных видов досуговой деятельности»; «Оценка социально-психологических качеств руководителя»; «Оценка санитарно-гигиенических состояний помещений»; «Оценка уровня профессиональной ответственности».

Представленный опыт Ставропольского государственного аграрного университета за годы внедрения стандартов менеджмента качества ISO 9000, апробация результатов в рамках участия в конкурсах на Премию Правительства РФ, EFQM «Европейское совершенство» [3] и достигнутые результаты позволяют сделать вывод о перспективности использования модели оценки удовлетворенности персонала работой в организации.

Список литературы

1. Исследование ISO / Междунар. организация по стандартизации ISO. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.iso.org/iso/home.html>. – Загл. с экрана.
2. Кравченко, А. И. Социология управления: фундаментальный курс : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. и доп. / А. И. Кравченко, И. О. Тюрина. – М. : Акад. Проект, 2005. – 1136 с.
3. Модель EFQM «Европейское совершенство» / EFQM. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://quality.eur.ru/MATERIALY10/efqm.htm>. – Загл. с экрана.
4. Подгородниченко, Н. В. Исследование удовлетворенности сотрудников / Н. В. Подгородниченко // Кадровик.ру. – 2009. – № 2. – С. 50–59.
5. Трухачев, В. И. Модель изучения удовлетворенности потребителей образовательных услуг / В. И. Трухачев // Качество образования. – 2012. – № 5. – С. 12–15.

Секция 5
ПОЛИТИКОЛОГИЯ
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА
КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

B. N. Кулябцева

*Кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры политологии и истории
Северо-Кавказской государственной гуманитарно-
технологической академии, г. Черкесск, Россия*

A. M. Сидаков

*Кандидат политических наук, преподаватель кафедры
гражданского-правовых дисциплин
Филиала Московского института государственного управления
и права, г. Черкесск, Россия*

C. P. Урчукова

*Кандидат политических наук, заведующая кафедрой
гуманитарных и естественно-научных дисциплин
Филиала Московского института государственного управления
и права, г. Черкесск, Россия*

Секция 5

Аннотация. Как свидетельствует практика, функционирование политической элиты в современной России далеко не всегда происходит в соответствии с интересами развития общества и государства. Поэтому важной задачей государственных органов является создание системы работы с кадрами в области политического управления. Эта системность реализуется посредством специальной государственной кадровой политики, позволяющей сбалансировать и скоординировать кадровую деятельность по всем принципиальным политическим, организационным и методологическим позициям. Система рекрутования выступает как один из основных, но не единственных механизмов воспроизведения элит, поддерживающий их стабильность и обеспечивающий динамику их развития.

Abstract. As practice testifies, functioning of political elite in modern Russia not always happens in compliance to interests of development of society and the state. Therefore, an important task of government bodies is creation of system of work with shots in the field of political management. This systematicity is realized by means of the special state personnel policy, allowing to balance and coordinate personnel activities for all principled political, organizational and methodological stands. The system of recruitment acts as one of the main, but not the only mechanisms of reproduction of the elite maintaining their stability and providing to the loudspeaker of their development.

Ключевые слова: политическая элита, государственная кадровая политика, рекрутование, кадровый резерв.

Keywords: *political elite, state personnel policy, recruitment, personnel reserve.*

Начиная с 90-х гг. прошлого столетия учеными ведут разработки различных аспектов «Концепции государственной кадровой политики Российской Федерации». В частности, в 1999 г. была разработана составная часть этого документа – проект «Концепции государственной кадровой политики в федеральных исполнительных органах власти», отдельные положения и идеи которой вошли в «Концепцию реформирования системы государственной службы Российской Федерации». В 2001 г. разработан проект «Концепции государственной кадровой политики Российской Федерации», который был направлен в Администрацию Президента Российской Федерации и представлен на всероссийском форуме «Кадры России XXI века» в Государственном Кремлевском дворце. С 2002 г. проект Концепции был принят во внимание аппаратом полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе (ЦФО). В 2004 г. по решению Совета по кадровой поли-

тике при полномочном представителе Президента Российской Федерации в ЦФО проект был разослан во все федеральные округа для обсуждения. Ряд положений данной Концепции включен в проект «Концепции социального государства Российской Федерации» (в числе разработчиков были соответствующие комитеты Совета Федерации и Государственной Думы, Российской академии наук, Федерации независимых профсоюзов России, ряд федеральных органов исполнительной власти, ведущие ученые России), а также использован при разработке концепций кадровой политики в отдельных федеральных органах исполнительной власти и субъектах Российской Федерации.

Формирование высокопрофессионального и обладающего большим потенциалом кадрового корпуса российского государства является на сегодняшний день приоритетным направлением в экономических и социальных преобразованиях, происходящих в нашей стране. Это можно считать национальным приоритетом и важнейшей задачей, от решения которой во многом зависит конкурентоспособность российского общества в новых условиях мирового порядка. Государство стало перед необходимостью решать текущие и перспективные задачи общественного развития исходя из новых потребностей кадрового обеспечения во всех сферах проявления деловой активности, в социальной, культурной и других сферах жизнедеятельности общества, в системе государственного и муниципального управления. Под государственной кадровой политикой понимается общенациональная стратегия формирования, развития, востребованности и рационального использования профессионального потенциала общества, кадров.

Государственная кадровая политика – одно из приоритетных направлений деятельности государства по координации мероприятий, проводимых в целях развития и совершенствования всего трудового потенциала страны. Важнейшей функцией государства при реализации его руководящей роли в кадровой политике является оптимальный подбор и расстановка кадров, их развитие, создание условий для поддержания необходимого профессионального уровня во всех сферах жизни, прежде всего в политической. Государственная кадровая политика охватывает

совокупность социально-экономических и политических задач, решение которых осуществляется на правовой основе.

Среди мероприятий по реализации элитной кадровой политики особое место занимают меры стратегического порядка, к которым, по мнению экспертов, относятся: изменение системы рекрутования политических элит в сторону от кланово-командных к общегражданским и меритократическим ориентациям; расширение базы элитной рекрутации за счет субэлитных слоев (средний класс) и отбора в органы власти и управления руководителей и специалистов по акмеологическим и гражданско-меритократическим показателям; культивирование здоровой политической конкуренции в элитной среде; проведение государственной информационной политики, ориентированной на гласность и прозрачность деятельности политической элиты и др. [1, с. 4].

Современная политическая элита – это не просто совокупность лиц, силой случая оказавшихся наделенными властью, а социальная группа, которая формируется в результате «естественног отбора», слой общества, сформированный из личностей, обладающих определенными качествами, способностями, профессиональными знаниями, навыками, умениями.

С точки зрения формирования прочных элитных слоев, наиболее существенная часть государственного кадрового процесса – кадровая работа на уровне федеральных органов власти, которая обеспечивает реализацию в сфере кадровых отношений федеральных полномочий и общегосударственных интересов, одновременно субординируя и защищая потребности субъектов Федерации и федерального центра, добиваясь их гармоничного единства.

Проблемы формирования кадров государственной и муниципальной службы, задачи формирования высокопрофессионального, оптимально сбалансированного и демократически ориентированного аппарата как особого источника кадров элитной сферы занимают особое место в системе элитной инженерии.

Р.Ф. Латыпов считает необходимостью формирование новой модели государственной кадровой политики постсоветской России, которая должна быть адекватной сложившейся политической культуре ее граждан и вместе с тем способствовать по-

вышению эффективности политической власти и управления российского государства в целях обеспечения инновационного, демократического развития российского общества [3, с. 3].

Неотъемлемыми составными элементами механизма кадровой работы в связи с этим должны стать: а) всенародные и региональные выборы; б) система индивидуальных и коллективных собеседований и консультаций с соответствующими государственными и общественными структурами при отборе на работу; в) открытые (внутренние и внешние) конкурсы на замещение вакантных должностей и контракты; г) квалификационные экзамены и тестирование; д) аттестация, стажировка, испытательный срок; е) представление декларации о доходах и имущественном положении; ж) материальное поощрение и пропорциональность дисциплинарного наказания допустившего профессиональный или должностной проступок; и) служебный и общественный контроль за деятельностью должностных лиц; к) обучение в системе резерва [5].

Важным в качественном обновлении политических элит является деятельность государственных кадровых проектов. На поиск, формирование и эффективное использование кадрового резерва для государственной и муниципальной службы, партийного строительства, приоритетных сфер экономики России направлена полномасштабная деятельность проекта «Кадровый резерв – Профессиональная команда страны». В его рамках предстоит: идентифицировать «новых людей» для страны, для реализации проектов «Стратегия – 2020», сформировать постоянно обновляющуюся базу данных профессионалов в области управления и новаторов, активно меняющих реальность вокруг себя.

В настоящее время проект управляется командой из 62 региональных координаторов и дирекции. За три года в проекте приняли участие более 29 812 человек. В «Кадровом резерве» на данный момент состоят 3 360 человек, из них 364 человека – кандидаты федерального уровня. В «Муниципальном кадровом резерве» состоит 902 человека. Около половины лауреатов – представители делового сообщества. Практически половина участников проекта – члены партии «Единая Россия». При этом, вне зависимости от партийной принадлежности, участники про-

екта принимают активное участие в деятельности различных общественных организаций, занимаются благотворительностью, стремясь к постоянному повышению своего образовательного уровня [1]. Государственные кадровые резервы (президентский резерв, резерв правительства, резерв губернаторов, мэров) предполагают главные формы востребованности: карьерный рост, переход на государственную, муниципальную службу, в госкорпорации, структуры партии «Единая Россия»; общественную проектную работу.

Для реализации потенциала, возможностей перспектививных молодых людей в столицах и регионах сформирован Молодежный кадровый резерв «Единой России». Особенное место в механизме реализации государственной кадровой политики занимает система государственного и гражданского (социального) контроля за качеством кадровых процессов и в целом правовой обоснованностью конкретных кадровых решений.

Первоочередными мероприятиями по реализации мер элитной кадровой политики могут быть: организация глубокого и всестороннего мониторингового анализа кадровых процессов на высшем уровне; утверждение кадровых программ на соответствующих Советах по кадровой политике, обеспечивающих скоординированность кадровой деятельности, ее единство по всем принципиальным политическим, организационным и научно-методологическим позициям, а также логичность и сбалансированность; формирование во всех государственных органах организационно-штатных структур по управлению персоналом и осуществлению ГКП, причем как на федеральном и региональном уровне, так и в органах местного самоуправления; создание в каждом управленческом звене высших номенклатурных должностей, назначение на которые должно согласовываться в соответствующем вышестоящем органе государственного управления; формирование единого образовательного комплекса страны.

Процесс рекрутования элиты в любом государстве и характер сложившихся общественных отношений взаимозависимы. В качестве зависимого механизма рекрутование отражает интегрирующие компоненты социально-политических процессов, сложившихся в обществе противоречий, степень представи-

тельности системы, критерии социальной стратификации, а также структурные изменения в системе политических ролей. Кроме того, как независимый фактор, модель рекрутования элиты, безусловно, влияет на определение ключевых направлений политической стратегии государства, в том числе детерминирует порядок политического участия и приобретения политических должностей, обеспечивает стабильность всей системы, ее прогрессивное развитие. Рекрутование является одним из наиболее важных механизмов функционирования политической системы, в ходе которого происходит выявление и заполнение политически значимых позиций. Важной сущностной характеристикой рекрутования является то, что данный процесс обеспечивает преемственность элиты, а также дальнейший отбор и назначения на специфические элитные позиции. Принципиальной особенностью политической элиты является то, что она представляет собой, в отличие от профессиональных элитарных сообществ, открытую систему, и круг политической элиты может пополняться за счет лиц различного образовательного, профессионального и имущественного статуса. В качестве механизмов рекрутования политических элит могут выступать профессиональная компетентность, партийная принадлежность, кровное родство, имущественный ценз, личная преданность, старшинство или выслуга лет, протекционизм и т. д. Основными институциональными каналами рекрутования политических элит являются государственный аппарат, органы местного управления, армия, политические партии, религиозные организации, система образования, с доминированием того или иного канала рекрутования, обусловленным историческими традициями политического развития, особенностями при смене режимов.

Элита, вход в которую открыт для выходцев из других социальных слоев, укрепляет себя и препятствует формированию контрэлиты. В конце концов, важно не социальное происхождение представителей элиты, а те интересы, которые они выражают в своей политической деятельности, насколько они способствуют стабильности, динамичному развитию и процветанию своего народа, общества и государства.

О. Крыштановская отмечает, что «закрытость и открытость можно трактовать под ракурсом исследования рекрутации элиты. Закрытой в таком случае надо считать элиту, которая формируется исключительно из представителей нижестоящих страт политического класса. В этом случае восхождение во власти иерархии совершается постепенно и существует преемственность в обновлении элиты. Проникновение наверх людей случайных, не прошедших управленческую школу государства, исключается. Открытой, напротив, будет называться такая элита, рекрутация в которую позволяет использовать несистемные каналы» [2, с. 91].

Рассматривая такие механизмы воспроизведения политической элиты, как: различные траектории (схемы) циркуляции; систему горизонтальных взаимодействий с основными элитными группами; систему вертикальных взаимодействий, и прежде всего с элитами федерального уровня; субэлитные отношения, – ученые выделяют не только уже известные типы рекрутования, такие, как закрытый, открытый и полузакрытый, но и, в зависимости от преобладающего влияния того или иного звена системы воспроизведения, предлагают следующие: аристократический (квазиаристократический) или межгрупповой, связанный с действием механизмов вертикальной мобильности в обществе или ограничением их действия; этнически гомогенный или этнически гетерогенный; включающий межэлитную циркуляцию или ограничивающий ее; ориентированный на идеокритическую систему ценностей или ориентированный на систему общегражданских ценностей; ориентированный на высокопрофессиональные и меритократические показатели или связанный с системой других личностных показателей. Основными мерами коррекции дисфункциональных проявлений в функционировании указанных механизмов рекрутации элит выступают спланированные на среднесрочный и дальнесрочный период акции элитной кадровой политики, построенной на принципах инстиционализации, технологизации и профессионализации.

На современном этапе развития России нужна новая, полностью соответствующая принципам демократии и социальности государственная кадровая политика, способствующая созданию эффективного, демократического и социально справедли-

вого государства. Это стратегия и тактика государства в сфере формирования, развития и рационального использования интеллектуально-трудовых ресурсов страны. Ее особый объект – элитные слои властных структур и управления. Пока такая политика у нас в окончательном варианте еще не сложилась и законодательно не закреплена.

Эффективный кадровый механизм поможет не допустить возрождения всевластия первых лиц и аппарата, поставить прочный заслон на пути авторитаризма, бюрократизма и коррупции. Нужна подготовка кадров высшего звена, то есть формирование эффективной системы непрерывного воспитания элиты по всей ее структуре.

Таким образом, эффективность реализации государственной кадровой политики в элитной сфере определяется как качеством кадровых программ и правовой обоснованностью конкретных кадровых решений, так и уровнем открытости политической элиты, опорой на широкую социальную базу.

Список литературы

1. Котлер Ю. Наш проект – важная составляющая систематизации власти / Ю. Котлер. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://profkomanda.edinros.ru/article/40226>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Крыштановская, О. АнATOMия российской элиты / О. Крыштановская. – М. : Захаров, 2005. – 384 с.
3. Латыпов, Р. Ф. Государственная кадровая политика в постсоветской России: политические функции, модели, воздействие на эффективность политической власти и управления : автореф. ... д-ра полит. наук / Р. Ф. Латыпов. – М., 2010. – 49 с.
4. Понеделков, А. Формирование путей рекрутации административно-политических элит в современной России / А. Понеделков, А. Старостин // Власть. – 2007. – № 6. – С. 3–8.
5. Рудой, В. В. Политические элиты современной России: Идеология, ценности, идентичность современных российских политических элит / В. В. Рудой, А. В. Понеделков, А. М. Старостин, Л. Г. Швец. – Режим доступа naurovedenie.ru /sbornik 12/3-3.pdf, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО И УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Д. С. Данилов

*Студент 3-го курса факультета международных отношений
Нижегородского государственного университета
имени Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия*

Аннотация. Рассматривается геополитический и цивилизационный базис ведущейся против России информационной войны. Проводится ретроспективный анализ информационного противоборства и угроз национальной безопасности России.

Abstract. The author researches geopolitical and civilization basis of the information warfare (IW) against Russia, analyzes the history of IW and the main threats of Russia's national security.

Ключевые слова: информационная война, США, геополитический и цивилизационный базис.

Key words: information warfare, The USA, geopolitical and civilization basis.

Введение

Российская Федерация подвергается постоянному воздействию методами информационной войны. Для того чтобы эффективно противостоять вредоносному информационному влиянию, необходимо определить, какие силы заинтересованы в ведении информационной войны против России, их методы и цели.

Актуальность исследований в области информационной войны в современной международной политике определяется тем, что в наступающий период глобального передела мира методы информационной войны приобретают все возрастающее значение, в том числе и для обеспечения решения конкретных политических задач.

Целью исследования является исследование взаимосвязи информационной войны и политики США и Запада в целом в отношении России.

Для достижения поставленной цели определяются следующие задачи:

- во-первых, выявить цивилизационный базис информационной войны против России;
- во-вторых, рассмотреть цивилизационный базис России – Русской Православной цивилизации;
- в-третьих, определить возможную политику, которая будет способствовать развитию государства как независимого, продолжающего исторические традиции России – Русской Православной цивилизации.

1. Цивилизационная война против России

Российская Федерация образовалась после катастрофического разрушения СССР в 1991 году. РФ все еще является самой большой страной в мире по территории и самой большой страной по населению в Европе.

В послании Федеральному Собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин назвал распад Советского Союза в начале 90-х гг. крупнейшей геополитической катастрофой века и драмой для российского народа [20].

Причины, приведшие к развалу мировой державы, в настоящее время известны – это информационная война Запада во главе с США и предательство национальных интересов руководством СССР [6].

США и Запад в целом (Великобритания, Израиль, Германия и другие страны) вели активно и целенаправленно информационную войну против СССР, что подтверждено многократно заявлениями многих политических и государственных деятелей США [18, с. 168–169].

Запад, в первую очередь в лице англосаксонской цивилизации, вел и ведет непримиримую борьбу (войну) с Россией (Российская Империя, СССР, РФ), так как, в соответствии с анг-

лосаксонской геополитикой, тот, кто будет владеть сердцевинной землей «Heartland», тот и будет править всем миром [3, с. 54].

Географически на землях «Heartland» располагалась Россия в полном ее понимании (Российская Империя, СССР), в настоящее время на большей территории сердцевинной земли все еще располагается нынешняя Российская Федерация [7, с. 42].

Понятие «геополитика» ввел шведский профессор истории и политических наук Рудольф Челлен («Государство как форма жизни») [там же, с. 5].

Наибольшее развитие геополитика получила в англосаксонских странах (Англия, США и др.) и была сформирована как наука, способствующая достижению англосаксонской цивилизацией мирового господства.

Англичанин Хэлфорд Маккиндер сформулировал основные принципы, методы, подходы и ввел понятия «Море»/«Суша», «Heartland» – сердцевинная земля, «Rimland» – прибрежная земля и др. [там же].

При этом под понятием «Море» – цивилизация Моря – понималась Англия, теперь понимается англосаксонская цивилизация в целом (это Англия, США, страны Британского Союза (ранее – Британской империи) – Канада, Австралия, Новая Зеландия и другие подконтрольные страны и территории) [там же, с. 44].

Под понятием «Суша» – цивилизация Суши – понимается Русская Православная цивилизация, Российская Империя, СССР. В настоящее время под этим понятием, хотя уже и в усеченном виде, так как часть территорий уже потеряна, но все-таки имеется в виду нынешняя Российская Федерация [там же].

Развитием и совершенствованием геополитики занимались многие англосаксонские ученые, политики. Например, Хэлфорд Маккиндер («Географическая ось истории») [там же, с. 5], Альфред Мэхэн («Влияние морской силы на историю 1660–1783») [там же, с. 30].

«Идеи А. Мэхэна (американский стратег, адмирал) лежат в основе англосаксонской геополитической традиции и приняты всеми геополитическими школами как фундаментальные концептуальные установки. Для А. Мэхэна судьба США состоит в

Секция 5

полном отождествлении с «морским могуществом», а главным ее стратегическим, историческим и политическим противником всегда была сухопутная континентальная Россия» [7, с. 31].

В соответствии с англосаксонской геополитикой, основным препятствием для достижения мирового господства всегда являлась и является Россия, как бы она ни называлась: Российская империя, или СССР, или РФ, что они и доказали много-кратно на всех этапах истории [11].

Даже являясь союзниками по антигитлеровской коалиции, Англия и США еще в 1943 г. проводили переговоры по заключению сепаратного мира с фашистской Германией и планировали совместно начать войну против России (СССР). Это был план «Рэнкин» [17, с. 50]. Затем была операция «Валькирия» – попытка заключения сепаратного мира с Гиммлером весной 1945 г., которая сорвалась [там же, с. 59]. Далее, весной 1945 г. премьер-министр Великобритании Черчилль отдает приказ о подготовке секретного плана нападения на Советский Союз. 22 мая 1945 г. секретный план был готов (уже через 13 дней после капитуляции фашистской Германии). Решительное наступление должно было начаться силами 47 западных дивизий, в состав которых входили полумиллионная группировка англо-американских войск и 100-тысячная немецкая армия, сформированная по приказу Черчилля из остатков немецко-фашистских капитулировавших частей, – в гитлеровской форме, с тем же вооружением, под командованием тех же офицеров. Третья мировая война должна была начаться 1 июля 1945 года. План этот назывался «Немыслимое» [там же, с. 6].

В период 1945–1950 гг. США под руководством президента Трумэна разрабатывает ряд глобальных планов атомной бомбардировки, вооруженного вторжения и военной оккупации России (СССР). Первый план атомного нападения на СССР был подготовлен еще в ноябре 1945 г. под кодовым названием «Тоталити», еще два – «Чариотир» и «Флитвуд» – составлены в 1948 г., и один – самый чудовищный план – «Дропшот» – в 1949 г. [18, с. 117].

29 августа 1949 г. в Советском Союзе на Семипалатинском полигоне была испытана первая отечественная ядерная

бомба «РДС-1», что и позволило сорвать агрессивные планы США (англосаксонской цивилизации) [18, с. 120].

2. Холодная война – информационная война

«Осенью 1945 года на основе Совета по международным отношениям в Нью-Йорке был создан Генеральный штаб информационной войны против СССР во главе с Алленом Даллесом, ставшим в дальнейшем главой ЦРУ. Началась так называемая «холодная война» (термин придуман в 1947 г. Б. Барухом, советником президента США Трумэна)» [17, с. 13].

Алгоритм информационной войны против СССР (России) изложен из выступления А. Даллеса на заседании Совета по международным отношениям осенью 1945 г., на котором присутствовал президент США Г. Трумэн [там же, с. 109].

Весь этот план достоин тщательного изучения, но в рамках данной статьи можно привести только отдельные выдержки:

«...мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную помощь или ресурсы на обolvанивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению» [19, с. 1040].

«Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище» [17, с. 109–110].

Что касается Совета по международным отношениям, Олег Платонов в книге «Россия и мировое зло» дает такое описание: «Совет по международным отношениям был основан в 1921 г. руководителями еврейских организаций и масонских лож США... Эти масонские конспираторы искали новые формы воздействия на народы мира и усиления влияния США на мировую политику» [19, с. 1038].

В фильме американского режиссера Аарона Рассо (Aaron Russo) «Америка – от свободы к фашизму» приводится выдерж-

ка из журнала «Совета по международным отношениям» за 1974 г. (с. 558), из которой становится понятна главная цель и методы «холодной (информационной) войны»: «Новый мировой порядок будет построен... он отменит понятие национального суверенитета, постепенно разъедая его. И это будет более действительно, чем старомодное прямое нападение» [1].

В результате «холодной войны», или, называя современным термином, «информационной войны», Запада против Советского Союза, СССР (Россия) был раздроблен на 15 независимых государств.

Известно, что после крушения СССР Збигнев Бжезинский (советник американских президентов и секретарь Трехсторонней комиссии) заявил: «Россия – побежденная держава. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить, «это была не Россия, а Советский Союз» – значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она побеждена» [14].

В книге «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» Збигнев Бжезинский пишет, что теперь «...Россия geopolitически нейтрализована и исторически презираема...» [3, с. 217].

Об успехе политики США, направленной на ликвидацию Советского Союза (России), откровенно заявил и американский президент Б. Клинтон на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов Вооруженных сил США 25 октября 1995 года. В начале своей пространной речи Б. Клинтон изложил своего рода программу действий по дальнейшему уничтожению России [14]. «Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира... мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием – мы получили сырьевой призрак, не разрушенное атомом государство...

Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, но они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 миллиардов долларов, сотни тонн золота, драгоценных камней и т. д. Под несущест-

Секция 5

вующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тысяч тонн меди, почти 50 тысяч тонн алюминия, две тысячи тонн цезия, бериллия, стронция и т. д....

Однако это не значит, что нам не над чем думать... В ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем:

- расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии;
- окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии;
- установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам» [14].

Из данной речи президента США Б. Клинтона следует, что процесс разрушения России еще не завершен. Западу, чтобы быть абсолютно уверенными в полнойнейтраллизации геополитического противника, необходимо раздробить самый крупный осколок России – нынешнюю РФ на более мелкие фрагменты, чтобы без какого-либо сопротивления продолжать грабить природные ресурсы поверженной России [там же].

Как пишут СМИ, по планам Ротшильдов, Российская Федерация подлежит расчленению, население РФ должно быть заменено другими народами, отдельные фрагменты-регионы будут переформатированы в ряд новых государств под информационно-финансовым контролем извне [16].

США и силы западного влияния в РФ активно инициируют развал Российской Федерации на мелкие регионы-государства, которые будут полностью зависимы от воли Запада [9].

Уже придуманы названия типа «Уральская Республика», «Булгарская Республика», «Средневолжская Республика», «Волго-Вятская Республика», «Сибирская Республика», «Байкало-Амурская Республика», «Московская Республика», «Республика Черноземье», «Казацкая Республика» и др. [13].

Такой вариант развития событий для РФ обсуждался 7 июля в Высшей школе экономики, где прошла конференция Фонда «Либеральная миссия» под названием «Какая федерация нам нужна?» [там же].

Политика Запада относительно РФ сохраняется та же, что была в отношении СССР (России): «холодная война», или, в современной терминологии – «информационная война», активно продолжается, не прекращаясь ни на мгновение [2].

Информационная война ведется по самым разным направлениям: политика, экономика, история, культура, религия, образование, демография и многие другие [там же].

3. Россия – Русская Православная цивилизация

«Россия – это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат» [5].

Россия – это Русская Православная цивилизация, сумевшая раздвинуть свои пределы за счет включения других народов в свой цивилизационный проект. Причем народы включались в состав России как равные, независимо от национальной, религиозной, культурной принадлежности. Ни один народ, вошедший в состав России, не исчез. Наоборот, все народы, даже очень малые, имели возможность, находясь в составе России, сохранить свои традиции, культуру, язык, религию. И это с учетом того, что Россия всегда развивалась как Русское Православное государство.

Англосаксонская цивилизация – это фактически противоположность, антипод Русской Православной цивилизации.

Англосаксонская цивилизация развивалась и процветала на обмане, грабежах, убийствах, вплоть до уничтожения целых народов. Это и работторговля черными рабами из Африки на американские плантации, и поставки опиума в Китай в гигантских масштабах по схеме «опиум – чай», и геноцид индейцев в Северной Америке, иaborигенов в Австралии, и полное уничтожение жителей Тасмании и многое другое. Англосаксы, не утруждаясь, «очищали», если так можно выразиться, вновь приобретенные земли от местных жителей [18, с. 9; 19, с. 153].

Надо сказать, что и другие западноевропейские страны действовали подобным же образом: например, Франция – в Ин-

докитае, Алжире; Испания – в Америке; Германия – в СССР (России) и Япония также, например, в Китае, и т. д.

Аналогичным образом они действуют и в настоящее время, например в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии. Есть много других примеров.

Россия же включала новые народы в состав России на равных с остальными гражданами.

«Не было на Руси народов-господ и народов-рабов. Россия никогда не была тюрьмой народов, здесь не было народов первого и второго сорта» [5].

Для малых народов (грузины, латыши, эстонцы, киргизы, таджики, казахи, молдаване и т. д.) вхождение в состав России было возможностью сохранить население, свою национальную идентичность, язык, культуру, традиции.

Малые государства, то есть собственные государства малых народов, в современном мире неэффективны, неконкурентоспособны, нежизнеспособны. Например, прибалтийские республики Литва, Латвия, Эстония, выйдя из состава России (СССР), немедленно попали под контроль США (Запада). Ни о какой реальной независимости этих республик говорить невозможно.

4. Русские. Русская Православная Церковь

Русские всегда были и являются государствообразующим народом России. Хотя в ныне действующей Конституции РФ такая формулировка отсутствует, но реальность такова. Без русских не будет России. Может остаться территория, занимаемая государством, даже название «Россия» может сохраниться, но если в России не будет русских, то это уже будет совершенно другая страна.

«Давайте признаем очевидное: развитое самосознание и единство русского народа – это незыблемое основание целостности России и единства нашей полигэтнической цивилизации. В свою очередь, игнорирование интересов русских людей, вытеснение русского вопроса из публичной сферы ведет к лавинообразному росту маргинальных и агрессивных проявлений» [5].

Это отлично понимают в других странах. Например, Отто Бисмарк (первый канцлер Германской империи), когда рассматривался вопрос возможности уничтожения России военным путем, писал:

«Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах русских... даже если их расчленить международными трактатами, они вновь соединяются друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ртути... Не надейтесь, что, единожды воспользовавшись слабостью России, вы будете получать дивиденды вечно. Русские всегда приходят за своими деньгами. И когда они придут – не надейтесь на подписанные вами иезуитские соглашения, якобы вас оправдывающие. Они не стоят той бумаги, на которой написаны. Поэтому с русскими стоит или играть честно, или вообще не играть (Отто фон Бисмарк)» [12].

Это прекрасно понимают и англосаксы, и Запад в целом, поэтому все действия, которые осуществлялись при ведении любой войны – «горячей» или «холодной», которая в настоящее время называется «информационной войной», – это, в первую очередь, нанесение ударов по русскому населению и Православной Церкви.

Для того чтобы уничтожить Россию – нужно уничтожить русское население, для того чтобы уничтожить русское население – нужно уничтожить Православную церковь.

«...З. Бжезинский не постеснялся открыто заявить, что после крушения коммунизма главным врагом Америки стало Русское Православие» [19, с. 456].

Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II в декабре 2000 г. так сформулировал цель «информационной войны» Запада против государства и народа России: «Мы должны осознать, что против нашего народа ведется хорошо спланированная бескровная война, имеющая целью его уничтожить» [8].

За пределами Российской Федерации, в других странах, всех граждан РФ, независимо от национальности, называют русскими. Это было во все времена. Например, в книге – воспоминаниях «Роковые решения» гитлеровский генерал пишет о русских, хотя Родину – Россию, в то время называвшуюся Советский Союз, защищали на фронте граждане СССР всех нацио-

нальностей. В книге говорится так: «Многие из наших руководителей сильно недооценили нового противника. Это произошло отчасти потому, что они не знали ни русского народа, ни тем более... стойкости русского солдата» [22, с. 64].

Вот что сказал директор Российского института стратегических исследований (РИСИ) Л.П. Решетников в интервью на Первом Приднестровском телеканале, в программе «Вовремя: Точка отчета» (24.02.2013): « Я считаю, что русские – это все те, кто живет на этом огромном пространстве бывшей Российской империи, бывшего Советского Союза. Русские – это не по крови, это по духу; это состояние души; это понимание миссии нашего народа; это понимание культуры, языка – это все русские» [21].

Всех, кто имеет русский паспорт, за границей называют русскими. Это обычная практика в мире. Например, любого гражданина Франции называют французом, а гражданина Италии – итальянцем, а гражданина Китая – китайцем, хотя в Китае проживают тоже люди многих национальностей.

В связи с этим очень странной является ситуация, когда чиновники разных уровней нашей страны почему-то хотят добиться, чтобы граждане России назывались какими-то непонятными россиянами.

Это тоже элемент «информационной войны» против России. Если население России перестанет осознавать свою национальную идентичность, утратит связь со своей культурой, традициями, утратит свой цивилизационный код – это и будет полное уничтожение русских, русского народа, России.

Именно по этому направлению наносится главный удар «информационной войны» и в Российской Федерации, и в других осколках России, ныне независимых государствах, например в Украине, Молдавии, Латвии, Грузии и др.

Итак, в соответствии с англосаксонской наукой геополитика, мы – русский народ.

Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер (член Трехсторонней комиссии) уже в наше время – в 90-х гг. заявила, что в России достаточным является население в 30 млн человек, для того чтобы снабжать западные страны газом, нефтью, лесом и другими природными ресурсами. Она не уточнила, проводила ли Великобритания такой расчет на все население исторической

России или имелось в виду только население РФ, но планы Запада относительно России обозначены предельно понятно [24].

В настоящее время, когда Запад стремится к всеобщей глобализации, население большинства стран будет рассматриваться всего лишь как источник дешевого труда в лучшем случае, а в худшем – как шесть миллиардов лишних ртов, которые уничтожают еду, воду, воздух и прочие ресурсы, необходимые «золотому западному миллиарду».

Поэтому, победив СССР (Россию) в «холодной войне», Западные страны начали проводить целенаправленную деятельность по снижения населения на всей территории бывшего Советского Союза, в первую очередь в самых больших осколках СССР – в РФ, Украине, Белоруссии, Казахстане и др.

На комплексные мероприятия по уменьшению численности населения и сокращению рождаемости на постсоветском пространстве Западом потрачены и тратятся в настоящее время миллиарды долларов [там же].

5. Противодействие в «информационной войне»

«Информационная война» против России ведется в рамках единого глобального плана по установлению абсолютного мирового господства [25].

Известна фраза Збигнева Бжезинского: «Новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России» [23].

«Информационная», как и любая другая, война – это тоже война, в которой может быть только один победитель (как в Отечественной войне 1812 г. или в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.).

В США в настоящее время по вопросам ведения «информационной войны» (информационного противоборства) работают, в той или иной степени, более 150 государственных организаций и большое количество частных компаний и образовательных учреждений, координация действий которых осуществляется на самом высоком государственном уровне [15, с. 241].

При этом Россия в настоящее время находится под постоянным политическим, экономическим (и в других направлениях) прессингом западных стран во главе с США, которые действуют в рамках одностороннего, прежде всего военно-силового, решения ключевых проблем международной политики, не обращая внимания на нормы международного права [4, с. 268].

Россия не сможет выстоять только обороняясь.

Как в любой войне, нужно применять все средства для достижения победы. Нужно учиться у США, которые разработали специальные методы ведения «информационной войны», осваивать их в совершенстве и противодействовать их же оружием.

Пока не будет разоблачена и осуждена агрессивная политика Запада и их главной силы – США, стремящихся к мировому господству, реального мира и сотрудничества народов на земле не наступит.

У России есть преимущество в «информационной войне» перед США и западными странами: нам не нужно обманывать. Нам достаточно говорить правду об англосаксонской цивилизации, США, Западе и проводимой ими агрессивной политике.

Соединенные Штаты Америки, используя своих спутников, применяют против нашей страны так называемую «Стратегию анаконды» с целью удушения России [10].

России нужно создать вокруг Запада «пояс правды», чтобы изолировать его вредоносное влияние, ведущееся методами манипуляции сознанием и «информационной войны».

Любая «мягкая сила», любые методы информационного воздействия являются эффективными только тогда, когда обеспечиваются силой Армии, ВМФ, ВВС, активной работой спецслужб.

Россия сможет выжить как независимое государство и защитить свой народ, только активно, настойчиво, целенаправленно проводя политику по отстаиванию своих государственных, национальных, геополитических, цивилизационных интересов.

Заключение

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Непримиримым геополитическим противником России является англосаксонская цивилизация, опирающаяся на мощь США.
2. Противоборство Запада и России носит цивилизационный характер.
3. «Информационная война» против России нацелена на русских как государствообразующий народ и Русскую Православную Церковь как духовный, культурный, нравственный базис русского народа.
4. В информационном противоборстве России необходимо не только обороняться, но и вести активную наступательную политику.
5. России, чтобы выжить в современном мире, нужно проводить политику по отстаиванию своих государственных, национальных, геополитических, цивилизационных интересов.

Список литературы

1. Америка – От свободы к фашизму // Российские тенденции. – 2013. – 15 сент. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://rostend.su/?q=node/1300> (дата обращения: 15.09.2013). – Загл. с экрана.
2. Бахмайер, П. Мягкая сила - Культурная война США против России / Питер Бахмайер // Российские тенденции. – 2013. – 26 сент. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://rostend.su/?q=node/1340> (дата обращения: 26.09.2013). – Загл. с экрана.
3. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска : главенство Америки и его геостратегические императивы. – М. : Междунар. отношения, 2010. – 256 с.
4. Брусницын, Н. А. Информационная война и безопасность / Н. А. Брусницын. – М. : Вита-Пресс, 2001. – 280 с.
5. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVII Всемирного русского народного собора // Русская Православная Церковь. – 2013. – 31 окт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:

Секция 5

<http://www.patriarchia.ru/db/text/3334783.html> (дата обращения – 08.11.2013). – Загл. с экрана.

6. Гладилин, И. Госсекретарь США о гибели СССР: «Главное, нашлись предатели» / Иван Гладилин // КМ. – 2012. – 12 дек. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.km.ru/v-mire/2011/12/08/istoriya-rossiiskoi-federatsii/gossekretar-ssha-o-gibeli-sssr-glavnoe-nashlis-pred> (дата обращения: 07.11.2013). – Загл. с экрана.

7. Дутин, А. Г. Геополитика России : учеб. пособие для вузов / А. Г. Дутин. – М. : Акад. проект : Гаудеамус, 2012. – 424 с. – (Gaudeteanus).

8. Запад активно способствует нравственной деградации россиян, заявляет Патриарх Алексий Второй // Интерфакс-Религия. – 2000. – 15 дек. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=archive&div=9230> (дата обращения: 07.11.2013). – Загл. с экрана.

9. Катасонов, В. Россия, Китай и ВТО. – Ч. 1 / Валентин Катасонов // КМ. – 2012. – 18 июня. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.km.ru/spetsproekty/2012/06/18/peregovory-o-vstuplenii-rossii-v-to/rossiya-kitai-i-vto-chast-1> (дата обращения: 18.06.2012). – Загл. с экрана.

10. Курамшин, А. Стратегия анаконды / Александр Курамшин // Российские тенденции. – 2013. – 23 сент. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://rostend.su/?q=node/1327> (дата обращения: 23.09.2013). – Загл. с экрана.

11. Кушнерев, В. Развитие теории Маккинdera и их реализация / Владимир Кушнерев // Империя. – 2013. – 23 июля. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.imperiya.by/theory19-17250.htm> (дата обращения: 19.08.2013). – Загл. с экрана.

12. Лермонтов, М. О грядущем Преображении России в предреченнное пророками «Царство Правды» / Михаил Лермонтов // КМ. – 2012. – 12 дек. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/12/12/vladimir-putin/699429-o-gryadushchem-preobrazhenii-rossii-v-predrechennoe-prorok> (дата обращения: 12.12.2012). – Загл. с экрана.

13. Ляпин, Р. Высшая школа сепаратизма. О конференции «Какая федерация нам нужна?» / Руслан Ляпин // Российские тенденции. – 2013. – 24 авг. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://rostend.su/?q=node/1248> (дата обращения: 24.08.2013). – Загл. с экрана.

14. Микрюков, В. Разделит ли Россия участь СССР? / Василий Микрюков // Российские тенденции. – 2012. – 11 янв. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://rostend.su/?q=node/293> (дата обращения: 11.01.2012). – Загл. с экрана.

Секция 5

15. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов. – 3-е изд., стер., 3-е изд., стер. – М. : Горячая линия – Телеком, 2012. – 542 с.
16. Небренчин, С. Россия имеет шанс побороться за свое освобождение от внешней зависимости / Сергей Небренчин // Российские тенденции. – 2013. – 22 февр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://rostend.su/?q=node/624> (дата обращения: 22.02.2013). – Загл. с экрана.
17. Панарин, И. Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР / И. Н. Панарин. – СПб. : Питер, 2010. – 255 с.
18. Платонов, О. Мировая гегемония Америки. Летопись кровавых преступлений / Олег Платонов, Герхох Райзеггер. – М. : Алгоритм, 2012. – 368 с.
19. Платонов, О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма / О. А. Платонов. – М. : Алгоритм, 2011. – 1120 с.
20. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 25 апреля 2005 г. // Президент России. – 2005. – 25 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://president.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml> (дата обращения: 04.11.2013). – Загл. с экрана.
21. Программа «Вовремя»: «Точка отчета» // Российские тенденции. – 2013. – 28 февр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://rostend.su/?q=node/654> (дата обращения: 28.02.2013). – Загл. с экрана.
22. Роковые решения : / З. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит [и др.] ; пер. с англ. под ред. д-ра ист. наук полковника П. А. Жилина. – М. : Воен. Изд-во М-ва обороны СССР, 1958. – 256 с.
23. Савченко, А. Збигнев Бжезинский, буревестник мировой революции / Александр Савченко // Russkie.org : [сайт]. – 2011. – 20 сент. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=23309> (дата обращения: 10.11.2013). – Загл. с экрана.
24. Хрусталев, М. Американцы предвкушают вымирание России / Максим Хрусталев // КМ. – 2010. – 29 июля. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.km.ru/news/amerikanczy_predvukushayut_ymira (дата обращения: 23.04.2012). – Загл. с экрана.
25. Четверикова, О. ВТО: Всемирная Тирания Олигархата / Ольга Четверикова // КМ. – 2012. – 6 июня. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.km.ru/spetsproekty/2012/06/06/vto-vsemirnaya-tiraniya-oligarkhat> (дата обращения: 06.06.2012). – Загл. с экрана.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Т. Ю. Дубинкина

*Аспирантка, Северо-Кавказская государственная
гуманитарно-технологическая академия, г. Черкесск, Россия*

Аннотация. Основной причиной завоевания средств массовой информации, занимающих важное место в политической жизни современного общества, стало то, что с их помощью политические институты могут не только информировать население о целях и ценностях своей политики, но и моделировать отношения с общественностью, касающиеся формирования представительных органов власти и правящих элит, поддержания их авторитета, образа политического лидера, имиджа политической партии, который с помощью специальных средств и методов СМИ целенаправленно формирует общественное мнение и сознание избирателей. Имидж является важнейшим средством информационно-коммуникационного воздействия на различные социальные группы с целью формирования определенного политического сознания и побуждения их к определенным действиям и выступает в роли основного символического посредника между представителями власти и обществом.

Abstract. The main reason for a gain of mass media of an important place in political life of modern society was that with their help political institutes can not only inform the population on the purposes and values of the policy, but also to model the relations with the public, representative bodies of the power concerning formation and ruling elite, maintenance of their authority, an image of the political leader, image of political party which by means of special means and methods is purposefully formed by mass media in public opinion and consciousness of voters. Image is the most important means of information and communication impact on various social groups for the purpose of formation of a certain political consciousness and their motivation to certain actions and acts as the main symbolical intermediary between authorities and society.

Ключевые слова: средства массовой информации, политические институты, политический имидж, информационно-коммуникационное воздействие, государственная власть.

Keywords: mass media, political institutes, political image, information and communication influence, government.

Типологическая палитра средств массовой информации России изменилась за последнее десятилетие достаточно основательно. Это объясняется влиянием двух основных факторов: во-первых, переменами в социальной структуре российского общества, во-вторых, новыми технологическими моментами, требующими изменений в типологии прессы не только в России, но и во всем мире.

Средство массовой информации – это средство распространения информации, характеризующееся обращенностью к массовой аудитории, общедоступностью, корпоративным характером производства и распространения информации. В политологическом словаре СМИ определены как система сообщения населению информации посредством печатных, технических, изобразительных и иных форм и средств, а также осуществление коммуникаций между культурными и политическими субъектами посредством образных форм в виде искусства, трансляции массовых зрелищ, спортивных и иных феноменов, несущих информацию и воздействующих на человека как коммуникативного перципиента [1].

К средствам массовой информации относятся: пресса, радио, телевидение; кинематограф, звукозаписи и видеозаписи; видеотекст, телетекст, рекламные щиты и панели; домашние видеоцентры, сочетающие телевизионные, телефонные, компьютерные и другие линии связи, массовая коммуникация как систематическое распространение информации с целью утверждения духовных ценностей данного общества и оказания идеологического, политического, экономического или организационного воздействия на оценки, мнения и поведение людей.

Различные уровни информационно-коммуникативных связей имеют свои особенности воплощения и зависят от того, в каком из процессов они осуществляются – межличностного общения, групповой или массовой коммуникации, где действующие субъекты по-особому формируют и выявляют свои позиции, организуют технические каналы и структуры обмена сообщениями, создают факторы, повышающие идеиную эффективность распространяемых политических позиций. Массовые информационно-коммуникационные процессы имеют первостепенное значение для политики. На этом уровне организации ин-

формационных отношений действуют, прежде всего, политические агенты: лидеры и руководители официальных институтов государства, информационные отделы по связям с общественностью; государственные СМИ; независимые и оппозиционные СМИ; корпоративные структуры, к которым относятся органы партий, общественные объединения, профессиональные политические рекламные агентства, зарубежные СМИ [6, с. 51]. Взаимодействие данных агентов в основном формирует информационный рынок, на котором каждый из них осуществляет собственные политические стратегии, подчиненные достижению своих интересов в сфере власти. Для осуществления организационных процессов СМИ необходимы соответствующие административно-управленческие структуры.

Разнообразие используемых политическими агентами приемов и способов информирования, налаживания коммуникаций со своими контрагентами в основном сводится к двум типам действий в информационном пространстве: мобилизационному, включающему агитацию и пропаганду, и маркетинговому, представленному методами паблик рилейшнз, а также политической рекламой [2, с. 194]. Эти способы информационного взаимодействия характеризуют крайне противоположные направления поведения субъектов в информационном пространстве. Так, без агитации и пропаганды, представляющих собой способы информационного контроля над людьми и придания их политическим действиям строгой социальной направленности, не может обойтись ни одно государство, ни один политический субъект, заинтересованный в расширении социальной поддержки своих целей относительно власти. Однако использование данных форм поведения на информационном рынке неизменно несет в себе угрозу качественного видоизменения информационных и коммуникативных процессов. Агитационно-пропагандистские способы воздействия нередко переходят границы свободной конкуренции за влияние на человека, подменяя способы его идейного завоевания методами насилиственного навязывания ему запограммированных оценок и отношений, психологического давления, рассчитанного на неосознанное восприятие и усвоение им определенных политических целей и ценностей. Вследствие использования такого рода приемов информирования человека,

Секция 5

коммуникации переходят в стиль общения, полностью игнорирующий свободу человека и его право на выработку собственных политических убеждений и устремлений.

В противоположность таким приемам завоевания человека, маркетинговые стратегии формируются на основе спроса и предложения на информацию и направлены на то, чтобы она в нужное время и в нужном месте оказалась в распоряжении субъекта. Маркетинговые стратегии информирования направлены на убеждение человека и ориентируются по преимуществу на обратную связь, диалог, честное и взаимоуважительное информирование политических субъектов, в том числе органов государственной власти, их контрагентов, о своих целях и задачах в политике. Такая линия поведения на информационном рынке неразрывно связана с предварительным уяснением информационных потребностей субъекта и его доверительным информированием, направленным на осознанный выбор человеком политической линии поведения и политического участия.

Формируемые в масштабе всего общества массовые коммуникации, информационные отношения являются основанием целостности системы СМИ, которые выполняют ряд функций: удовлетворяют информационные потребности личности, различных общественных групп и организаций, содействуя их активному участию в процессах экономической, политической и культурной жизни общества; обеспечивают взаимодействие, сотрудничество, координацию и разделение труда между ними на основе совместно формируемых моделей поведения каждого социального субъекта; объективно и полно отражают условия жизни общества; собирают, производят и распространяют информацию в соответствии с динамикой общественного развития; привлекают к производству информации все творчески активные силы, которые служат общественному прогрессу, создают и обогащают духовный потенциал общества; используют для массового информационного процесса современные информационные и коммуникационные технологии; обеспечивают реализацию многообразных функций СМИ в соответствии с процессами их актуализации, ростом информационных потребностей членов общества. В современных условиях целостность системы СМИ подвергается серьезным испытаниям. Происхо-

дят значительные разрывы в информационном пространстве, нарушаются информационные связи между членами общества, различными категориями населения, между обществом и личностью, государством и его гражданами, регионами и центром и т. п.

С политической точки зрения, важное значение имеют такие функции СМИ, как сбор, систематизация и передача новостей и информации, формирование политического имиджа, общественного мнения и – в более или менее открытых обществах – известный вклад в обсуждение общественных проблем. Нет такой страны, где деятельность СМИ не подвергалась бы регулированию, контролю, той или иной цензуре. Регулирование обычно осуществляется в отношении собственности, финансирования и организации лицензирования, а также обеспечения надзора за продолжительностью, содержанием и сбалансированностью программ.

Информационные системы в современном обществе испытывают давление со стороны множества заинтересованных сторон, в том числе нажим политических сил, государства. Научно-технический прогресс за последние десятилетия буквально перевернул техническую сторону информационных систем. Прямая связь через космические объекты, применение все новых принципов передачи (типа лазеров, световодов, микросхем и макроусилителей), широчайшее распространение персональных компьютеров, которые превращаются в универсальные системы хранения, переработки и передачи информации на глобальном уровне, – все это делает население обществом «информационного» типа.

Развитие демократического процесса зависит от деятельности СМИ, от качества информации, которая формирует общественное мнение и воздействует на политическую культуру и деятельность граждан. Эта функция служб информации создает основу для осуществления контроля со стороны власти за их деятельностью. В то же время принципы демократии основаны на свободе слова и праве на информацию. Современное государство уже не в состоянии полностью контролировать ситуацию, как это было совсем недавно. В России при социализме СМИ официально работали под руководством государства.

Секция 5

В настоящее время господствуют гласность и плюрализм. Из-за отсутствия традиций деидеологизированного формирования общественного мнения при создании политического пространства проблемы сохраняются. Кроме того, множество средств массовой информации России программируются различными социально-политическими субъектами, зачастую в теневой форме. Этот процесс затрудняет контролируемое демократическое развитие российских средств массовой информации.

При этом следует отметить, что электронные СМИ способны объединять существующие в традиционных СМИ формы предоставления информации, использовать принципиально новые способы предоставления информации, создавать новые жанры. По сравнению с традиционными средствами массовой информации, взаимодействие в Интернет-СМИ обретает качественно новые возможности, приобретает двухстороннюю направленность, оперативность, становится более интересным, развернутым, интерактивным. Это приводит к эволюции некоторых стадий процесса формирования политического имиджа, изменяются и технологии формирования, поддержания, корректировки и внедрения политического имиджа государственной власти в массовое сознание. Каждый из элементов общей структуры политического имиджа государственной власти – это целостное образование, включающее в себя определенный набор компонентов. Этот набор можно представить в виде перечня имиджевых характеристик. Имидж политика включает моральные, профессиональные, социальные, персональные характеристики; имидж политической партии включает в себя программно-идеологическую, деятельностьную, личностную и атрибутивную составляющие.

Как отмечает Т.С. Мельникова, «базисными элементами политического имиджа государственной власти являются: персональные (индивидуальные), профессиональные, моральные, социальные характеристики политических деятелей государства (лидера государства, лидеров партии и др.), программы, идеология отдельных политических деятелей и правящей политической партии, деятельность и результаты деятельности политиков, правящей политической партии, условно-динамичные характе-

ристики имиджа государства» [4, с. 134; 5, с. 151]. Информационно-коммуникационными составляющими политического имиджа государственной власти в Интернет-пространстве являются: Интернет-представительства субъектов политики (политических лидеров, партий, органов государственной власти); публикации о политических акторах в электронных СМИ (российских и зарубежных); обсуждение на форумах и других Интернет-площадках. Электронные СМИ в процессе формирования политического имиджа государственной власти играют не определяющую и главенствующую роль, а второстепенную, являясь дополнением к существующим видам политической Интернет-коммуникации, таким, как сайты субъектов политики и персональные блоги. Для повышения эффективности формирования политического имиджа государственной власти в современных условиях необходимо при взаимодействии представителей власти и общества использовать все каналы коммуникации, то есть и традиционные средства массовой коммуникации, и средства Интернет-коммуникации. При использовании только Интернет-технологий в процессе формирования политического имиджа возникает ряд проблем, разрешение которых, в первую очередь, в интересах субъектов политики. Так, повышение законодательного регулирования деятельности электронных СМИ, информационно-коммуникативной культуры пользователей позволит снизить степень распространения в Интернет-пространстве информации, негативно влияющей на имидж субъектов политики.

В целях увеличения количества пользователей Интернета, то есть потенциальной аудитории Интернет-СМИ, необходимо обеспечить доступ к Интернету, свободный от разного рода ограничений. Помимо снижения в целом стоимости услуг по предоставлению доступа к Сети, целесообразно организовывать общественные центры доступа. В период предвыборных кампаний такие центры могут служить эффективной площадкой для распространения рекламной, агитационной информации, то есть быть дополнением к рекламным щитам и печатным листовкам.

Л.И. Пирогова полагает, что «мощнейшим средством психологического воздействия (даже давления) на общественное сознание и мнение является политическая пропаганда», методы

которой сводятся к воздействию на массовое сознание и манипуляции политическим восприятием, с целью изменения системы идейных и политических установок граждан, лежащих в основе политического поведения [6, с. 13]. Из множества существующих приемов политической пропаганды рассматриваются, преимущественно, те, при реализации которых в значительной степени повышается эффективность внедрения имиджа политических акторов в сознание граждан, для формирования которого необходима коммуникационная среда – совокупность условий, позволяющих гражданам осуществлять передачу, обмен информацией путем взаимодействия друг с другом. Таким образом, в современном обществе средства массовой информации выполняют ряд общих политических функций, проявляющихся в той или иной форме. Они не только критикуют недостатки в политике и обществе, но и выполняют конструктивную функцию артикуляции различных общественных интересов, конструирования и интеграции политических субъектов. В современных условиях изменения коммуникационной среды обусловлены влиянием научно-технической революции, глобальным процессом перехода от индустриального общества к информационному, все большим проникновением новых информационно-коммуникационных технологий, в частности сети Интернет, во все сферы общественной жизни, в том числе в политическую.

Формирование политического имиджа государственной власти и внедрение его в массовое и индивидуальное сознание граждан осуществляется СМИ в процессе политической коммуникации, с помощью специальных средств информационно-психологического воздействия. Оно должно базироваться на теоретически обоснованной имиджевой стратегии и определении ключевых направлений и информационных тактических средств по достижению ее целей.

Список литературы

1. ГЛОССАРИЙ. Ru : [сайт]. – Режим доступа: <http://www.glossary.ru/index.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

Секция 5

2. Кулябцева, В. Н. СМИ и их роль в политической жизни современного общества / В. Н. Кулябцева // Материалы Международной научно-практической конференции «Информационное сопровождение геополитической безопасности территорий Юга России и Прикаспийского региона / под ред. Е. Е. Рябцевой. – Астрахань : Астрах. гос. ун-т, Изд. дом «Астрах. ун-т», 2010. – С. 193–197.
3. Мельникова, Т. С. Имидж политического деятеля как элемент политического имиджа государственной власти в России / Т. С. Мельникова // Проблемы гуманитарных наук : История и современность : альманах. – Вып. 9. – Саратов, 2010. – С. 34–138.
4. Мельникова, Т. С. Политический имидж государственной власти как социально-психологический феномен массового сознания / Т. С. Мельникова // Вестник СГСЭУ. – 2010. – № 4 (33). – С. 149–153.
5. Пирогова, Л. И. Имидж власти как отражение политической культуры российского общества : автореф. дис. ... канд. полит наук / Л. И. Пирогова. – М., 2005. – 21 с.
6. Пугачёв, В. П. Введение в политологию. § 2. Основные каналы и особенности политического влияния СМИ : учеб. для студентов вузов / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 479 с.

Секция 6

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБ ОДНОМ ПРИМЕНЕНИИ СТРОГО МАРКОВСКОГО СВОЙСТВА ВИНЕРОВСКОГО ПРОЦЕССА

Н. Ақанбай

*Кандидат физико-математических наук, доцент,
Казахский национальный университет
имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан*

Ж. И. Есимова

*Магистрант, Казахский национальный университет
имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан*

Ж. А. Исмайлова

*Магистрант, Казахский национальный университет
имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан*

М. Н. Коныркулжасаева

*Магистрант, Казахский национальный университет
имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан*

Аннотация. В работе найдено известное совместное распределение максимума процесса Винера на отрезке времени $[0, t]$ и его значения в последний момент времени t с помощью метода, использующего строго марковское свойство винеровского процесса. Вместо того чтобы найти нужное

Секция 6

распределение, сначала решена задача о нахождении преобразования Лапласа искомого распределения, после нужный результат получен как следствие единственности преобразования.

Abstract. We have found the joint distribution of the maximum of a Wiener process on the time interval $[0, t]$ and its value in the last moment of time t by a method using the strong Markov property of the Wiener process. Instead of finding the right distribution, first solved the problem of finding a Laplace transform of the desired distribution, then use a single conversion.

Ключевые слова: процесс Винера, марковский момент, строго марковское свойство, сигма-алгебра, условное математическое ожидание, совместное распределение, функция распределения.

Keywords: Wiener process, stopping time, the strong Markov property, the sigma-algebra, the conditional expectation, joint distribution, the distribution function.

Пусть W_t , $t \geq 0$, – определенный на вероятностном пространстве (Ω, F, P) и в начальный момент времени $t = 0$ выходящий из нуля винеровский процесс. С процессом $\{W_s \in B, s \leq t\}$, где $B \in \mathcal{B}(R)$ – борелевская сигма-алгебра на числовой оси, можно связать семейство сигма-алгебр $F_t = \sigma\{W_s : s \leq t\}$. Эта сигма-алгебра имеет смысл всех событий, о наступлении которых можно узнать, наблюдая наш процесс до момента времени t . Ясно, что $F_t \subseteq F$, и они образуют неубывающее семейство (если $t_1 < t_2$, то $F_{t_1} \subseteq F_{t_2}$ сигма-алгебр). Обозначим предельную при $t \uparrow \infty$ сигма-алгебру через $F_\infty : F_t \uparrow F_\infty$.

Пусть $\tau = \tau(\omega)$, $\omega \in \Omega$, – принимающая значения из R_+ или значение $+\infty$ случайная величина. Говорят, что τ – марковский момент (относительно данного семейства сигма-алгебр), если для любого $t \in R_+$ события

$$\{\omega : \tau(\omega) \leq t\} \in F_t. \quad (1)$$

Если τ – марковский момент, то можно определить сигма-алгебру F_τ следующим образом: для любого события $A \in F_\infty$

$$A \cap \{\omega : \tau(\omega) \leq t\} \in F_\tau. \quad (2)$$

Следующие утверждения известны из теории случайных процессов.

Утверждение 1 (*марковское свойство винеровского процесса*). Для любого постоянного $T > 0$ процесс

$$\tilde{W} = W_{t+T} - W_T \quad (3)$$

является также (независящим от сигма-алгебры F_t) *винеровским процессом*.

Утверждение 2 (*строго марковское свойство винеровского процесса*). Пусть $\tau = \tau(\omega)$ – определенный соотношением (1) и удовлетворяющий условию $P\{\omega : \tau(\omega) < \infty\}$ марковский момент. Тогда процесс

$$\tilde{W} = W_{t+\tau(\omega)} - W_{\tau(\omega)}. \quad (4)$$

является также винеровским процессом, причем этот процесс независит от сигма-алгебры F_τ .

Утверждение 3. Для $a > 0$ определим случайную величину τ_a как момент первого достижения этого уровня винеровским процессом W_t :

$$\tau_a = \min \{t \geq 0 : W_t = a\}. \quad (5)$$

Тогда τ_a является марковским моментом относительно семейства сигма-алгебр F_τ , и его плотность распределения определяется формулой:

$$f_{\tau_a}(t) = (P\{\tau_a \leq t\})' = \frac{a}{\sqrt{2\pi}} \times \frac{e^{-\frac{a^2}{2t}}}{\sqrt{\frac{3}{t^2}}}. \quad (6)$$

Утверждение 4. Марковский момент τ_a (как функция от a) является процессом с независимыми приращениями.

Нашей основной целью в данной работе является нахождение совместного распределения случайных величин $\max_{0 \leq s \leq t} W_s$ и W_t . Как известно из курсов теории случайных процессов, искомое распределение можно найти разными

Секция 6

методами. Ниже мы найдем это распределение с помощью строгого марковского свойства винеровского процесса.

Утверждение 5. Верна формула:

$$M e^{-\lambda \tau_a} = e^{-\sqrt{2\lambda}a}, \quad (7)$$

где знак M означает взятие математического ожидания.

Доказательство. Обозначим:

$$g(\lambda) = M e^{-\lambda \tau_a} = \int_0^\infty e^{-\lambda x} \times \frac{a}{\sqrt{2\pi x^3}} e^{-\frac{a^2}{2x}} dx \quad (8)$$

Тогда

$$g'(\lambda) = -a \int_0^\infty e^{-\lambda x} \cdot \frac{1}{\sqrt{2\pi x}} e^{\frac{a}{2x}} dx = -a \cdot \frac{e^{-a\sqrt{2\lambda}}}{\sqrt{2\lambda}}, g(0) = 1.$$

Из соотношения (8) получим, что

$$g(\lambda) = -a \int \frac{e^{-a\sqrt{2\lambda}}}{\sqrt{2\lambda}} d\lambda + C = e^{-a\sqrt{2\lambda}} + C.$$

Так как $g(0) = 1$, то константа интегрирования $C = 0$, следовательно, верна формула (7).

Утверждение 6. Для случайных величин W_t и $\max_{0 \leq s \leq t} W_s$

$$P\{\max_{0 \leq s \leq t} W_s \geq b\} = \int_0^t \frac{2b-a}{2\sqrt{2\pi s^3}} e^{-\frac{(2b-a)^2}{2s}} ds \quad (9)$$

где $t > 0$, $0 \leq b$, $b \geq a$.

Доказательство. Рассмотрим преобразование Лапласа левой части формулы (9). Учитывая $\{\max_{0 \leq s \leq t} W_s \geq b\} = \{\tau_b \leq t\}$, и для любого события A математическое ожидание его индикатора I_A равно вероятности события $P(A)$, можем написать (ниже через $\chi_{(-\infty; a]}$ обозначена характеристическая функция интервала $(-\infty; a]$):

Секция 6

$$\begin{aligned}
 & \int_0^\infty e^{-\lambda t} P\{W_t \leq a, \max_{0 \leq s \leq t} W_s \geq b\} dt = M \int_0^\infty e^{-\lambda t} I_{\{W_t \leq a\}} dt = \\
 & = M \int_{\tau_b}^\infty e^{-\lambda t} I_{\{W_t \leq a\}} dt = M \int_0^\infty e^{-\lambda(\tau_b+s)} \chi_{(-\infty; a]}(W_{\tau_b+s}) ds
 \end{aligned} \tag{10}$$

Далее в подынтегральном выражении W_{τ_b+s} перепишем в следующем виде: $W_{\tau_b+s} - W_{\tau_b} + W_{\tau_b} = \tilde{W}_s + b$, причем новый винеровский процесс $\tilde{W}_s = W_{\tau_b+s} - W_{\tau_b}$, по строго марковскому свойству, не зависит от сигма-алгебры F_{τ_b} . Применяя свойства условного математического ожидания относительно сигма-алгебры, можем написать:

$$\begin{aligned}
 M(e^{-\lambda \tau_b} \chi_{(-\infty; a]}(W_s + b)) &= M(Me^{-\lambda \tau_b} \chi_{(-\infty; a]}(\tilde{W}_s + b) / F_{\tau_b}) = \\
 &= Me^{-\lambda \tau_b} \cdot M\chi_{(-\infty; a]}(\tilde{W}_s + b) = Me^{-\lambda \tau_b} \cdot P\{\tilde{W}_s \leq a - b\}
 \end{aligned}$$

Последнее математическое ожидание и вероятность подставляем в формулу (10), вычисляем интеграл, после используя соотношение (8), получаем:

$$\begin{aligned}
 & \int_0^\infty e^{-\lambda t} dP\{W_t \leq a, \max_{0 \leq s \leq t} W_s \geq b\} dt = \frac{1}{2\lambda} e^{-(2b-a)\sqrt{2\lambda}} = \\
 & = \int_0^\infty e^{-\lambda t} \cdot \frac{1}{2\lambda} \cdot \frac{2b-a}{\sqrt{2\pi t^3}} e^{-\frac{(2b-a)^2}{2t}} dt
 \end{aligned} \tag{11}$$

Теперь рассмотрим следующий интеграл (ниже $0 \leq b, b \geq a$):

$$\int_0^\infty e^{-\lambda t} dP\{W_t \leq a, \max_{0 \leq s \leq t} W_s \geq b\} = \int_0^\infty e^{-\lambda t} \lambda P\{W_t \leq a, \max_{0 \leq s \leq t} W_s \geq b\} dt \tag{12}$$

Из формул (11) и (12), с учетом единственности преобразования Лапласа, получаем требуемое соотношение (9).

Утверждение доказано.

Секция 7

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ. МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: МЕТОДИКИ, ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ

УПРАВЛЕНИЕ ГЕТЕРОГЕННЫМИ ДАННЫМИ В МЕДИЦИНСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ НА ОСНОВЕ XML-ТЕХНОЛОГИЙ

Д. И. Мутин

*Кандидат технических наук., докторант,
Институт машиноведения имени А. А. Благонравова РАН,
г. Москва, Россия*

Аннотация. Рассматривается метод интеграции гетерогенных данных в распределенной медицинской информационной системе, позволяющий повысить эффективность управления этими данными за счет применения XML-технологий

Abstract. The article considers a method of integration of heterogeneous data in a distributed medical information system, allowing to increase efficiency of management of the data, through the use of XML technologies.

Ключевые слова: интеграция, гетерогенные, данные, распределенная, медицинская, информационная система, XML.

Keywords: integration of heterogeneous data, distributed, medical, informational, system, XML.

Введение

В условиях повсеместной информатизации медицинских учреждений поменялось количественное и качественное содержание информационных ресурсов. Системообразующей составляющей в принятии решений, обеспечивающей интеграцию процессов управления по вертикали и горизонтали, а также взаимодействующих компонентов управления является «единое информационное пространство», составными частями которого выступают гетерогенные, то есть имеющие разнородную структуру и содержание, информационные потоки.

В целях снижения количества информационных потоков до количества функциональных подсистем предлагается метод интеграции гетерогенных информационных потоков, суть которого заключается в приведении всех информационных потоков к единому универсальному формату представления информации и осуществлении всего информационного обмена путем приведения к нему. В роли универсального носителя выступает *XML-документ (Extensible Markup Language)*, способный хранить сведения любой, ранее определенной структуры. В качестве инструмента хранения выступает *XML-база данных*, позволяющая хранить и обрабатывать документы в *XML-формате*.

Практическая реализация предложенного метода базировалась на распределенной медико-технической системе, включающей в своем составе медицинское и лабораторное диагностическое оборудование, выполненное на базе современных ЭВМ различных типов и архитектур.

Методы управления гетерогенными данными в медицинских информационных системах

В общем виде медицинские информационные системы (МИС) можно охарактеризовать как набор слабосвязанных между собой программных приложений, которые работают с одной или несколькими базами данных, содержащими информацию, существенную для деятельности учреждения, и позволяющими

автоматизировать все или отдельно взятые бизнес-процессы этой организации [2].

В настоящее время данные становятся ключевым активом компаний и одним из важнейших факторов конкуренции [1]. Как правило, медицинские учреждения имеют обширный компьютерный парк, внедрили и продолжают внедрять различное программное обеспечение (ПО) и накопили целые пластины центральной информации. Вычислительная инфраструктура продолжает усложняться, а ее поддержка требует все больше средств и ресурсов с целью обеспечения надежности и высокого уровня безопасности информации. Данные и приложения в МИС должны быть доступны 24 часа в день и 365 дней в году.

В настоящий момент информационное пространство практически любого медицинского учреждения организовано из различных секторов, что усложняет доступ к информации в связи с различиями в способах ее хранения, вплоть до того, что каждая база данных, электронная таблица или *Web-сайт* требуют специальных программ для извлечения данных [5]. Таким образом, «границы» между источниками данных не только сдерживают использование информации для анализа, но и увеличивают расходы, связанные с процессом создания запросов и транзакций, пересекающих «границы» данных.

Объединение данных становится высшим приоритетом, так как процесс принятия решений обуславливает требование доступа ко всем большим объемам новых данных. Большинство этих данных поступает в неудобной и слабоструктурированной форме: начиная с огромного количества страниц *Excel* и кончая отчетами в файлах формата *PDF*- и *Web*-страниц.

Для создания единого информационного пространства необходимо применение технологий, которые предоставляли бы возможность унифицированного доступа к этим данным, как если бы они имели единое логическое и физическое представление [6].

Частные решения задачи интеграции данных до настоящего времени предлагали поставщики реляционных СУБД. Эти решения были полезны, но в общем случае не позволяли справиться с проблемой интеграции данных в распределенной системе, так как они обеспечивали не интеграцию данных, а всего

лишь доступ приложения к различным базам данных. Сегодня актуальной проблемой является виртуальная интеграция *XML-баз данных* с существующими реляционными БД.

Большинство программных средств интеграции данных сфокусировано на перемещении данных из одной базы в другую. Таким образом, эти средства более предпочтительны в тех случаях, когда требуется постоянное перемещение данных или в которых консолидация баз данных продолжительна, а структура источников передаваемых данных остается неизменной на протяжении длительного времени [10].

Хранилище информации промежуточного уровня ориентировано на использование преимуществ языка *XML*, которые обеспечивают более гибкое объединение данных, упрощают доступ к данным и их трансформацию. Используя язык *XML*, можно добиться структурной независимости данных, упрощая процесс выбора необходимых поднаборов данных с целью их объединения, так как может быть динамически подключено большее количество источников данных.

Таким образом, хранилище данных промежуточного уровня на основе *XML* представляет собой систему, способную быстро индексировать, запрашивать и обрабатывать разделенные данные, используя *XML* как промежуточный формат. Хранилище данных на основе *XML* – это схемо-независимое хранилище данных в формате *XML*, в котором может быть описана связь между данными различных типов.

Проблема межсистемного информационного взаимодействия

В частности, качество межсистемного информационного взаимодействия во многом зависит от объема и структуры передаваемых данных [8]. Передача данных сопровождается решением проблемы: с одной стороны, необходимо передать как можно более детальную информацию, чтобы принимающая сторона могла корректно интерпретировать полученные данные, с другой – передаче подлежат не все имеющиеся данные, что вызвано соблюдением режима конфиденциальности.

В связи с этим при реализации информационного взаимодействия требуется предварительная подготовка (конвертация) данных с целью генерации их представления в понятном для принимающей стороны формате, но с учетом ограничений, накладываемых передающей стороной.

Так, при организации взаимодействия ИС (α_1 и α_2) требуется реализовать правила взаимной конвертации данных:

$$\Omega = \begin{cases} \Psi_{\alpha_1 \Rightarrow \alpha_2}; \\ \Psi_{\alpha_2 \Rightarrow \alpha_1}, \end{cases} \quad (1)$$

где Ω – пространство правил конвертации; $\Psi_{\alpha_i \Rightarrow \alpha_j}$ – правило конвертации из одной ИС в другую, $i, j = 1, 2, i \neq j$.

Каждое правило конвертации ИС содержит множество подправил конвертации отдельных объектов:

$$\Psi_{\alpha_i \Rightarrow \alpha_j} = \begin{cases} Y_1(\omega_{1_{\alpha_i}} \mapsto \omega_{1_{\alpha_j}}); \\ Y_2(\omega_{2_{\alpha_i}} \mapsto \omega_{2_{\alpha_j}}); \\ \dots \\ Y_n(\omega_{n_{\alpha_i}} \mapsto \omega_{n_{\alpha_j}}) \end{cases} \quad (2)$$

$i, j = 1, 2, i \neq j$, где $\omega_{1_{\alpha_i}} \dots \omega_{n_{\alpha_j}}$ – объекты ИС, для которых определяются правила конвертации; $Y_1 \dots Y_n$ – правило конвертации для отдельного объекта.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что при организации информационного взаимодействия между n ИС требуется определить в общей сложности $n^2 - n$ правил конвертации Ω , при этом общее число правил конвертации объектов Ψ не поддается исчислению.

Анализ форматов представления данных в виде табличной или текстовой модели позволил определить, что для реализации информационного взаимодействия наиболее перспективным является использование текстового формата [8]. Основным преимуществом такого формата является простота интеграции в

сообщение дополнительных элементов, которые могут быть использованы для передачи семантики сообщения.

Среди стандартов текстового формата наиболее распространенным является как раз семейство стандартов, определяемых при помощи языка *XML*.

Использование *XML*-баз данных в медицинских информационных системах

В *XML* различают документы и данные [15]. Ориентированный на данные *XML* описывает информацию, предназначенную для приложений. Для хранения большей частью документов, а не данных наиболее предпочтительными являются естественные *XML*-базы данных – *NXD* (*Native XML Database*) [7].

Рассмотрим подробно преимущества использования *XML*-базы данных в МИС:

- Полуструктурированные данные очень легко хранить в *XML*, и они великолепно подходят для *XML*-базы данных [3]. Полуструктурированные данные – это данные, которые обладают некоторой структурой, но не являются жестко структурированными [11]. Примером полуструктурированных данных может служить запись в медицинской карте. Так, для одного пациента она может содержать перечень прививок, для другого – показатели роста и веса, для третьего – операции, которые ему сделали. *Документоориентированный XML имеет изменяющуюся структуру.*

- В МИС часто требуется делать сложные запросы к содержимому документа, тогда целесообразно использовать *XML*-базу данных [4].

- При преобразовании *XML*-документа в реляционную БД практически неизбежно то, что некоторая часть информации об этом документе будет потеряна. Применение *XML*-баз данных позволяет этого избежать. Следовательно, если необходимо, чтобы данные сохраняли свою первоначальную структуру при хранении и извлечении, *NXD* – единственное решение. Полный обход является основным требованием в процессе выполнения интеграции в масштабе предприятия [там же]. Таким образом,

если необходимо, чтобы *XML-представление отражало копию реального мира, а также чтобы это XML-представление изменилось, если меняются базовые данные, более приемлемым является использование XML-СУБД.*

– Интеграция в масштабе учреждения. Наиболее общий способ применения XML, особенно ориентированного на данные, – это использование его как средства интеграции или обмена данными между приложениями [9]. Развитие потока сообщений (ПО) промежуточного слоя и расширение использования XML привело к возможности управления потоком сообщений с помощью NXD.

Таким образом, естественная *XML-база данных* [13]:

- определяет логическую модель XML-документа (в отличие от данных, содержащихся в этом самом документе), сохраняет и извлекает документы в соответствии с этой моделью;
- документ *XML* в *NXD-базах* выступает в качестве основной единицы хранения;
- *NXD-базы* могут быть построены на основе любой физической модели хранения информации.

NXD не представляют собой новую низкоуровневую модель БД и не призваны заменить уже существующие БД. Это инструментарий, цель которого – помочь разработчику, обеспечивая надежное хранение и манипулирование *XML-документами*.

Технология *NXD* обладает двумя важными достоинствами:

1. Эффективное использование в учреждениях, использующих несколько источников данных и различные типы программных технологий промежуточного слоя. Вместо того чтобы распределять функциональность *XML* между двумя этими уровнями (это может быть связано со значительными издержками), требуемую поддержку можно добавить за счет реализации *NXD*. Этот компонент предоставляет программные интерфейсы и методы доступа к данным, необходимые для поддержки различных приложений и манипулирования различными источниками информации.

2. *NXD* позволяет расширить возможности обработки уже существующих БД учреждения. Вместо того чтобы направлять

вычислительные ресурсы на преобразование *XML-данных*, их занесение и извлечение из нижележащих БД, перенос этих операций на *NXD* позволяет освободить их для более неотложных в часы пик задач, таких, как обработка транзакций.

На рисунке 1 представлена практическая реализация модели обмена данными в гетерогенной МИС посредством применения *XML-базы данных*.

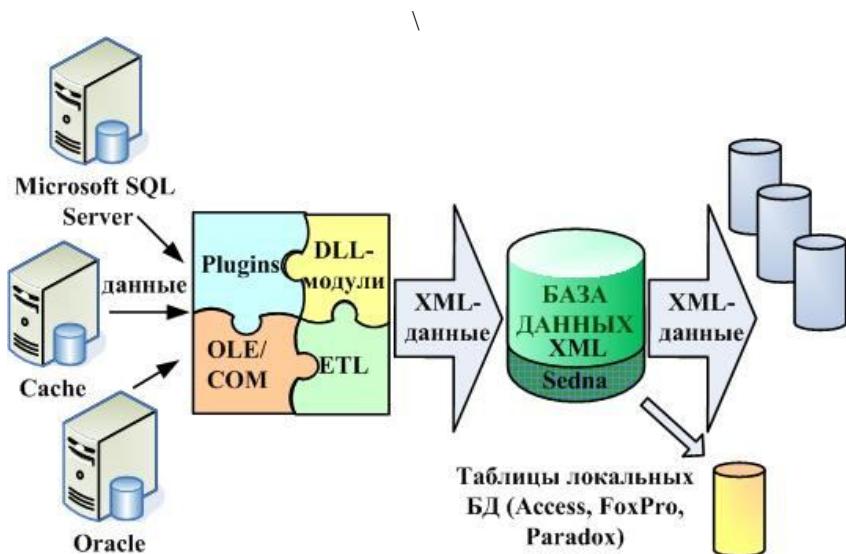

Рис. 1. Обмен данными в гетерогенной системе

Примечание. Составлено автором.

Для создания *XML-базы данных* была выбрана *XML-СУБД Sedna*, разрабатываемая исследовательской группой *MODIS* Института системного программирования РАН [14].

Практическая реализация системы управления гетерогенными данными в медицинской информационной системе

ИС лечебно-профилактического учреждения (ЛПУ) отличают колоссальные объемы и слабая структурированность дан-

ных, распределенный характер, неоднородность, независимость и различные условия сопровождения, управления и политики доступа к информационным источникам и сервисам.

В настоящее время МИС базируется на различного рода компьютерах, включая КПК, сканерах, начиная от планшетных и заканчивая томографами, и специальных устройствах для биометрических наблюдений, цифрового и аналогового хранения информации, видео- и фотосъемки, звукозаписи и воспроизведения. Системная организация хранения информации поддерживается СУБД, которые выбираются как в рамках клиент-серверной технологии, так и в виде традиционной БД для отдельного ПК.

К основным функциям МИС относятся сбор информации, которому предшествует получение первичных данных о пациенте в результате его осмотра или автоматически с помощью специального оборудования для регистрации состояния больного и из других специализированных МИС (например, по фармакопее, анестезиологии или из медицинских библиотек). В такой системе информация нуждается в структурировании и хранении, а также в средствах поиска не только по БД, но и в различных хранилищах, в частности рентгенограмм или кардиограмм. Большие объемы вычислений, связанные с количественной оценкой информации в системе, требуют включения в МИС разнообразных приложений. Существенное расширение круга оборудования, используемого в медицинском учреждении, и повышение качества медицинского обслуживания приводят к включению в ресурс МИС дополнительной информации. Таким образом, в МИС увеличение ресурса происходит в значительной мере за счет технологической информации.

Основными задачами, решение которых связано с определенными трудностями, возникающими при работе с распределенной медицинской системой, являются: централизованное управление сетью отделений, поддержание оперативного документооборота и составление отчетности. Трудности, возникающие при нахождении оптимального решения данных задач, являются следствием одной причины – отсутствия у подсистем клиники актуальной информации о деятельности других подсистем.

Секция 7

Решения этой проблемы, как уже было рассмотрено ранее, можно добиться естественным способом – включением всех объектов управления клиникой в единое информационное пространство.

Структура распределенной ИС ЛПУ, состоящая из нескольких информационных подсистем, представлена на рисунке 2.

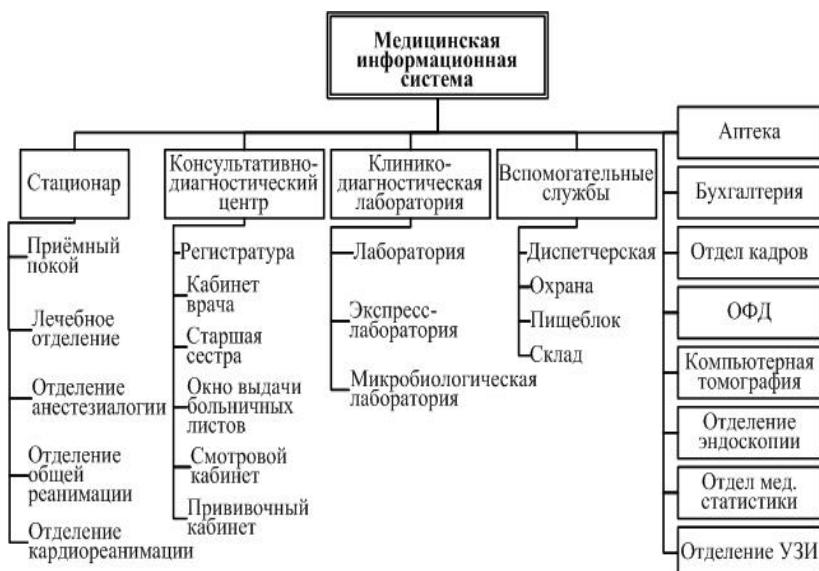

Рис. 2. Структура ИС ЛПУ

Примечание. Составлено автором.

Лечебное отделение стационара подразделяется на 6 подгрупп (см. рис. 3).

Секция 7

Рис. 3. Структура лечебного отделения

Примечание. Составлено автором.

Из представленных выше рисунков можно заключить, что ИС ЛПУ имеет гетерогенную структуру.

Таким образом, необходимо еще раз отметить, что для эффективного управления данными в МИС нужно учесть:

- данные, хранимые и используемые в системе, являются не жестко структурированными;
- запросы к содержимому документа достаточно сложны;
- схемы непрерывно развиваются, и невозможно это контролировать, следовательно, необходима возможность гибкого хранения;
- XML-представления должны отражать копию реального мира;
- необходима поддержка эффективной интеграции данных.

Итак, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о целесообразности применения *XML-ориентированных баз данных* с целью повышения эффективности управления информацией в гетерогенной МИС.

Оценка эффективности предложенного способа интеграции гетерогенных данных в МИС

Для определения целесообразности применения *XML*-технологий в ЛПУ производится оценка МИС в условиях риска на основе функции полезности. Операции, выполняемые в условиях риска, называются вероятностными. Однозначность соответствия между системами и исходами в вероятностных операциях нарушается. Это означает, что каждой системе (альтернативе) a_i ставится в соответствие не один, а множество исходов $\{y_k\}$ с известными условными вероятностями появления $p(y_k/a_i)$. Например, из-за ограниченных возможностей ПО для интеграции данных количество переданных сообщений за день может меняться случайным образом по известному закону.

Эффективность систем в вероятностных операциях находится через математическое ожидание функции полезности на множестве исходов:

$$K(a) = M_a[F(y)]. \quad (3)$$

При исходах y_k ($k = 1, \dots, m$) с дискретными значениями показателей, каждый из которых появляется с условно вероят-

Секция 7

нностью $p(y_k/a_i)$ и имеет полезность $F(y_k)$, выражение для определения математического ожидания функции полезности записывается в виде:

$$K(a_i) = \sum_{k=1}^m p(y_k/a_i)F(y_k), i = 1, \dots, n \quad (4)$$

Условия оценки систем в случае, когда показатели исхода вероятностной операции являются дискретными величинами, удобно задавать таблично.

Таблица 1

Условия оценки систем

a_i	y_k	$p(y_k/a_i)$	$F(y_k)$	$K(a_i)$
a_1	y_1	$p(y_1/a_1)$	$F(y_1)$	
	y_2	$p(y_2/a_1)$	$F(y_2)$	

	y_l	$p(y_l/a_1)$	$F(y_l)$	
a_2	y_1	$p(y_1/a_2)$	$F(y_1)$	
	y_2	$p(y_2/a_2)$	$F(y_2)$	

	y_l	$p(y_l/a_2)$	$F(y_l)$	

a_m	y_1	$p(y_1/a_m)$	$F(y_1)$	
	y_2	$p(y_2/a_m)$	$F(y_2)$	

	y_l	$p(y_l/a_m)$	$F(y_l)$	

Таким образом, для оценки эффективности систем в вероятностной операции необходимо:

- определить исходы операции по каждой системе;

- построить функцию полезности на множестве исходов операции ($m \geq 2$);
- рассчитать математическое ожидание функции полезности на множестве исходов операции для каждой системы.

Критерий оптимальности для вероятностных операций имеет вид:

$$K(a_i) = \max_{a_i} M_{a_i}[F(y)], i = 1, \dots, m \quad (5)$$

В соответствии с этим критерием оптимальной системой в условиях риска считается система с максимальным значением математического ожидания функции полезности на множестве исходов операции.

Оценка систем в условиях вероятностной операции – это оценка «в среднем», поэтому ей присущи все недостатки такого подхода, главный из которых заключается в том, что не исключен случай выбора неоптимальной системы для конкретной реализации операции. Однако если операция будет многократно повторяться, то оптимальная в среднем систем приведет к наибольшему успеху.

Сведение задачи оценки систем к вероятностной постановке применимо для операций, имеющих массовый характер, для которых имеется возможность определить объективные показатели сходов, вероятностные характеристики по параметрам обстановки и законы распределения вероятностей на множестве исходов операции.

Воспользуемся этим критерием для оценки эффективности интеграции гетерогенных данных в КИС с применением XML-баз данных. На основании мониторинга и статистических данных о передачах сообщений на протяжении 12 календарных месяцев строится диаграмма минимальных, максимальных и усредненных значений количеств удачных передач и количество передач всего для текущего способа интеграции и способа с применением XML-технологий, которая представлена на рисунке 4.

Секция 7

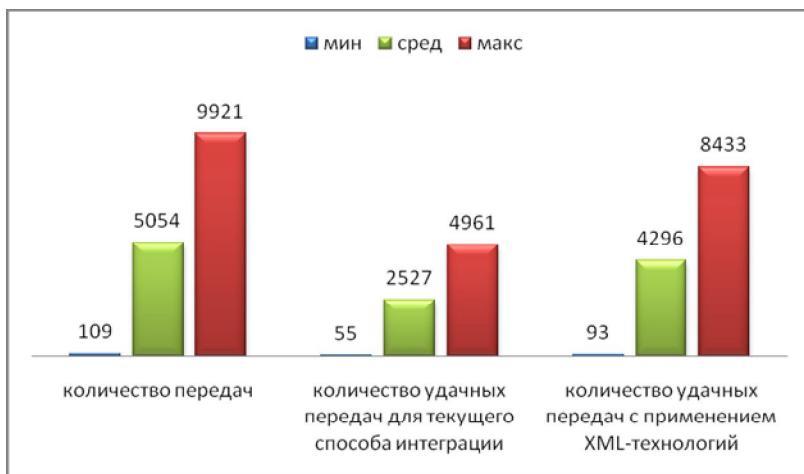

Рис. 4. Диаграмма количества передач сообщений

Примечание. Составлено автором.

Таким образом, операцией, используемой для оценки, является обмен сообщениями в распределенной ИС, показатель исхода операции – число переданных сообщений n_k , являющееся дискретной величиной. Числовые данные для оценки приведены в таблице 2.

Таблица 2

Данные для оценки способа интеграции

a_i	n_k	$p(n_k/a_i)$	$F(n_k)$	$K(a_i)$
Вариант 1.	168	0,89	0,01	0,029
Текущий способ интеграции	5 415	0,10	0,10	
	9 983	0,01	1,00	
Вариант 2.	168	0,60	0,01	0,136
Способ интеграции с применением XML-технологий	5 415	0,30	0,10	
	9 983	0,10	1,00	

Расчет показателей и оценка эффективности по критерию превосходства показывают, что в качестве оптимальной систе-

мы должен быть признан вариант 2 интеграции гетерогенных данных:

$$K(a_1) = 0,89 \cdot 0,01 + 0,1 \cdot 0,1 + 0,01 \cdot 1 = 0,029 \quad (6)$$

$$K(a_2) = 0,6 \cdot 0,01 + 0,3 \cdot 0,1 + 0,1 \cdot 1 = 0,136 \quad (7)$$

$$K(a_{\text{опт}}) = \max K(a_i) = K(a_2) = 0,136 \quad (8)$$

Заключение

Анализ существующих методов интеграции данных показал, что наиболее оптимальным для управления гетерогенными данными в МИС является применение *XML*-технологий, в частности *XML*-баз данных, практическая реализация которых позволила увеличить количество и качество передач сообщений, тем самым повысив эффективность управления.

Список литературы

1. Баранов, В. Двадцать один вопрос о корпоративных информационных системах / В. Баранов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.iteam.ru/publications/it/section_52/article_2210/. – Загл. с экрана.
2. Верников, Г. Технологическая эволюция корпоративных информационных систем / Г. Верников. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.citforum.ru/cfin/articles/kis_xml.shtml#1. – Загл. с экрана.
3. Когаловский, М. Р. Энциклопедия технологий баз данных : Эволюция технологий. Технологии и стандарты. Инфраструктура. Терминология / М. Р. Когаловский. – М. : Финансы и статистика, 2002. – 800 с.
4. Ладыженский, Г. Распределенные информационные системы и базы данных / Г. Ладыженский. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.citforum.ru/database/kbd96/45.shtml>. – Загл. с экрана.
5. Проблемы интеграции данных. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.citcity.ru/11154/>. – Загл. с экрана.
6. Панькин, А. В. Интеграция гетерогенных информационных потоков, циркулирующих в контуре управления / А. В. Панькин // Труды 2-го Международного семинара «Интеграция информации и ГИС». – СПб. : «Анатолия», 2005.

Секция 7

7. Рональд, Б. XML и база данных / Б. Рональд. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.intersoft.ru/xml_db. – Загл. с экрана.
8. Слухин, П. А. Адаптивные интерфейсы обмена коммерческой информацией : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.13 / П. А. Слухин. – М., 2006. – 25 с.
9. Старых, В. А. Спецификация и форматы обмена данными в разнородных информационных системах на базе XML-технологий. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.citforum.ru/internet/xml/xmltech/>. – Загл. с экрана.
10. Data Integration: The Key to Effective Decisions. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.businessobjects.com/global/pdf/White_papers/data_integration. – Title from screen.
11. Bourret R. Storing XML files. – Electronic text data. – Mode of access: <http://lists.xml.org/archives/xml-dev/200110/msg00347.html>. – Title from screen.
12. Champion M. XML Database Decision Tree? – Electronic text data. – Mode of access: <http://lists.xml.org/archives/xml-dev/200110/msg00698.html>. – Title from screen.
13. Native XML Databases. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.rpbourret.com/xml/XMLAndDatabases.htm>. – Title from screen.
14. Sedna XML DBMS. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.modis.ispras.ru/Development/sedna.htm>. – Title from screen.
15. XML и базы данных? Доверьтесь своей интуиции. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.iso.ru/journal/articles/206.html>. – Title from screen.

АНАЛИЗ КЛИНИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА БЕРЕМЕННОСТЕЙ, ОСЛОЖНИВШИХСЯ ПЕРИНАТАЛЬНОЙ ПОТЕРЕЙ

Д. Г. Коньков

*Кандидат медицинских наук, доцент акушерства и гинекологии
№ 1 Винницкого национального медицинского университета
имени Н. И. Пирогова, г. Винница, Украина*

Аннотация. Увеличение риска перинатальной смертности в большинстве своем связано с отсутствием надлежащего клинического менеджмента беременности. Данные о всех случаях перинатальной смертности в Винницкой области в период между 2009 и 2011 гг. ($N = 389$) были получены из медицинской документации. Основными причинами высокого уровня перинатальной смертности были недостатки в системе амбулаторного звена (неполноценное обследование, неправильная интерпретация маркеров перинатальной патологии), фактическое отсутствие стратификации перинатального риска, неадекватное назначение или не назначение препаратов по показаниям. Проведение грамотного клинического менеджмента неманифестирующей акушерской патологии на ранних сроках беременности позволит существенно снизить перинатальную смертность.

Abstract. Many characteristics with non adequate clinical management of pregnancy increase the risk for perinatal death. Data on all cases of perinatal deaths in Vinnitsya region between 2009 and 2011 ($n = 389$) were obtained from the medical documentation. The main risk factors that associated with increased risk of perinatal death were mistakes at antenatal clinic (defective surveys, incorrect interpretation of perinatal pathology markers, absence of prenatal risk stratification, inadequate designation or non-use drugs that should be needed. The competent clinical management of non clinical manifestation form of obstetric pathology in early pregnancy will reduce perinatal mortality significantly.

Ключевые слова: перинатальная смертность; стратификация перинатального риска; клинический менеджмент беременности.

Keywords: perinatal mortality; stratification of perinatal risk; clinical management of pregnancy.

За последние годы проблема охраны репродуктивного здоровья населения в Украине не утратила своей остроты. Сохраняющаяся угроза депопуляции, низкий уровень здоровья

женщин детородного возраста определяют чрезвычайную ценность каждой желанной беременности. Именно поэтому одним из эффективных направлений снижения перинатальных потерь признана создание персонализированной стратификации акушерского риска и целенаправленная профилактика акушерских осложнений, определяющих перинатальный исход [3, с. 7].

Значительную роль в снижении показателей перинатального здоровья и повышении уровня перинатальной смертности, что, наряду с материнской смертностью, является одним из ключевых показателей развития системы родовспоможения и медицины в целом, играют рост заболеваемости среди беременных, неудовлетворительное качество амбулаторной медицинской помощи, а также высокий уровень мертворождаемости и перинатальных потерь доношенных детей за счет предотвратимых осложнений в родах. Основными причинами высокого показателя перинатальных потерь являются недостатки в системе антенатального ухода (отсутствие рациональной системы оценки перинатального риска, низкое качество интерпретации пренатальной диагностики, неполноценность ультразвукового скрининга) [2, с. 12–18].

Нарушения физиологических механизмов гестации, возникающие в первом триместре беременности, являются предиктором развития акушерских осложнений в более поздние сроки, повышают риск во время родов и послеродового периода. В настоящее время не подлежит сомнению перенос приоритетов с лечебной помощи беременным на профилактическую, со второй половины беременности – на ранние сроки, что соответствует постулатам стратегии перинатального риска [1, с. 14].

Превентивное назначение витаминов, гормональных препаратов, дезагрегантов, фитопрепаратов не всегда предупреждает тяжелые формы патологии плода и перинатальную смертность, несмотря на определенный профилактический эффект медикаментозного лечения.

Кроме того, недооценка степени перинатального риска и его неадекватная интранатальная оценка в сочетании с элементами «акушерской агрессии» являются одной из основных причин тяжелого состояния у детей при рождении [4].

На современном этапе поиск, правильная интерпретация и внедрение скрининговых маркеров физиологического и осложненного течения беременности являются тем шагом, без которого нельзя надеяться на существенный прогресс в решении актуальных акушерских проблем.

За период 2009–2011 гг. лет в Винницкой области произошло 53 092 числа родов, рождаемость составляла 10,92 %, 10,65 % и 10,95 % соответственно годам исследования. Естественный прирост в приведенном выше временном периоде составил -5,34, -5,49 и -4,55. Динамика перинатальной смертности выглядела следующим образом: в 2009 г. этот показатель составлял 10,8 %, 2010 г. – 11,12 % и в 2011 г. – 11,14 %.

Таким образом, одними из основных задач клинической медицины являются: поиск предикторов доклинической диагностики перинатальной патологии; стратификация перинатального риска; разработка и введение эффективного клинического менеджмента в акушерскую практику (начиная с первого триместра беременности); и, безусловно, поиск способов своевременной и адекватной профилактики перинатальных потерь.

Целью нашего исследования было выявление наиболее частых факторов и причин перинатальной смертности и интерпретация возможных предикторов перинатальной патологии на основании данных ретроспективного анализа историй родов, закончившихся гибелью плода или новорожденного.

Материалы и методы

В соответствии с поставленной целью нашего исследования было проведено ретроспективное исследование особенностей клинико-лабораторной характеристики беременностей, которые завершились перинатальной смертностью в Винницкой области, на протяжении 2009–2011 гг. на основе данных статистической отчетности. Для анализа факторов, которые имели отношение к перинатальной смертности (389 случаев), использовался популяционный подход. Исследования проводились на базе родильного дома № 1 г. Винницы и областной больницы им. М.И. Пирогова г. Винницы. При анализе структуры перина-

тальной смертности наблюдался довольно стабильный показатель инTRANатальной смертности (2009 г. – 1,06 %, 2010 г. – 1,12 %, 2011 г. – 1,03 %), отмечалась определенная тенденция к снижению случаев антENатальной смертности (2009 г. – 5,73 %, 2010 г. – 5,3 %, 2011 г. – 5,18 %) и увеличение количества случаев ранней неонатальной смертности (2009 г. – 3,89 %, 2010 г. – 3,83 %, 2011 г. – 4, 96 %).

Результаты исследования

По результатам проведенного ретроспективного анализа было установлено, что 162 (41,6 %) женщины были беременными впервые, количество пациенток, рожавших впервые, – 236 (60,7 %), 153 женщины рожали повторно (39,3 %). Средний возраст женщин, обследованных ретроспективно, составлял $25,8 \pm 4,4$ года, 273 (70,2 %) женщины проживали в пределах областного (г. Винница) и районных центров, 29,8 % пациенток с перинатальными потерями проживали в сельской местности.

На учет по беременности 241 пациентка (61,9 %) стала в первом триместре беременности, 57 обследуемых (14,6 %) на учет стали после 20 недель, 36 (9,2 %) женщин не находились на учете до момента обращения в стационар. Домохозяйками были 212 (54,5 %) или имели отпуск по уходу за ребенком 43 (11,1 %). 104 женщины были служащими (26,7 %). 30 пациенток работали на производстве (7,7 %).

При анализе соматического статуса было установлено, что экстрагенитальная патология манифестируала в виде патологии сердечно-сосудистой системы (11,6 %), желудочно-кишечного тракта (30,3 %), эндокринопатий (32,1 %), анемии (46,1 %) и заболеваний мочеполовой системы (33,7 %). Заболевания дыхательной системы были выявлены у 169 пациенток (43,4%), однако такое количество пациентов обусловлено, прежде всего, респираторной инфекцией во время беременности, которая наблюдалась в 154 (39,6%) случаях.

Анализ менструальной функции и гинекологический анамнез свидетельствовали о позднем начале месячных ($15,3 \pm 1,1$ года), наличии у женщин нарушений оварио-

Секция 7

менструального цикла (38,1 %), воспалительной патологии половых органов (52,4 %). 56,8 % женщин начали половую жизнь до брака. У 76 (19,5 %) пациенток, в анамнезе, диагностировали бесплодие.

АбORTы были выполнены 264 женщинам (67,9 %), причем у 138 пациенток отмечалось прерывание первой беременности (35,5 %).

Согласно полученным результатам, 197 (50,6 %) случаев спонтанного прерывания беременности приходилось на I триместр, в сроке до 20 недель – в 72 (18,5 %) случаях. Один самоизъявленный выкидыш отмечали 112 женщин, два выкидыша – 48, три и более – 37. Замершая беременность диагностировалась у 176 (45,2 %) женщин (в сроке до 7 недель – 31,6 %). Анамнестические преждевременные роды отмечались у женщин с перинатальными потерями в 24 случаях (6,2 %).

Угрожающий и начинаящийся выкидыш, при анализируемой беременности, диагностировались у 301 (77,4 %) пациентки (в I триместре). Чрезмерная рвота беременных отмечалась у 167 (42,9 %) обследованных. Плацентарная дисфункция была диагностирована у 278 (71,5 %) женщин, задержка внутриутробного роста и развития обнаружилась у 231 (59,4 %) пациентки. У 137 (33,2 %) женщин диагностировалась патология плацентации и локализации плаценты (предлежание плаценты, низкое расположение плаценты, приращение плаценты, патология прикрепления пуповины, преждевременная отслойка плаценты, узлы пуповины). В 192 (49,4 %) случаях наблюдалась беременность, осложненная преэкламсией. 241 роды у женщин с перинатальными потерями были преждевременными (61,9 %), причем на долю новорожденных с весом менее 1 000 г ($707,3 \pm 157,3$ г) приходилось 21,3 %, вес менее 2 000 г. ($1485,1 \pm 280,5$ г) – 37,0 %.

При анализе документации удалось установить, что в качестве возможной причины перинатальной смерти в диагнозе указывались: плацентарная недостаточность (238 – 61,2 %), отслойка плаценты (59 – 15,2 %), острый дистресс плода (тугое обвитие пуповины) (76 – 19,5 %). При анализе причин ранней неонатальной смертности по Винницкой области за 2009–2011 гг. отмечалось общее увеличение случаев патологии в

2011 г., по сравнению с 2010 годом. Особенно это касалось новорожденных с врожденными аномалиями и хромосомными нарушениями ($0,45\%$ – $0,29\%$), врожденными пневмониями ($0,36\%$ – $0,17\%$), инфекционными поражениями специфическими для перинатального периода ($0,51\%$ – $0,23\%$). Хотя гибель новорожденных вследствие асфиксии в родах уменьшилась на $0,23\%$.

В дальнейшем мы предприняли ретроспективно сравнить результаты лабораторных и аппаратных исследований у женщин с перинатальными потерями ($n = 389$) и рожениц, у которых беременность, роды и послеродовой период проходили без осложнений ($n = 200$). Уровень гемоглобина составлял в среднем $104,8 \pm 9,4$ г/л, количество эритроцитов – $3,1 \pm 0,25 \cdot 10^{12}$ /л, лейкоцитов – $9,4 \pm 1,8 \cdot 10^9$ /л, скорость оседания эритроцитов – $36,1 \pm 5,2$ мм/ч – у женщин с перинатальными потерями. У рожениц после физиологического течения беременности $115,3 \pm 6,6$ г/л, $3,5 \pm 0,11 \cdot 10^{12}$ /л, $7,3 \pm 1,1 \cdot 10^9$ /л, $26,2 \pm 3,9$ мм/ч – соответственно. Количество тромбоцитов у 225 (57,8 %) женщин с перинатальными потерями – $216,4 \pm 24,8 \cdot 10^9$ /л. Концентрация фибриногена у женщин с перинатальными потерями – $3\ 801,8 \pm 404,0$ мг/л, протромбиновый индекс – $96,0 \pm 7,2$ %, у пациенток с физиологическим течением беременности значение фибриногена и протромбинового индекса составляли, соответственно, $3\ 228,1 \pm 422,5$ мг/л и $89,3 \pm 7,1$ %. При проведении анализа результатов пренатального скрининга I триместра беременности у женщин с перинатальными потерями ($n = 68$) уровень β -субъединицы хорионического гонадотропина и протеин-А плазмы, который ассоциирован с беременностью, – $1,88 \pm 0,3$ MoM и $0,75 \pm 0,2$ MoM, у пациенток с физиологическим течением беременности ($n = 42$) – $1,47 \pm 0,2$ MoM и $1,6 \pm 0,2$ MoM соответственно. Результаты пренатального скрининга II триместра у группы женщин с проблемной патологией ($n = 47$) показали: β ХГЧ – $2,64 \pm 0,4$ MoM, α -фетопротеин – $2,52 \pm 0,3$ MoM и эстриол – $2,68 \pm 0,4$ нг/мл. У женщин с неосложненным течением беременности ($n = 35$) – соответственно $1,69 \pm 0,2$ MoM, $1,31 \pm 0,2$ MoM и $6,19 \pm 0,6$ нг/мл. У женщин ($n = 54$), беременность которых закончилась фатально, прогестерон был в пределах $12,23 \pm 2,5$ нг/мл (I триместр). У женщин с

физиологической беременностью ($n = 46$) уровень прогестерона составлял $21,91 \pm 1,9$ нг/мл. Однако неизвестно, получали ли беременные препараты, содержащие прогестерон. При проведении ультразвукового ($n = 204$) и допплерометрического ($n = 142$) исследований пациентов с последующими перинатальными потерями у 11 беременных (5,4 %) диагностировали гипоплазию плаценты, у 21 (10,3 %) – гиперплазию плаценты, у 26 (12,7 %) – предлежание плаценты, у 43 (21,1 %) – патологию прикрепления пуповины, у 27 (13,2 %) – многоводие, у 9 (4,4 %) – маловодие. Снижение маточно-плацентарного кровотока фиксировали в 54 (38,0 %) случаях, при этом наиболее часто встречалась изолированная (36 наблюдений – правосторонняя) асимметричная форма нарушения, снижение плодово-плацентарного кровотока – у 19,7 %. Хотелось бы отметить, что подавляющее число обследований кровотока проводилась в сроке беременности 28 недель. 28 перинатально-умерших детей (13,7 %) имели врожденные пороки развития (урогенитального тракта и сердца).

Терапевтические мероприятия, проводимые в ретроспективной группе, носили преимущественно лечебный характер, данных про использование превентивной терапии мы в представленной документации не находили. Также нами отмечено, что в большинстве случаев при перинатальной смертности отсутствовал персональный план ведения данной беременности.

При проведении патологоанатомического исследования определялись признаки плацентарной дисфункции и воспаления (терминальные ворсины без сосудов, незрелые ворсинки без синцития – капиллярных мембран, в сочетании с очаговыми некротическими изменениями, атрофия, фиброзный склероз ворсин, тромбозы сосудов и межворсинчатых пространств, а также очаги нейтрофильной и лимфоцитарной инфильтрации).

Таким образом, показатели перинатальной смертности по Винницкой области в 2009–2011 гг. оставались на относительно стабильном уровне, при незначительном уменьшении антенатальной смертности, наряду с увеличением ранней неонатальной смертности. Подобная динамика перинатальной смертности может свидетельствовать о недостаточной организации помощи при срочных родах.

Также следует учитывать, что соотношение мертворождаемости и ранней неонатальной смертности в структуре перинатальной смертности носит неустойчивый характер и зависит от числа индуцированных родов с пороками развития плода и поступления женщин с антенатально умершим плодом.

Большую часть женщин с перинатальными потерями составляли пациентки с возрастом до 30 лет (86,5 %). 38,1 % женщин стали на учет по беременности после 20 недель или не стояли вообще. Достаточно большая группа женщин неработающие (65,6 %).

Отметили мы и то, что большинство женщин начали половую жизнь до брака (56,8 %). Также отмечалось достаточно большое количество самопроизвольных выкидышей и замерших беременностей, а также и то, что большее количество беременностей прерывались в первом триместре. Анализируемая беременность осложнялась угрожающим выкидышем (с кровяными выделениями, наличием субхориальных и/или ретроплацентарных гематом) у 77,4 % пациенток, плацентарной дисфункцией – 71,5 %, задержкой внутриутробного роста и развития плода – 59,4 %, преэклампсией – у 49,4 %. Подавляющее количество родов (61,9 %) закончилась преждевременно.

При исследовании соматического анамнеза женщин установлено, что у 58,9 % пациенток имелась экстрагенитальная патология, с выраженным преобладанием заболеваний инфекционно-воспалительного генеза (в 30,3 % случаев – патология желудочно-кишечного тракта, 33,7 % – мочеполовой системы и в 43,4 % – заболевания респираторной системы). Причем случаи респираторной вирусной инфекции во время анализируемой беременности наблюдались у 154 (39,6 %) женщин.

При лабораторных исследованиях у пациенток с перинатальными потерями определяли тенденцию к умеренной гиперкоагуляции и относительную гипопротеинемию. При анализе перинатальных скринингов, прежде всего, хотелось бы отметить достоверные уменьшения ПАПП-А в первом триместре, эстриола – во втором триместре и увеличение АФП – во втором триместре беременности. Вышеуказанные изменения этих субстанций могут свидетельствовать о наличии неманифестирующей пе-

ринатальной патологии еще на доклиническом этапе, учитывая количество мальформаций плода.

При анализе инструментальных методов обследования хотелось бы отметить допплерометрию, однако в существующем исследовании, учитывая сроки их проведения, этим методикам отводилась роль констатирующих, а не предикторных. Обращает на себя внимание достаточное количество пациенток с аномальной плацентацией и патологией прикрепления пуповины (33,8 %) и беременных со сниженным маточно-плацентарным и плодово-плацентарным кровотоком (57,7 %).

При морфологическом исследовании на передний план патогенеза внутриутробной гибели плода приходились результирующие нарушения локальной сосудистой адаптации (некомпенсированные дефекты плацентации и нарушение дифференцировки цитотрофобласта), обусловленные неадекватной реканализацией маточно-плацентарных артерий, активацией эндотелиальных клеток с последующим развитием воспалительной реакции. Неполная конверсия спиральных артерий с сохранением гладкомышечных элементов в стенках спиральных артерий, снижению перфузии межворсинчатого пространства, ишемии, тромбозу плацентарных сосудов, на почве которого развиваются фибринOIDНЫЙ некроз, острый атероз и интраклюминарный тромбоз артерий плаценты [5].

Проанализировав полученные результаты, нужно заметить, что основными причинами высокого показателя перинатальной смертности были недостатки в системе амбулаторного звена (неполночленное обследование, неправильная интерпретация маркеров перинатальной патологии (ХГЧ, ПАПП), допплерометрия), фактическое отсутствие стратификации перинатального риска, недооценка определенной клинической ситуации, которая была связана с задержкой времени относительно принятия решения, неадекватное назначение или не назначение препаратов по показаниям.

Проведенное исследование показало необходимость дополнительной интерпретации персонализированных факторов перинатального риска, доклинической диагностики перинатальной патологии, раскрыло недостатки информирования и консультирования на амбулаторном этапе беременных в плане

Секция 7

своевременного обращения за медицинской помощью и назначения адекватной профилактической терапии.

Выводы

1. Проведенное ретроспективное исследование выявило отсутствие персонализированной оценки акушерского и перинатального рисков при беременностях, закончившихся гибелью плода или новорожденного.
2. Отмечается как низкое качество пренатальной диагностики, так и неадекватная интерпретация полученных результатов при перинатальных потерях.
3. Проведение грамотного клинического менеджмента неманифестирующей акушерской патологии на ранних сроках беременности позволит существенно снизить перинатальную заболеваемость и смертность.

Список литературы

1. Перинатальный аудит при преждевременных родах / В. И. Кулаков [и др.]. – М. ; Эдинбург : Изд-во «Водолей», 2005. – 223 с.
2. Пестрикова, Т. Ю. Перинатальные потери, резервы снижения / Т. Ю. Пестрикова, Е. А. Юрасова, Т. М. Бутко. – М. : Литтера, 2008. – 199 с.
3. Попова, Н. Н. Антенатальные предикторы исходов беременности : дис. канд. мед. наук / Н. Н. Попова. – Ростов н/Д, 2010. – 138 с.
4. Характеристика беременности, родов и перинатальных исходов в зависимости от степени перинатального риска / Л. Б. Казарян, С. В. Апресян, Т. В. Златовратская, Л. Б. Заякина // Вестник РУДН. – 2007. – № 5. – С. 50–53.
5. Эндотелиальная дисфункция в генезе перинатальной патологии. / Г. Т. Сухих [и др.] // Акушерство и гинекология. – 2008. – № 5. – С. 3–7.

КРЕАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ В ЛЕЧЕНИИ ЦЕРВИКАЛЬНОЙ ИНТРАЭПИТЕЛИАЛЬНОЙ НЕОПЛАЗИИ

O. A. Таран

*Кандидат медицинских наук, доцент акушерства и гинекологии
№ 1 Винницкого национального медицинского университета
имени Н. И. Пирогова, г. Винница, Украина*

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного исследования комбинированной терапии ЦИН, ассоциированной с папиломовирусной инфекцией, лазерной вапоризации и криодеструкции. В качестве этиотропной терапии использовали препарат «Аллокин-альфа». Установлена более высокая эффективность применения метода лазерной вапоризации в терапии ЦИН I, по сравнению с криодеструкцией. Метод обладает хорошей переносимостью, обеспечивает высокий темп эпителизации, отличается практически отсутствием боли и выделений, большей скоростью репарации в комплексе с «Аллокин-альфа».

Abstract. The article presents results of a comparative study of combination therapy by laser vaporization and cryoablation of CIN associated with human papillomavirus infection. We usage "Allokin-alpha" for causal treatment. Applied a higher efficacy of laser vaporization in the treatment of CIN I compared with the cryo-destruction. The method was well tolerated, provided a high rate of epithelialization, differs substantially the absence of pain and discharge, the timing complete epithelialization showed significantly greater with "Allokin-alpha."

Ключевые слова: лазерная вапоризация, криодеструкция, цервикальная интрапитиэлиальная неоплазия.

Keywords: *laser vaporization, cryosurgery, cervical intraepithelial neoplasia.*

Рак шейки матки (РШМ) занимает одно из ведущих мест среди причин женской смертности, которая обусловлена онкологией [1]. В соответствии с официальной статистикой МОЗ Украины, по причине РШМ ежедневно погибают 6 женщин, ежегодно умирают, по этой причине, 2,5 тыс. украинок. В то же время РШМ выявляют преимущественно во время профосмот-

ров, при этом выявляемость на поздних стадиях развития патологии достигает 20 %. 23 % женщин погибают в течение года после установления диагноза. Во всем мире каждый год более чем у 500 тыс. женщин впервые диагностируется РШМ и 280 тыс. женщин умирают от этого заболевания [7]. Самым негативным компонентом вышеупомянутой ситуации является то, что большая часть таких пациенток – это женщины репродуктивного возраста, что усугубляет социальную значимость заболевания.

Среди факторов риска РШМ: раннее начало половой жизни, сексуальная активность и частая смена половых партнеров, папилломавирусная инфекция (ПВИ) и вирус простого герпеса (ВПГ), курение (образование во влагалище канцерогенных веществ – нитрозаминов и котанина), иммунодефицитные состояния, использование оральных контрацептивов, аборты и хирургические вмешательства, гормональные нарушения, неполнценное питание [3; 6].

Вирусные инфекции, передающиеся половым путем, считаются главным фактором в развитии неоплазии и РШМ. ПВИ – один из наиболее распространенных видов инфекции, передающейся преимущественно половым путем, представлен более 230 разнообразными генотипами и инфицирует клетки плоского эпителия тканей половой системы. Генотипы ПВИ 31, 33, 35 принадлежат к промежуточным в плане риска развития злокачественной трансформации и определяются при разных степенях неоплазии. Этиологическая роль онкогенных типов ПВИ (16 и 18) доказана в развитии неоплазии многослойного плоского эпителия шейки матки, с возможным прогрессированием в преинвазивный и инвазивный рак шейки матки. Доказано, что частота возникновения рака шейки матки у женщин с ПВИ «высокого риска» возрастает в среднем в 30 раз, по сравнению с незаряженной ПВИ популяцией [6; 7; 9]. Долгосрочные исследования показали, что у женщин с наличием ДНК ПВИ высокого онкогенного риска РШМ развивается в 15–28 % случаев, в то время как в отсутствие ДНК ПВИ – лишь 1–3 % случаев. Однако длительная персистенция вируса, его спонтанное регрессирование и низкий уровень прогрессии цервикальной интраэпителиальной неоплазии в рак дает возможность предположить, что

вирус папилломы человека является необходимым, но недостаточным фактором канцерогенеза [11].

Указанные факты являются свидетельством актуальности проблемы лечения предраковых заболеваний шейки матки, необходимости разработки новых и совершенствовании существующих методов их лечения. Реальной профилактикой рака шейки матки является ранняя диагностика и дифференцированный подход к лечению цервикальной неоплазии на ранних стадиях развития этой патологии.

Перечень лечебных методик, имеющихся в распоряжении специалистов для лечения цервикальной интрапептиelialной неоплазии (ЦИН), включает: консервативные методы лечения, химическую деструкцию, ДЭК, криодеструкцию, радиохиургическое воздействие, лазерную коагуляцию, фотодинамическую терапию [2; 4].

Недостатки традиционных методов лечения заболеваний шейки матки:

– диатермоэксцизия (ДТЭ). За рубежом ДТЭ используется только при ЦИН, а диатермоконизация – при cancer *in situ*. К недостаткам следует отнести: нерегулируемую глубину коагуляции; высокую вероятность глубоких некрозов; развитие рубцевания, которое вызывает изменения, известные как «синдром коагулированной шейки матки», приводящий к рубцовыми деформациям и стенозированию цервикального канала;

– криодеструкция (КДС). Вмешательство безболезненное, не сопровождается кровотечением, не вызывает склерозирования соединительной ткани, не деформирует шейки матки и не вызывает проблем с раскрытием шейки в родах. К недостаткам следует отнести неточность регулирования глубины воздействия, а соответственно, и глубины некроза, достаточно высокую частоту рецидивов. При отторжении струпа (коликвационный некроз) длительное время пациенток беспокоят выделения;

– химическая коагуляция (ХК). Используют растворы кислот, ваготил, солковагин и др. Применяется в амбулаторных условиях для лечения только небольших и неглубоких изменений.

Для лечения ЦИН также широко используются высокоинтенсивные диодные лазеры, которые имеют ряд преимуществ перед другими видами терапии и обеспечивают [4; 5]:

- радикальность оперативного вмешательства;
- локальность и прецизионность воздействия;
- минимальное повреждение окружающих тканей;
- эффективный гемо- и аэростаз;
- высокую стерильность и аблестичность;
- отсутствие энергетических потерь на разнообразных узлах передачи и стыка.

Портативность лазера позволяет использовать его как в условиях операционной, так и амбулаторных условиях на разных лечебных базах.

Наличие такого перечня методик свидетельствует, скорее всего, о нерешенности проблемы и об отсутствии единственной оптимальной методики лечения патологии шейки матки, которая бы удовлетворяла всем современным требованиям. Поэтому в состав комплексного лечения ЦИН на фоне ПВИ должна входить адекватная этиотропная терапия (интерфероны и их индукторы) в сочетании с лазером [8; 10].

Учитывая отсутствие в нашей стране современного руководства и стандартов по проведению лечебных манипуляций на шейке матки при ЦИН имеется настоятельная необходимость в проведении данного исследования, что позволит приблизить отечественные рекомендации к международным. Все выше перечисленное и определяет актуальность работы.

Целью исследования явилось сравнительное изучение терапевтической эффективности лазерной вапоризации и криодеструкции шейки матки в лечении ЦИН I, ассоциированной с ПВИ.

Материалы и методы исследования

Для решения поставленных задач за период с 2010 по 2012 г. в медицинском центре «ПУЛЬС», г. Винница, и на кафедре акушерства и гинекологии № 1 Винницкого национального медицинского университета им. Н. И. Пирогова было проведено обследование 72 женщин с ЦИН I, у которых предыдущая консервативная терапия была неэффективной.

Исследование проспективное «случай – контроль».

Критериями включения пациентов в данное исследование являлись:

1. Клинически и морфологически подтвержденный диагноз «Цервикальная интраэпителиальная неоплазия I степени тяжести (ЦИН I)».
2. Верифицированное методом ПЦР наличие ДНК ВПЧ: 16, 18, 31, 33 типов в соскобах из цервикального канала.
3. Возраст пациенток от 22–39 лет.
4. Отсутствие значимой экстрагенитальной патологии (сахарный диабет, аутоиммунные заболевания, обострение хронических заболеваний желудочно-кишечного тракта, носоглотки и урогенитального тракта).

Согласно цели исследования, больных разделили на 2 клинические группы: группу, в которую вошли 38 пациенток, получали в качестве ablации шейки матки криодеструкцию, и группу, которую составили 34 пациентки, – лазерную вапоризацию.

Контрольную группу, полученную методом случайной выборки, составили 18 женщин с ПВИ, у которых отсутствовали клинико-морфологические изменения эпителия шейки матки и иная гинекологическая патология.

В качестве предоперационной подготовки всем пациенткам с инфекцией половых путей проводилась этиотропная иммуномодулирующая терапия, восстановление нормального микробиоценоза влагалища. Пациентки всех групп в качестве этиотропной терапии получали противовирусное лечение препаратом «Аллокин-альфа», по 1,0, подкожно, через день, № 3.

Лазерная вапоризация осуществлялась при применении диодного лазера «Лика-хирург» (далее – ЛХ), работающего в инфракрасном диапазоне с длиной волны 940 нм, терапевтической выходной мощностью 18 Вт (свидетельство о государственной регистрации № 4710/2006). При обработке с помощью лазера патологического участка применяли воздействие расфокусированным лазером приблизительно 1 см² [1]. С целью обезболивания использовался анестезирующий спрей «Лидокаин», 10 %. Дополнительных методов анестезии не использовалось.

Криодеструкцию пораженных участков эпителия выполняли с помощью автономного криохирургического аппарата «Криотон-3» со сменными наконечниками, рабочая поверхность которых соответствовала зоне поражения; процедуру проводили двумя циклами по 50–90 с. Температура аппликатора при контакте с тканью достигала значения -170 °С.

Аблации шейки матки проводились с 4-го по 10-й день менструального цикла, что гарантировало профилактику шеечного эндометриоза и создавало оптимальные условия для регенерации, учитывая естественный гормональный фон. В послеоперационном периоде пациенткам рекомендовалось в течение 2 недель избегать чрезмерных физических нагрузок, тепловых процедур (сауна, горячая ванна), купание в бассейне и открытых водоемах, 4 недели после проведения процедуры воздерживаться от половых отношений, при следующих месячных применять гигиенические тампоны.

Проведение кольпоскопического исследования позволяло проследить динамику течения послеоперационного периода. Цитологическое исследование проводилось всем пациенткам до поступления в стационар традиционным методом с окраской по Папаниколау и методом жидкостной цитологии.

Контрольные осмотры проводили через 1, 3 и 6 месяцев. Через 6 месяцев всем больным приводили расширенную кольпоскопию и цитологические исследования.

Статистическая обработка результатов исследования была выполнена с помощью тестового анализа категориальных данных, где определялась частота встречаемости каждого признака в абсолютных числах и их процентном выражении.

Результаты и их обсуждение

При контрольном осмотре через 1 месяц в клинических группах женщин с ЦИН I был отмечен положительный эффект лечения, независимо от локализации патологических изменений. Причем полная репарация была достигнута у 12 пациенток (35,3 %) после лазерной вапоризации и у 2 пациенток после криодеструкции (5,3 %). Полная репарация характеризовалась

Секция 7

формированием нормального (многослойного плоского) эпителия шейки матки.

У всех женщин после лазерной вапоризации отторжение струпа наблюдалось на 8–11-е сутки после сеанса терапии. Кроме того, в этой группе пациенток 11 женщин отмечали неинтенсивные тянущие боли внизу живота (32,3 %) и 8 – появление беловато-коричневых выделений (23,5 %) на протяжении 2–3 недель. Появление выделений объяснялось отхождением коагуляционной пленки.

В группе, где применялась криодеструкция ЦИН I, обильные водянистые выделения наблюдались у всех 38 (100 %) пациенток в течение 20 дней, затем интенсивность постепенно снижалась, полностью исчезали через 24–31 день. После выполнения криодеструкции боль отмечалась у 17 больных (44,7 %), что заставляло применять обезболивание в виде инъекций или таблетированных препаратов после выполнения процедуры.

При проведении контрольной кольпоскопии в группе пациенток, которым была выполнена лазерная вапоризация поврежденных участков, средний срок полной эпителизации составлял $41,3 \pm 11,2$ суток. Одной из особенностей репаративных процессов после воздействия диодного лазера, обнаруженных с помощью кольпоскопии, является выраженная васкуляризация эпителлизирующейся поверхности. В данной группе обследуемых было отмечено 3 случая (8,8 %) образования рубцов в зоне воздействия. По-видимому, такой результат объяснялся тем, что при большой площади поражения технически труднее обеспечить необходимую глубину воздействия на всей площади, которая подвергается воздействию лазерного излучения, либо несоблюдением женщинами особенностей ведения послеоперационного периода (ранний половой контакт). После повторного обследования (расширенная кольпоскопия, цитологическое исследование), через три месяца, было проведено повторное лазерное вмешательство.

В группе обследуемых после криодеструкции шейки матки при кольпоскопии средний срок полной эпителизации составил $60,4 \pm 12,0$ суток. Рубцовые изменения присутствовали в 5 случаях (13,2 %). Повторное вмешательство после криодеструкции методом лазерной абляции пришлось выполнять 4 жен-

щинам (10,5 %). Хотя результаты российских специалистов свидетельствуют о том, что эффективность криохирургического метода лечения достаточна высока, так как при криодеструкции происходит разрушение фибробластов, отсутствует их пролиферация, вероятность образования рубцов минимальна. После криовоздействия шейка матки не теряет своей эластичности, не возникает стенозирования цервикального канала, не развиваются рубцовые изменения и структурные нарушения органа, что в дальнейшем не оказывает отрицательного влияния на процесс раскрытия шейки матки во время родов [4].

Бактериоскопическое исследование, проведенное через 60 суток, выявило, что оперативное воздействие диодного лазера ЛХ не оказalo патологического влияния на биоценоз влагалища (воспалительный тип мазка, дисбиоз, кандидоз), чистота влагалищного содержимого в данной группе значительно улучшилась и соответствовала II и III степени у 34 (100 %). Аналогичный показатель в группе, где пациенткам проводилась криодеструкция, оказался равным 22 (57,2 %).

Цитологическое исследование раневого экссудата из заднего свода влагалища проводилось на 30-е и 60-е сутки после лечения. На 30-е сутки у больных после криодеструкции шейки матки диагностировали воспалительно-регенеративный тип мазка: нейтрофилы – 60–70 %, лимфоциты – 25 %, макрофаги, моноциты и фибробlastы – 10–15 %. У пациенток после лазерной вапоризации в указанные сроки определяли преимущественно регенеративный тип мазка, который характеризовался снижением уровня нейтрофилов до 40–50 %. На 60-е сутки в обеих группах определялся регенеративный тип мазка.

Бесконтактное воздействие предупреждало образование глубокого коагуляционного некроза, а соответственно, и возникновение кровотечений, приводило к укорочению сроков заживления лазерной раны и предотвращало образование рубцовых изменений, что особенно желательно при операциях на шейке матки у женщин репродуктивного возраста, в том числе у нерожавших. Кроме того, преимуществами использования полупроводникового диодного лазера ЛХ являлись: образование пленки на патологической поверхности, которая имеет барьерные и защитные свойства, что улучшало динамику послеопера-

ционного периода; стерилизация обрабатываемого участка и незначительная продолжительность процедуры.

Кроме того, в результате проведенного исследования было выявлено, что поражения шейки матки были ассоциированы с HPV-инфицированием, которое в 77,8 % случаев протекало как монойнфекция. Превалирующим (80,5 %) было поражение шейки матки 16, 18, 31 и 33 типами HPV, которые принято считать канцерогенными [9]. Низкоонкогенные 6 и 11 типы HPV при поражениях шейки матки составили лишь 19,5 %. Как известно, наиболее агрессивными являются ассоциированные инфекции, в результате хронизации процесса с формированием стойких, неспецифических патологических изменений цервикального эпителия и усиливающегося дисбаланса локальных иммунных реакций [6; 7]. При цервикальной дисплазии HPV-инфекция в 22,2 % случаев имела ассоциированный характер.

У пациенток группы (HPV монойнфекция) отмечалась более быстрая положительная клиническая динамика. Методом ПЦР лишь у одной больной после проведенного лечения выявлялась ДНК ПВЧ. Ни у одной больной не выявлялось каких-либо побочных действий или аллергических реакций на применение «Аллокин-альфа», но большая часть пациенток отмечала болезненность при под кожном введении препарата.

Таким образом, эффективность проведенного комбинированного лечения доказана клиническим, кольпоскопическим методами исследований. Результаты клинических исследований убедительно показали высокую эффективность применения метода лазерной вапоризации в терапии ЦИН I, по сравнению с криодеструкцией. Метод обладает хорошей переносимостью, обеспечивает высокий темп эпителизации, отличается практическим отсутствием боли и выделений. Изучение сроков полной эпителизации показали значительно большую скорость репарации эпителия шейки матки у пациенток после лазерной вапоризации.

Выводы

1. Использование полупроводникового диодного лазера ЛХ для комбинированного лечения ЦИН I, ассоциированного с

ПВИ, свидетельствует о высокой эффективности лечения (укорочение сроков полной эпителизации, отсутствие патологического влияния на биоценоз влагалища) при минимальном количестве побочных эффектов, по сравнению с криотерапией.

2. Применение «Аллокина-альфа» позволяет ускорить процесс выздоровления, сократить количество рецидивов.

Список литературы

1. Вакуленко, Г. А. Ключевые звенья патогенеза рака шейки матки, определяющие клинические перспективы / Г. А. Вакуленко, Е. П. Манжура, И. Б. Щепотин // Здоровье женщины. – 2006. – № 2 (26). – С. 202–206.
2. Волошина, Н. Н. Комплексное криохирургическое лечение фоновых заболеваний шейки матки при папилломавирусном инфицировании / Н. Н. Волошина, Н. С. Луценко // Проблемы криобиологии. – 1998. – № 2. – С. 64–67.
3. Дамиров, М. М. Коррекция микроциркуляторных нарушений у больных лейкоплакией шейки матки / М. М. Дамиров, А. С. Бушкова // Вестник перинатологии, акушерства и гинекологии. – Красноярск, 2011. – Вып. 17. – С. 198–205.
4. Дамиров, М. М. Радиоволновые, криогенные и лазерные технологии в диагностике и лечении в гинекологии / М. М. Дамиров. – М. : Бином, 2011. – 320 с.
5. Зуев, В. М. Применение лазерного излучения для лечения патологии шейки матки / В. М. Зуев // Заболевания шейки матки влагалища и вульвы : (Клинические лекции) / под ред. В. Н. Прилепской. – М. : Медпресс, 2000. – 432 с.
6. Онкологический потенциал различных патологических состояний шейки матки / Н. Л. Овсянкина, Н. Ю. Мелехова, А. Н. Иванян [и др.] // Журнал акушерских и женских болезней. – 2006. – Т. LV, вып. 3. – С. 17–19.
7. Потапов, В. О. Досвід медикаментозного лікування високоонкогенної ВПЛ-інфекції шийки матки / В. О. Потапов, О. В. Шпонька // Здоровье женщины. – 2010. – Т. 53, № 7. – С. 198–200.
8. Роль иммуномодулятора Аллокин_альфа в комплексном лечении папилломавирусных поражений шейки матки / С. Н. Гайдуков, М. А. Петряева, О. С. Клюс, О. Н. Комисарова // Terra Medica. – 2007. – № 2 (46). – С. 44–46.
9. Эктопия шейки матки и папилломавирусная инфекция / Н. Л. Овсянкина, Н. Ю. Мелехова, А. Н. Иванян, А. Л. Чернякова

// Обзоры по клинической фармакологии и лекарственной терапии. – 2011. – Т. 9, № 3. – С. 76–79.

10. Obstetric outcomes after conservative treatment for intra-epithelial or early invasive cervical lesions: a systematic review and meta-analysis of the literature / M. Kyrgiou, G. Koliopoulos, P. Martin-Hirsch [et al.] // Lancet. – 2006. – Vol. 367. – P. 489–498.

11. Tyring, S. K. Human papillomavirus infections: epidemiology, pathogenesis, and host immune response / S. K. Tyring // J. Amer. Acad. Dermatol. – 2000. – Vol. 43. – P. 218–226.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИНДИКАТОРЫ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ ЕРЕВАНА

M. E. Манрикян

*Кандидат медицинских наук,
Ереванский государственный медицинский университет
имени М. Гераци, г. Ереван, Республика Армения*

Аннотация. Нами были использованы Европейские индикаторы стоматологического здоровья, согласно которым у детей г. Еревана выявлен высокий уровень кариеса зубов и кровоточивости десен. У 95 % опрошенных оценили состояние полости рта как отличное или удовлетворительное, 39 % – имели зубную боль в течение последнего года. Треть респондентов не обращалась к стоматологу за последний год, 10 % – чистят зубы 2 раза в день. Европейские индикаторы стоматологического здоровья могут быть использованы в системе здравоохранения для мониторинга медицинской эффективности первичной профилактики основных стоматологических заболеваний.

Abstract. We have used the European indicators of dental health and obtained the following data. Oral health in the Yerevan is poor with high levels of tooth decay and bleeding gums. 95% of adolescents self-assess their dental health as excellent or satisfactory although 39% had experienced toothache in the previous 12 months. One third report not having attended a dentist for 12 months and only 10% report brushing twice daily. European indicators of dental health among children may be employed in health care system for monitoring clinical efficacy of primary prevention of main dental diseases.

Ключевые слова: Европейские индикаторы стоматологического здоровья населения, кровоточивость десен, кариес зубов.

Keywords: European indicators of dental health, bleeding gums, tooth decay.

Согласно рекомендациям Всемирной организации здравоохранения, система стоматологической помощи населению должна включать мониторинг стоматологического здоровья, используя общепринятые на международном уровне критерии [1], что позволяет объективно оценивать качество лечебно-профилактической стоматологической помощи, обоснованно и своевременно вносить соответствующие корректизы в программы профилактики стоматологических заболеваний, планировать материальное и кадровое обеспечение отрасли. В Армении имеется многолетний опыт эпидемиологических исследований детей и взрослого населения и данные этих исследований регулярно публикуются в национальных и международных профессиональных изданиях. Наиболее часто для оценки стоматологического здоровья детей используют индексы КПУ (где К – количество кариозных, П – пломбированных, У – удаленных зубов) постоянных зубов «ключевых» возрастных групп – 12 и 15 лет, что позволяет определить динамику заболеваемости детского населения кариесом. Так, в Ереване средний КПУ постоянных зубов у 12-летних детей в 1986 г. был на уровне 1,8 [5], а в 2011 г. – 2,3 [4], что дает основание для предположения о тенденции роста заболеваемости детей кариесом. Однако при этом достаточно сложно или невозможно определить возможные причины наблюдаемой тенденции и дать научно обоснованные рекомендации по устранению негативных факторов, способствующих ухудшению стоматологического здоровья детей.

В принципе, факторы риска возникновения основных стоматологических заболеваний – кариеса зубов и болезней периодонта – хорошо известны: дефицит фтора в питьевой воде, частое употребление сладких продуктов питания и избыточное нахождение на зубах микробного налета [2]. Однако, по разным причинам, эти факторы в системе стоматологической помощи не учитываются, а в научных работах используется большое разнообразие методик исследований и оценочных критериев, что, в конечном итоге, делает проблематичным или невозможным использовать предлагаемые рекомендации на практике. Так, по данным руководителя рабочей группы FDI-ERO по про-

филактике D.Bourgeois, в мире применяются более 600 разных критериев оценки стоматологического здоровья и качества стоматологической помощи населению [7]. Рабочей группой экспертов по стоматологии для мониторинга стоматологического здоровья населения стран Европы рекомендованы 40 индикаторов, включающих субъективные (мнение пользователей стоматологических услуг) и объективные (данные профессионального стоматологического исследования) критерии [3; 7]. Наиболее значимыми в этой системе оценок стоматологического здоровья детей по субъективным критериям являются самооценка здоровья и вида своих зубов, соблюдение правильного режима чистки зубов и приема сладких пищевых продуктов, а также случаи зубной боли. Врачебная оценка стоматологического здоровья включает определение компонентов индекса КПУ и распространенности кровоточивости десен. Определение обозначенных субъективных и объективных показателей в измеримых параметрах позволяет выявить возможные взаимосвязи уровня стоматологического статуса, факторов образа жизни и качества стоматологической помощи. В Армении комплексной оценки стоматологического здоровья детей с использованием Европейских индикаторов ранее не проводилось.

Целью настоящего исследования явилось определение специфиичности и степени информативности Европейских индикаторов для оценки стоматологического здоровья и выявления негативных факторов, влияющих на него.

Исследованный контингент и методы

Стоматологические осмотры двух «ключевых» возрастных групп – 12 и 15 лет и анонимное анкетирование 15-летних школьников проведены автором в трех школах г. Еревана по 100 детей в каждой возрастной группе, в стандартных условиях, с использованием карт и вопросников Всемирной организации здравоохранения 2013 г. (ВОЗ-2013). Для исследования выбраны типичные для г. Еревана школы, в которых было получено согласие администрации и родителей школьников. При осмотре детей регистрировали КПУ постоянных зубов, индекс гигиены

рта Грина-Вермиллиона (OHI-S) и кровоточивость десен. Модифицированный анонимный вопросник ВОЗ-2013 содержал 10 вопросов с несколькими вариантами ответов, включая: «Не знаю» или «Не помню». В кратком изложении были следующие вопросы: субъективная оценка состояния и внешнего вида своих зубов; случаи зубной боли; посещение врача-стоматолога и по-вод; частота чистки зубов и название зубной пасты; употребление сладких продуктов и свежих фруктов. Анализ полученных данных проведен путем вычисления средних величин индексов стоматологического статуса, процентного отношения ответов на поставленные вопросы и определения возможных взаимосвязей поведенческих факторов с состоянием зубов и десен, а также приемлемости европейских индикаторов для оценки стоматологического здоровья детей в условиях системы стоматологической помощи страны.

Результаты и обсуждение

Данные субъективной оценки стоматологического здоровья и факторов, имеющих к нему отношение, представлены в таблице 1. Сами по себе, изолированные от данных стоматологического статуса, рассматриваемые в этой работе субъективные индикаторы стоматологического здоровья детей недостаточно информативны, так как понятия, что «хорошо», а что «не очень хорошо», весьма условны и общепринятых «нормативов» в международной практике не существует. Однако, оценивая поведенческие привычки детей, можно достаточно определенно обозначить, что все, относящееся к факторам риска возникновения стоматологических заболеваний, относится к негативу. Так, критическое накопление микробного налета на зубах возможно предотвратить регулярной чисткой зубов, и соответственно, все дети должны соблюдать эту общепринятую рекомендацию. Согласно данным анкетирования, только 31 % 15-летних подростков практикуют ежедневную 2-разовую чистку зубов (см. табл. 1). Следовательно, на коммунальном уровне, то есть среди всех или большинства детей этой возрастной группы, явно существует проблема несоблюдения рекомендованного ре-

Секция 7

жима гигиены рта, что определенно может способствовать возникновению стоматологических заболеваний.

Научно доказано, что самым эффективным средством первичной профилактики кариеса зубов являются фториды, при условии их системного поступления в организм или локального нанесения на зубы.

Наиболее практичный метод местной фторпрофилактики кариеса – доставка фторидов к зубам при их чистке фторсодержащими зубными пастами [6].

Таблица 1

Субъективные индикаторы стоматологического здоровья 15-летних подростков

Индикаторы	Основные данные анкетирования 15-летних школьников
Детерминанты	
1.1. Чистка зубов (A1)	Регулярно чистят зубы 2 раза в день – 31 % от числа опрошенных
1.2. Использование фторидов (A2)	Используют для чистки зубов фторсодержащие зубные пасты – 17 %.
1.3. Курение (B2)	Курят изредка или постоянно – 14 %.
1.4. Питание (B1)	Часто употребляют сладкие продукты – 54 %
Процесс	
2.1. Обращение к врачу-стоматологу (B5)	В течение года обратились к стоматологу самостоятельно или по вызову для осмотра – 66 %.
2.2. Повод для обращения к врачу	Обратились по поводу зубной боли – 34%
Результат	
3.1. Самооценка состояния зубов (D5)	Оценили состояние своих зубов как «отличное» или «хорошее» – 52 %. Довольны видом своих зубов – 58 %. Избегают улыбаться из-за вида своих зубов – 3 %.
3.2. Физическая боль зубов (D2)	В течение года испытали зубную боль – 39 %. Пропускали уроки из-за зубной боли – 9 %

Всего лишь 17 % подростков из числа анкетированных используют для чистки зубов пасты, содержащие фториды. Многие дети не знали, какие зубные пасты они используют, однако это также негативный фактор, что 15-летние школьники не информированы о правильном выборе средств гигиены рта для профилактики кариеса зубов. Ряд других субъективных индикаторов также можно отнести к негативным: В1 и В2 (см. табл. 1).

Оценивая *процесс* оказания стоматологической помощи детям и его *результат*, можно заметить сравнительно большой процент анкетированных, обратившихся в течение последних 12 месяцев к стоматологу по поводу зубной боли – 34–39 % (индикаторы В5 и D2). Это может указывать на недостаточно эффективную ежегодную стоматологическую санацию детей школьного возраста. Достаточно наглядно и убедительно значимость субъективных индикаторов можно оценивать путем сравнения полученных в настоящей работе данных с аналогичными критериями, используемыми в странах Европейского Союза. На рисунках 1–3 проиллюстрированы 3 индикаторы (В5, D2, D5), относящиеся к трем составляющим предложенной системы мониторинга стоматологического здоровья детского населения: «Детерминанты», «Процесс» и «Результат».

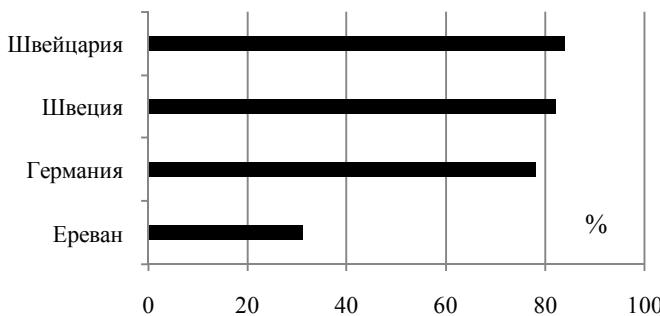

Рис. 1. Доля 15-летних школьников, практикующих рекомендованный режим чистки зубов – 2 раза в день

Примечание. Составлено автором.

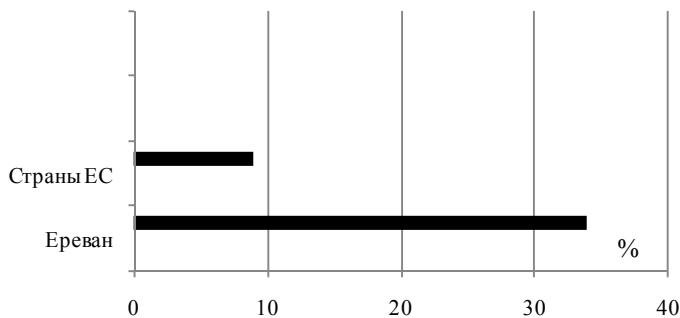

Рис. 2. Доля 15-летних школьников,
которые в течение последних 12 месяцев испытали зубную боль
Примечание. Составлено автором.

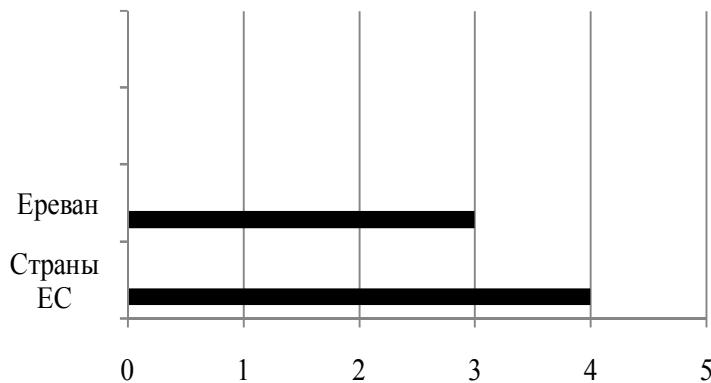

Рис. 3. Соотношение числа 15-летних школьников,
испытавших неудобства в общении из-за вида своих зубов
Примечание. Составлено автором.

Анализируя данные ряда субъективных индикаторов стоматологического здоровья исследованных подростков в г. Ереване и аналогичной возрастной группы детей в странах ЕС,

Секция 7

можно сделать вывод, что они достаточно специфичны, указывая на имеющиеся резервы в системе лечебно-профилактической помощи Армении, если учесть совпадение двух из трех индикаторов с известными данными о большом проценте здоровых детей и низкой интенсивности кариеса зубов у детей большинства стран Западной Европы [8, р. 313].

В таблице 2 суммированы данные стоматологического исследования двух «ключевых» возрастных групп детей – 12 и 15 лет по объективным индикаторам стоматологического здоровья, которые включены в список наиболее существенных Европейских индикаторов стоматологического здоровья детей. Процент здоровых (не имеющих кариеса зубов) 12- и 15-летних детей составил 14 % и 6 % соответственно, и, закономерно, у этих детей выявлен довольно высокий уровень интенсивности кариеса постоянных зубов: КПУ – 3,1 в 12 лет и КПУ – 4,6 у 15-летних. Высокая интенсивность кариеса подтверждается индикатором SiC-index (наивысшая интенсивность кариеса зубов), который варьирует в пределах от 5–6 до 7–8 КПУ.

Таблица 2

Объективные индикаторы стоматологического здоровья детей 12–15 лет

Индикаторы	Возрастные группы	
	12 лет	15 лет
Процент здоровых (без кариеса зубов)	14 %	6 %
Индекс гигиены рта Грина-Вермиллиона	1,6	1,8
Кровоточивость десен	38 %	44 %
Средний КПУ зубов	3,1	4,6
Нелеченый кариес (компонент «К»)	2,4 (77 %)	3,1 (67 %)
Удаленные постоянные зубы («У»)	0,09	0,15
SiC-index (наивысшая интенсивность)	5–6	7–8
Нуждаемость в профилактике и/или стоматологическом лечении	97 %	99 %
Нуждаемость в неотложном стоматологическом лечении	13 %	15 %

Примечание. Составлено автором.

Не только субъективные индикаторы, такие, как «Несоблюдение должного режима чистки зубов», «Частое употребление сладких продуктов», но и объективные данные указывают на наличие важнейшего фактора риска возникновения кариеса зубов и болезней периодонта – микробного зубного налета: средний OHI-S был на уровне 1,6–1,8 ед., что оценивается как неудовлетворительная гигиена рта. Очевидно, что данный фактор риска обусловил большую распространенность кровоточивости десен: 38 % – среди 12-летних детей и 44 % – среди 15-летних. Нуждаемость в профилактике и/или лечении исследованных детей близка к 100 %, что может указывать на недостаточно результативную плановую стоматологическую санацию школьников. Также информативным является индикатор «Нуждаемость в неотложном лечении», который определен на уровне 13–15 % от числа осмотренных детей. Важно отметить, что эти данные, очевидно, указывают на происхождение большой пропорции детей, испытавших зубную боль (индикатор D2).

Как уже обсуждалось выше, важнейшим фактором риска возникновения основных стоматологических заболеваний – кариеса зубов и болезней периодонта – является микробный налет, который накапливается на зубах при неудовлетворительной гигиене рта. Этот фактор удалось выявить как при анкетировании школьников, так и по результатам врачебного стоматологического исследования. Таким образом, была показана высокая специфичность индикатора A1. При этом очень важно отметить, что чем негативнее индикатор A2 и хуже гигиена рта по индексу OHI-S, тем большая распространенность кровоточивости десен, которая является симптомом развивающейся болезни периодонта. Значения сравнительных показателей этих индикаторов представлены в таблице 3 на примерах их различий и возможных причинно-следственных связей у лиц мужского и женского пола.

Таблица 3

**Сравнительные показатели индекса гигиены рта
(по Грину-Вемиллиону: OHI-S) и распространенности болезней
периодонта (по кровоточивости десен) у мальчиков и девочек
подросткового возраста**

Возрастные группы и пол	Средний OHI-S		Распространенность кровоточивости десен в %
	DI-S (зубной налет)	CI-S (зубной камень)	
12 лет:			
	мальчики	1,4	0,3
	девочки	1,2	0,3
15 лет:			
	мальчики	1,6	0,5
	девочки	1,3	0,2

Примечание. Составлено автором.

Заключение

Определена целеориентированная специфичность и высокая информативность изученных нами Европейских индикаторов стоматологического здоровья детей школьного возраста в выявлении поведенческих факторов риска возникновения кариеса зубов и кровоточивости десен (хронического гингивита), а также в оценке качества стоматологической помощи детскому населению, по процентному отношению нелеченого кариеса, количеству удаленных постоянных зубов и высокой распространенности болезней периодонта.

Европейские индикаторы стоматологического здоровья детского населения могут быть использованы в системе здравоохранения для мониторинга медицинской эффективности первичной профилактики основных стоматологических заболеваний. Они позволяют делать сравнительную оценку показателей в разных странах и будут способствовать унификации и объек-

тивизации информационных систем, что позволит использовать положительный опыт для улучшения качества стоматологической помощи населению.

Список литературы

1. Всемирная организация здравоохранения. Стоматологическое обследование. Основные методы. – Женева, 1997. – 76 с.
2. Леонтьев, В. К. Профилактика стоматологических заболеваний : мед. кн. / В. К. Леонтьев, Г. Н. Пахомов. – М., 2006. – 416 с.
3. Леус, П. А. Европейские индикаторы стоматологического здоровья населения / П. А. Леус // Экономика и менеджмент в стоматологии (РФ). – 2012. – № 3. – С. 50–54.
4. Манрикян, М. Е. Стоматологическая заболеваемость населения г. Ереван Республики Армения : метод. рук. для практ. здравоохранения (банк данных) / М. Е. Манрикян. – Ереван, 2012. – 58 с.
5. Мониторинг стоматологической заболеваемости детей / Моск. мед. стоматолог. ин-т. – М., 1989. – 30 с.
6. Нутриенты в питьевой воде : Экологические критерии здоровья. – Женева : ВОЗ, 2003. – 63 с.
7. European Commission. Health and Consumer Protection Directorate-General. Health Surveillance in Europe. A Selection of Essential Oral Health Indicators : Catalogue. – 2005 / ed. by D. M .Bourgeois [et al.] ; EC.
8. Reich, E. Caries prevalence in Bavarian Schoolchildren / E. Reich, E. Schroeder // Caries Research. – 2000. – Vol. 34.

ЖИР АФРИКАНСКОГО СТРАУСА КАК НОВЫЙ ЭМОЛЕНТ В ПРОИЗВОДСТВЕ КОСМЕТИЧЕСКОЙ КРЕМОВОЙ ЭМУЛЬСИИ

M. B. Горбачёва

*Кандидат технических наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московская государственная академия
ветеринарной медицины и биотехнологии»
имени К. И. Скрябина, г. Москва, Россия*

Аннотация. Автором изучены органолептические, микробиологические свойства внутреннего и подкожного жира-сырца от африканского страуса, а также жирнокислотный состав топленого жира. В результате эксперимента получена кремовая эмульсия на основе жира африканского страуса и исследованы ее некоторые свойства.

Abstract. In this article the author studied the organoleptic, microbiological properties of internal and hypodermic raw tallow obtained from the African ostrich, and also fatty-acid composition of rendered fat. As a result of the experiment the cream emulsion on the basis of ostrich oil is received and some properties of the emulsion are investigated.

Ключевые слова: Африканский страус, жир африканского страуса, кремовая эмульсия, топленый жир, косметические товары.

Keywords: African ostrich, ostrich oil, fat of the African ostrich, cream emulsion, rendered fat, oil, cosmetic goods.

Современный рынок косметических товаров достаточно насыщен и разнообразен – производители предлагают широкий ассортимент продукции, дифференцированных по типам кожи, возрасту потребителя и цене косметических средств. У многих производителей косметики, помимо «женских» линий товаров, разработаны продукты, отвечающие потребностям мужчин и детей. В условиях такой жесткой конкуренции, сокращения жизненных циклов косметических товаров и развития новых

разнохарактерных технологий традиционных методов и инструментов для решения тех или иных задач становится недостаточно. Одним из основных условий конкурентоспособности современного предприятия, сохранения высоких темпов его развития все больше становится его инновационная активность, которая выражается, с одной стороны, в прогрессивных продуктах и производственных процессах, а с другой – в новых идеях рынка и маркетинга [1; 5; 9].

В наше время человек не может представить себя без таких косметических продуктов, как гели для тела, крем и маски для лица и рук, массажное масло.

Практически ни одно средство по уходу за кожей не обходится без масляной фазы, и вопрос заключается не только в технологии производства, но и биологической значимости масел. Масляные компоненты выполняют множество различных функций: они способствуют восстановлению липидного баланса в коже, обеспечивают уход и защиту кожи, повышают мягкость и эластичность, придают ей блеск и гладкость [8].

На российском потребительском рынке представлен широкий ассортимент косметических средств на основе растительных масел: масло дерева ши и аргана, авокадо, абрикосовое, кокосовое масло и многие другие. Сырьем для получения растительных масел являются семена растений, в связи с чем все они обладают достаточно высокой стоимостью, в то же время для производства косметики могут быть использованы и жиры животного происхождения.

Последние 5–7 лет особый интерес вызывают масла, получаемые из жира африканского страуса и эму [3]. Проведенные за рубежом исследования выявили, что он оказывает благоприятное влияние на кожу любого типа: он увлажняет, смягчает и разглаживает ее, может быть успешно применен в лечении экземы, вывихов, ожогов, свежих ран (оказывает противовоспалительное действие). Данные свойства объясняются специфическим составом жира страуса и эму, в его состав входят только триглицериды жирных кислот: олеиновая – 48–55 %, линолевая – 7–14 %, линоленовая – 1 %, пальмитиновая – 22 %. Кроме того, соотношение содержащихся жирных кислот примерно та-

кое же, как в маслах абрикоса, авокадо, персика, а все эти масла зарекомендовали себя как прекрасные эмоленты [8].

В связи с вышеизложенным, изучение свойств жира африканского страуса и создание кремовой эмульсии на его основе является актуальным и обладает не только научной, но и практической новизной.

Цель работы – исследовать свойства топленного внутреннего и подкожного жира страуса для создания кремовой эмульсии, полученной на его основе.

Объектами исследования служили образцы подкожного и внутреннего жира-сырца и жира топленого, полученного от черного африканского страуса, разводимого в условиях ООО «Русский страус», а также кремовая масса, изготовленная с применением топленого страусиного жира.

Наиболее важными критериями оценки качества животных жиров являются цвет, запах, консистенция. *Запах* имеет решающее значение при установлении качества жиров, *цвет* характеризует окраску жиров и зависит от характера и соотношения пигментов, находящихся в жирах: каротиноидов, хлорофилла. *Консистенция* может быть твердой, мазеобразной и жидкой. *Прозрачность* определяется в жидких или расплавленных твердых жирах. Прозрачным считается жир, в котором отсутствуют примеси в виде мути или взвешенных частиц, видимых невооруженным глазом [2; 3]. Результаты приведены в таблице 1.

В ходе эксперимента было установлено, что кислотное число у образцов внутреннего и подкожного топленого страусиного жира равно $1,0 \pm 0,2$ мг и $2,2 \pm 0,2$ мг КОН/г соответственно, что свидетельствует о низкой способности данного вида жира к окислению. Необходимо отметить, что такие низкие значения указывают на небольшое количество в составе жира свободных жирных кислот. Несколько больший показатель кислотности у подкожного топленого страусиного жира можно объяснить тем, что в его составе содержится большее количествоmono- и полиненасыщенных жирных кислот, что делает его более подверженными окислению и прогорканию.

Секция 7

Таблица 1

Органолептическая оценка внутреннего и подкожного страусиного жира-сырца и топленого

Показатели	Внутренний жир		Подкожный жир	
	Жир-сырец	Топленый	Жир-сырец	Топленый
Запах	Не имеют выраженного запаха. Посторонние, гнилостные, не свойственные данному сырью запахи отсутствовали			
Цвет	Матово-белый со слабо-желтым оттенком	Желтый	Белый с розоватым оттенком, иногда со слабо-желтым оттенком	Желтый, несколько светлее, по сравнению с внутренним жиром
Консистенция	Менее густая, чем у подкожного жира, мазеобразная	—	Густая, волокнистая, но при этом мазеобразная	—
Прозрачность	—	Прозрачный	—	Прозрачный

Примечание. Составлено автором.

Число омыления у подкожного топленого жира несколько меньше, чем у внутреннего, и равно соответственно 180,9 мг и 216,0 мг КОН/г, полученные значения позволяют говорить о преобладании триглицеридов (связанных жирных кислот) и свободных жирных кислот в данных образцах. Эфирное число составило у внутреннего жира 217,0 мг КОН/г, у подкожного – 178,7 мг КОН/г, что еще раз подтверждает преобладание в испытуемых образцах триглицеридов жирных кислот.

Исходя из микробиологических исследований было сделано заключение, что с точки зрения бактериальной обсемененности испытуемые образцы являются благополучными.

Содержание КМАФАнМ (количества мезофильных аэробных и факультативно-анаэробных микроорганизмов) – в пределах допустимой нормы ($1,0 \times 10^4$) и не превышало $3,0 \times 10^3$ КОЕ/г [6]. Таким образом, страусиный топленый жир, как внутренний, так и подкожный, по микробиологическим показателям является безопасным сырьем для применения его в производстве кремовой эмульсии.

Большинство масел содержит 4–7 основных жирных кислот и несколько сопутствующих (менее 5 %). Жирные кислоты, входящие в состав масел, определяют их физико-химические свойства. Жирнокислотный состав обуславливает консистенцию и усвоемость животных жиров, а также в той или иной степени влияют на свойства готового косметического препарата на его основе [8].

Результаты исследований жирнокислотного состава представлены в таблице 2. В подкожном и во внутреннем топленом жире основными жирными кислотами являются: пальмитиновая, пальмитолеиновая, стеариновая, олеиновая и линолевая, остальные жирные кислоты являются сопутствующими. Причем содержание одних и тех же кислот в обоих образцах приблизительно одинаково (см. табл. 2). Данные жирные кислоты, находятся в исследуемых образцах в большем количестве, чем все остальные, и будут в большей степени влиять на свойства косметического продукта.

Наибольший процент в испытуемых образцах находится на олеиновую жирную кислоту: так, в жире топленом подкожном она составила 41,1%, а в жире топленом внутреннем – 39,9 %. Можно предположить, что такой высокий процент содержания в жире олеиновый кислоты будет способствовать лучшей активизации липидного обмена, восстановлению барьерных функций эпидермиса и удержанию влаги в коже. Масла, содержащие много олеиновой кислоты, хорошо впитываются в кожу и усиливают проникновение других активных компонентов в роговой слой кожи.

Таблица 2

**Жирно-кислотный состав топленого страусиного жира
внутреннего и подкожного**

Наименование жирных кислот	Содержание в топленом жире, %	
	Внутренний	Подкожный
Масляная C _{4:0}	0,1	0,1
Капроновая C _{6:0}	0,1	0,1
Каприловая C _{8:0}	0,1	0,1
Каприновая C _{10:0}	0,1	0,1
Лауриновая C _{12:0}	0,1	0,1
Тридекановая C _{13:0}	0,1	0,1
Миристиновая C _{14:0}	0,8	0,9
Миристолеиновая C _{14:1}	0,1	0,1
Пентадекановая C _{15:0}	0,2	—
Пальмитиновая C _{16:0}	30,9	27,8
Палимитолеиновая C _{16:1}	6,2	6,1
Гептадекановая C _{17:0}	0,2	—
Стеариновая C _{18:0}	7,3	7,2
Олеиновая C _{18:1}	39,9	41,1
Линолевая C _{18:2}	13,4	14,3
Линоленовая C _{18:3}	0,5	1,2
Гондоиновая C _{20:1}	0,3	—
Эруковая C _{22:1}	0,1	0,1
Арахиновая C _{20:0}	—	0,1
Арахидоновая C _{20:4}	—	1,3
Σ насыщенных жирных кислот	39,4	36,0
Σ мононенасыщенных жир- ных кислот	46,4	47,2
Σ полиненасыщенных жир- ных кислот	13,7	16,8

Примечание. Составлено автором.

Олеиновая кислота, стеариновая, а также каприловая и миристиновая способствуют восстановлению защитных свойств кожи, обладают превосходными скользящими и смазывающими

свойствами [23], что играет важное значение при производстве эмульсионного крема.

Как известно [7], пальмитиновая кислота в составе молекулы придает ей липофильные свойства, облегчая преодоление эпидермального кожного барьера, способствует активизации синтеза эластина, гликозаминогликанов и гиалуроновой кислоты – и, таким образом, происходит обновление межклеточного вещества дермы. В топленом подкожном жире данной кислоты содержится 27,8 %, а во внутреннем – 30,9 %, что является положительным фактом, так как в косметике пальмитиновая кислота и ее производные используются в качестве структурообразователей, эмульгаторов, эмолентов.

В образцах подкожного и внутреннего жира обнаружено 14,3 % и 13,4 %, линолевой кислоты, соответственно, которая относится к группе незаменимых жирных кислот и не синтезируется в организме, а должна поступать извне. Необходимо отметить, что данная кислота проникает в более глубокие слои эпидермиса, вмешиваясь в метаболизм биологически активных веществ, способствует проникновению через кожу других биологических компонентов вещества, образующихся из линолевой кислоты, обладают противовоспалительным действием [8]. Полученные значения линолевой кислоты, позволяют сделать вывод, что кремовая эмульсия на основе жира страуса будет способствовать восстановлению барьерной функции эпидермиса, активно удерживать влагу в коже. Более того, линолевая кислота является скрепляющим компонентом в структуре эпидермиса, не дающего влаге испаряться бесконтрольно через кожу и проникать в нее (именно поэтому при дефиците линолевой кислоты кожа становится сухой и шелушащейся) [7].

Что касается пальмитолеиновой кислоты, в исследуемых образцах ее количество равнялось в среднем 6 %: так, масла, содержащие пальмитолеиновую кислоту, отличаются стабильностью при хранении и способностью восстанавливать кожный покров, в том числе и эластичность зрелой кожи, что немаловажно при изготовлении крема.

Обращает внимание на себя и соотношение насыщенных, мононенасыщенных и полиненасыщенных жирных кислот: так, во внутреннем и подкожном топленом страусином жире в

большем количестве находятся мононенасыщенные жирные кислоты, которые предопределяют ценные свойства масла: легкую текстуру, хорошую проникающую способность.

Обобщая представленные данные, необходимо отметить, что топленый жир африканского страуса по своему жирнокислотному составу не уступает, а даже превосходит многие жиры растительного и животного происхождения, широко используемые в косметической промышленности.

Полученные косметические кремовые эмульсии, приготовленные с использованием внутреннего и подкожного топленого страусиного жира, по органолептической оценке соответствуют требованиям технологической инструкции, используемой при приготовлении крема. Водородный показатель обоих образцов в пределах нормы, установленной ГОСТ 52343 [4] и является благоприятным для кожного покрова человека, так как близок к нейтральному.

Стабильность кремов зависит от многих факторов - это природа и качество исходного сырья, состав крема и совместимость ингредиентов, технология производства, тип эмульсионной системы и ее особенности. Данные колодной и термостабильности кремовой эмульсии, характеризуют внутренний и подкожный топленый страусиный жир как пригодное сырье для приготовления кремовой основы, а также свидетельствуют о правильно подобной рецептуре и технология ее изготовления.

Полученные результаты позволяют предположить, что кремовая эмульсия изготовленная на основе жира страуса будет обладать высокими потребительскими свойствами в частности, скользящими, смазывающими и увлажняющими, проникающими способностями и позволит рекомендовать ее российским производителям косметики после проведения дополнительных комплексных исследований.

Список литературы

1. Богомолова, Л. Б. Красота по разумной цене. Маркетинговые стратегии на рынке косметики / Л. Б. Богомолова // Лаборатория маркетинга, рекламы и PR. – 2001. – № 6.

Секция 7

2. Востроилов, С. А. Пищевые и технические животные жиры / С. А. Востроилов, О. Б. Рудаков. – М. : Масла и жиры, 2006. – 27 с.
3. Горбачева, М. В. Жир африканского страуса - перспективный и безопасный продукт для потребительского рынка/ М. В. Горбачева, А. И. Сапожникова // Хранение и переработка сельхозсырья. – 2012. – № 3. – С. 8–10.
4. ГОСТ Р 52343-2005. Кремы косметические. Общие технические условия. – Введ. 01.01.95. – М. : Стандартинформ, 2005. – 12 с.
5. Котляревская, И. В. Маркетинг в инновационной сфере: учебное пособие/ И. В. Котляревская. – Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006.
6. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы 2.3.2.1078-01. Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов. – Введ. 01.01.95. – М. : Информ. изд. центр Минздрава России, 2001. – 31 с.
7. Химический состав и свойства масел. – Электрон. дан. – 2011. – Режим доступа: <http://www.crystaldeo.ru>. – Загл. с экрана.
8. Эрнандес, Е. И. Липидный барьер кожи и косметические средства / Е. И. Эрнандес, А. А. Марголина. – М. : ООО «Фирма КЛАВЕЛЬ», 2005. – 397 с.
9. [9. http://coolreferat.com/.](http://coolreferat.com/)

**ВИДЕНИЕ ПРОЕКТА СИСТЕМЫ
ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ И РЕМОНТА
ЛЕЧЕБНО-ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ**

Д. В. Горбачев

*Кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры инновации и информационных технологий
ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный институт
менеджмента», г. Оренбург, Россия*

М. В. Кононова

*Старший преподаватель, кафедры инновации
и информационных технологий ФГБОУ ВПО
«Оренбургский государственный институт менеджмента»,
г. Оренбург, Россия*

Аннотация. Высокая техническая оснащенность современных медицинских организаций, сложность медицинского оборудования, а также требования к технической готовности обуславливают актуальность проведения исследований по структурному построению, комплектованию ЗИП и специалистами и пространственному размещению предприятий технического обслуживания и ремонта медицинской техники. В статье рассматривается подход к решению задачи проектирования структуры и оснащенности предприятий технического обслуживания и ремонта медицинской техники.

Abstract. High technical equipment of modern medical institutions, the complexity of medical equipment, as well as requirements for technical readiness determine the actuality of research on the structuring, acquisition of spare parts and specialists and the spatial location of technical service and repair of medical equipment. The article considers the approach to solving the task of designing the structure and equipment of technical service and repair of medical equipment.

Ключевые слова: лечебно-диагностический процесс, медицинское оборудование, техническое обслуживание и ремонт, медтехника, трехуровневая модель, информационная система.

Секция 7

Keywords: medical-diagnostic process, medical equipment, maintenance and repair, medical technics, the three-tier model, the information system.

Современная медицинская организация может рассматриваться в контексте сложной эрготехнической системы. Специфическими чертами больниц, поликлиник и так далее являются:

- во-первых, основной объект деятельности – человек;
- во-вторых, высокая техническая оснащенность сложным медицинским лечебно-диагностическим оборудованием (ЛДО);
- в-третьих, наличие больших объемов накопленных данных, необходимых как для оперативной работы учреждения, так и статистики и аналитики;
- в-четвертых, требование к открытости медицинской организации, предполагающее активное распространение собственного опыта и использование новых известных передовых достижений медицины в своей деятельности;
- в-пятых, необходимость обеспечения защиты конфиденциальной информации, относящейся к пациенту.

Основной процесс, реализуемый в медицинской организации, – лечебно-диагностический (ЛДП). Ключевой особенностью ЛДП является применение медицинского оборудования на всех стадиях и этапах оказания медицинской помощи. Структура ЛДП в каждом конкретном случае определяется соответствующим стандартом и порядком оказания медицинской помощи, который можно рассматривать как определенную медицинскую технологию. Эффективность медицинской технологии чаще всего в настоящее время оценивается экономико-финансовыми либо абсолютными количественными показателями пролеченных пациентов.

Как и в любой технологии, в медицинской технологии во многих случаях ведущую роль играет ЛДО, поскольку именно с его помощью врач может получить всю необходимую информацию о состоянии пациента, поддержку в принимаемых решениях, а также реализовать операции лечения и последующего мониторинга реабилитации здоровья пациента. Это означает, что техническое состояние ЛДО, то есть его готовность к применению в медицинской технологии, является одним из ключевых

факторов, определяющих успешность ЛДП с позиции результирующего состояния пациента – выздоровление.

Обеспечение постоянной технической готовности ЛДО к немедленному применению в медицинской технологии достигается путем проведения мероприятий по контролю технического состояния, техническому обслуживанию и ремонту медицинской техники. Анализ современного состояния проблемы обеспечения необходимого уровня технической готовности ЛДО показывает, что системный подход в ее решении не используется. Как правило, поддержание ЛДО в работоспособном состоянии осуществляется силами медицинских организаций, в которых, в лучшем случае, имеется один-два инженера, способных самостоятельно освоить отдельные операции технического обслуживания и ремонта (ТОиР) [5]. В отдельных случаях руководство медицинских организаций обращается в специализированные предприятия для восстановления высокотехнологичного и дорогостоящего оборудования. При этом время от момента отказа медтехники до ее восстановления составляет от нескольких дней до нескольких месяцев. Все это обуславливает актуальность скорейшего решения задачи создания системы технического обслуживания и ремонта ЛДО.

Целью построения системы технического обслуживания и ремонта медицинской техники является обеспечение работоспособного состояния основного лечебно-диагностического оборудования медицинских организаций.

Система технического обслуживания и ремонта лечебно-диагностического оборудования (СТОиР) строится по иерархическому принципу: трехуровневая модель (см. рис. 1).

Первый уровень системы предназначен для мониторинга состояния ЛДО, проведения периодического технического обслуживания и ТО, предусматриваемого инструкциями по техническому обслуживанию на оборудование. Этот уровень является ключевым с точки зрения учета, прогнозирования и планирования технического обслуживания (ТО) и ремонта (Р), поэтому он обязательно включается в систему информационного взаимодействия с вышестоящей организацией (министерство), специализированными предприятиями и компаниями-изготовителями. На этом уровне размещаются только поставляемые вместе с оборудованием комплекты ЗИП-О (одиночный комплект ЗИП).

Секция 7

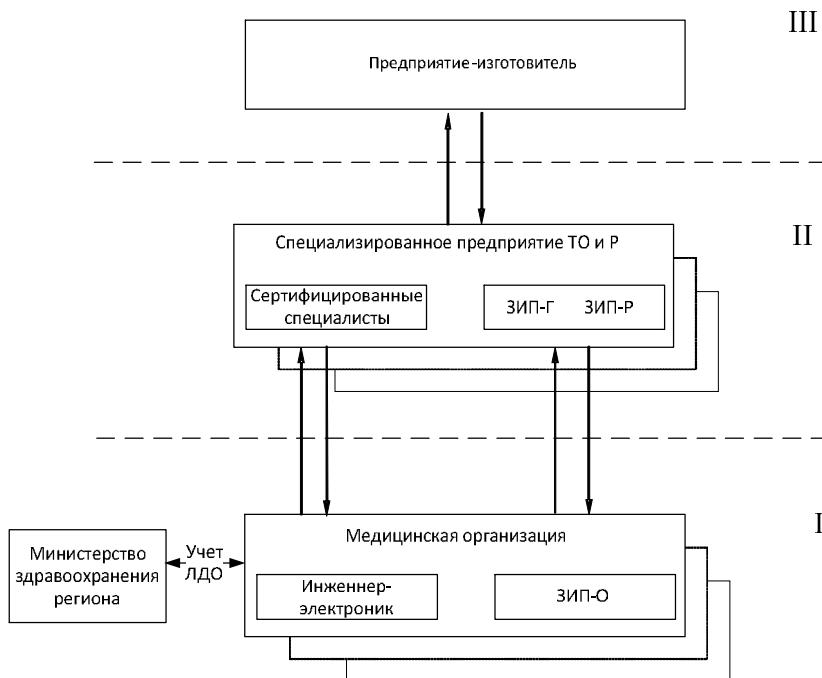

Рис. 1. Иерархия уровней СТОиР ЛДО

Примечание. Составлено авторами.

Основными исполнителями работ по ТО и Р ЛДО является инженерно-технический персонал специализированных предприятий. Специализация предприятий осуществляется в соответствии с видами и/или группами медицинской техники, но предприятие должно обеспечивать выполнение всего комплекса работ – как технического обслуживания, так и ремонта. При этом предприятие должно отвечать следующим требованиям:

– во-первых, являться официальным представителем компании-разработчика медицинского оборудования и/или иметь соответствующий дилерский договор;

– во-вторых, наличие подготовленных инженерно-технических кадров, имеющих необходимые уровни допуска к выполнению работ ТО и Р (например, группу допуска по элек-

тробезопасности), сертификаты или иные документы, выданные предприятием-изготовителем оборудования или авторизованным учебным центром;

– в-третьих, обеспеченность предприятия стандартизованным и специализированным ремонтно-диагностическим оборудованием, поверенным и позволяющим использование как в режиме «выезда», так и стационарно, в условиях производственных мощностей предприятия;

– в-четвертых, наличие ремонтно-диагностической инфраструктуры, транспорта, вспомогательного оборудования, системы информатизации.

На этом уровне размещаются групповые и ремонтные комплекты ЗИП.

Предприятиям-изготовителям оборудования отводится роль производителя и поставщика запасных элементов (панелей, отдельных устройств и т. д.) в комплекты ЗИП. В этом случае отпадает необходимость непосредственной связи между изготавителями медицинской техники и медицинскими организациями даже в гарантийный период эксплуатации, так как ремонт по гарантии также может осуществляться в специализированной организации по технологии, установленной заводом-изготовителем.

Исходную информацию для проекта СТОиР составляет информация о надежности ЛДО. Поскольку статистики по отказам медицинской техники практически не существует, то единственным способом сформировать сколько-нибудь значимый поток заявок на ТО и Р является имитационное моделирование. Методом, который позволяет сформировать сколько-нибудь адекватные статистики по надежности ЛДО, является метод статистического моделирования Монте-Карло [1]. Полученные статистики позволяют выделить группы оборудования и сформировать требования к технической готовности для каждой из групп оборудования. Кроме того, на основе потока заявок можно будет решать такие задачи, как прогнозирование и планирование ТО и Р медицинской техники, и, следовательно, повысить экономику данного процесса. И наконец, поток заявок будет обуславливать сегментацию рынка предприятий, способных выполнять ТО и Р.

На основе полученной исходной информации строится модель технологии технического обслуживания и ремонта ЛДО. При этом под технологией понимается распределение и выполнение операций ТО и Р в соответствии с трехуровневой моделью (см. рис. 1). Подход, на основе которого строится модель, является авторской методикой и включает в себя модели отдельных процессов и операций ТО и Р, выполняемых на различных уровнях иерархии системы [2–4]. Таким образом, создается комплексное представление модельного взаимодействия элементов СТОиР. Применение имитационной формы (компьютерной реализации модели) позволяет получить необходимые наборы результатов, на основе которых можно принимать решение о структуре системы ТО и Р, например уровня региона, объемах работ, финансовых затратах, потребности в ЗИП и т. д.

Для реализации мониторинга работы СТОиР и оперативности в принятии управленческих решений предлагается осуществить информационно-технологическую поддержку функционирования системы посредством создания и развертывания информационной системы регионального (федерального) уровня (см. рис. 2).

ИС предназначена для решения следующих задач:

- Учетная: централизация учета лечебно-диагностического оборудования, устанавливаемого в медицинских организациях; учет отказов и проводимых работ по ТО и ремонту; учет ЗИП;
- Аналитическая: формирование статистик по надежности ЛДО и расчет на их основе обобщенных показателей работоспособности и ремонтопригодности; выявление закономерностей изменения надежности ЛДО; анализ расхода ЗИП и других ресурсов при выполнении ТО и Р; анализ экономических показателей ТО и Р по видам, объемам и объектам затрат;
- Прогнозная: прогнозирование надежности ЛДО; прогнозирование затрат на ТО и Р; прогнозирование ЗИП;
- Планирование видов, периодичности, объемов и экономики ТО и Р ЛДО в медицинских организациях, консолидация планов;
- Оперативная техническая поддержка инженерно-технического персонала (на уровнях I и II), консалтинг.

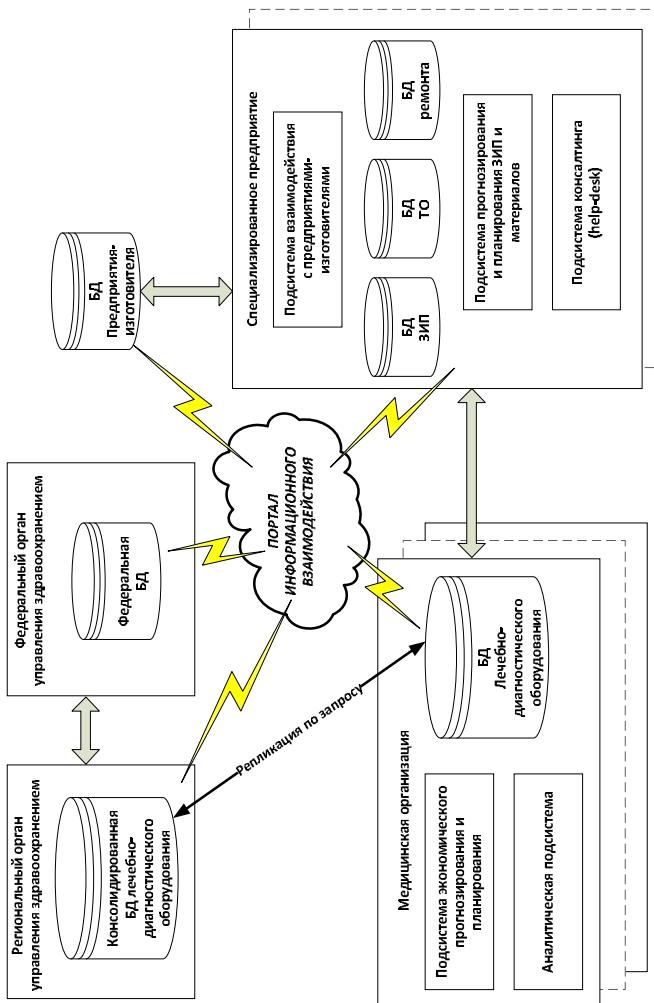

Рис. 2. Архитектура ИС СТОиР

Примечание. Составлено авторами.

Список литературы

1. Бусленко, Н. П. Метод статистических испытания (Монте-Карло) и его реализация на цифровых вычислительных машинах / Н. П. Бусленко, Ю. А. Шрейдер. – М. : Изд-во физ.-мат. лит., 1961. – 226 с.
2. Горбачев, Д. В. Обоснование технологии ремонта изделий РЭА боевых средств ЗРС фронтового звена за счет оптимизации структуры системы ТО и ремонта : дис. ... канд. техн. наук : 20.02.17 : защищ. 30.06.1997 / Горбачев Дмитрий Владимирович. – СПб., 1997. – 301 с.
3. Горбачев, Д. В. Методический подход к разработке САПР технологии ремонта радиоэлектронных систем / Д. В. Горбачев // Тезисы докладов Региональной конференции молодых ученых. – Оренбург : ОГУ, 2000. – С. 34–35.
4. Моделирование дискретных технологических процессов путем построения комбинированной математической модели на основе сети Петри сложной структуры : отчет о НИР по проекту № госрегистрации 1.1.06. / Д. В. Горбачев, М. М. Кандауров, М. Ю. Подлесных [и др.]. – Оренбург : ОГИМ, 2006. – 105 с.
5. Техническое обслуживание медицинской техники : метод. рек. : утв. приказом Минздрава № 293-22/233 от 27.10.03. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://medtechnika-nt.ru/learn/Metodto.php> (дата обращения: 09.12.2013). – Загл. с экрана.

Секция 8

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ФОРМЫ РАБОТЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА¹

Ю. А. Трифонова

*Аспирант, факультет психологии
Томского государственного университета,
г. Томск, Россия*

Аннотация. Статья посвящена вопросам рефлексивной формы работы в рамках образовательного процесса, включенной в комплексную программу развития социальной компетентности студентов педагогического колледжа. Описаны особенности рефлексирования студентами своего первого профессионального практического опыта, их взаимоотношений с детьми. Представлен анализ интерпретаций студентами-практикантами собственных эмоциональных реакций на конфликтное поведение детей на уроке. Описаны пилотажные результаты применения рефлексивного семинара.

Abstract. The article presents reflexive form of work in the educational process which is included in a comprehensive program of teachers colleges students' social competence development. It describes main features of analysis by students their first professional experience connected with teaching and interrelation with children. This article gives an analysis of student teachers interpretations of their own emotional reactions to conflict behavior of children in the classroom. The prior results of the reflective workshop use are described.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке основного конкурса РГНФ 2011 года (№ 12-06-00660).

Секция 8

Ключевые слова: социальная компетентность; рефлексивный семинар; рефлексивная техника; анализ конфликтного поведения.

Keywords: social competence; reflective workshop; reflective technique; the analysis of conflict behavior.

На сегодняшний день в российском профессиональном образовании произошла переориентация на компетентностный подход. В его методологии дан ответ на запрос времени – обучение через решение профессиональных и социальных задач в образовательном процессе должно формировать необходимые личностные качества, центральным из которых является умение действовать самостоятельно [2; 7]. Так, в федеральном государственном стандарте общего и среднего образования выделены общие, профессиональные, предметные компетенции, которыми должен овладеть выпускник.

Социальная компетентность в модели выпускника педагогического вуза или ссуза имеет особое значение. Любой специалист, работающий с людьми (и особенно педагог), влияется в социальную систему, и чем лучше он будет к этому подготовлен, тем эффективнее будет его деятельность как профессионала [5].

Социальная компетентность – комплексная характеристика, отражающая уровень развития индивидуальных и социально-коммуникативных способностей, обеспечивающих самостоятельность в профессиональной деятельности. Основными составляющими социальной компетентности будущего педагога Г.П. Мосягина [6] считаются следующие компоненты: социально-перцептивный (знание и понимание людей, наблюдательность и проницательность); социально-психологический (знание закономерностей поведения, деятельности и отношений человека, включенного в профессиональную группу, коллектив; работа в команде, деятельность в коллективе); аутопсихологический (самопознание, самооценка, самоконтроль, умение управлять своим состоянием и работоспособностью, самоэффективность); коммуникативный (владение различными стратегиями и методами эффективного общения); психолого-педагогический (осуществление влияния).

В данной статье мы не будем останавливаться на многочисленных теоретических разнотечениях в структуре социальной

компетентности, поскольку на сегодняшний день эти проблемы широко обсуждаются в литературе [2; 4–7]. В качестве цели мы определили описание опыта развития социальной компетентности студентов Томского государственного педагогического колледжа посредством рефлексивной формы организации образовательного процесса.

Развитию рефлексии, несомненно, должно уделяться особое внимание как в рамках обеспечения процесса профессионального становления вообще, так и при развитии социальной компетентности в частности. Для обоснования достаточно обратиться к понятию «компетенция»: «способность действовать в ситуации неопределенности», «способность к созданию собственного продукта, выполненного и представленного с ориентацией на восприятие другим человеком» [4] и т. д. Социальная компетентность педагога развивается только через осознание и трансформацию оснований собственных действий, проявления субъектности в отношениях с Другим, то есть через рефлексию [7].

В педагогическом колледже рефлексивная форма работы включена в общую программу развития социальной компетентности, в рамках которой проводятся тренинги и олимпиады по решению компетентностных задач, обучающиеся привлекаются к участию во внутренних и внешних мероприятиях, направленных на повышение социальной активности молодежи.

Направление, которому мы уделяем внимание в статье, представляло собой цикл рефлексивных семинаров со студентами. Рефлексивный семинар мы понимаем как форму организации образовательного процесса, позволяющую фиксировать и делать предметом рефлексии (с последующим обсуждением) личностные изменения, происходящие со студентами (О.М. Краснорядцева) [3]. В рамках семинаров студентам предлагалось проанализировать собственные взаимоотношения с учениками в классах, где они проходили производственную практику.

Для этого мы воспользовались схемой американского психолога Р. Дрейкурса [1], выделившего четыре наиболее распространенные причины конфликтного поведения ребенка. К ним относятся: 1) ребенок хочет обратить на себя внимание (завоевание внимания); 2) ребенок хочет одержать верх над уни-

телем, так как не желает подчиняться ему (борьба за власть); 3) ребенок мстит учителю за то, что он нелюбим и обижен (месть или реванш); 4) ребенок демонстративно показывает, что он ни на что не способен, чтобы его оставили в покое (демонстрация неадекватности).

Каждой из причин соответствует эмоциональная реакция учителя: «Автоматическая реакция учителя обычно находится на одной линии с тем, что хочет показать ему ребенок» [2].

1. Стремление ребенка обратить на себя внимание вызывает раздражение, которое учитель обычно выражает в крике, замечаниях, указаниях и т. д.

2. Стремление ребенка одержать верх над учителем приводит к переживаемому учителем ощущению, что ему бросили вызов или что ему угрожают.

3. Достигнутому стремлению ребенка взять реванш над учителем соответствует переживаемое учителем чувство обиды.

4. При демонстрации ребенком своей неспособности учитель обычно чувствует свою беспомощность («Я не знаю, что с ним делать»).

По идее автора, понимание целей плохого поведения ученика и, как следствие, нахождение оптимального подхода к нему основано на способности учителя отслеживать свои эмоциональные реакции на это поведение. Таким образом, в данном подходе рефлексия собственных эмоциональных переживаний является основанием для выстраивания эффективного общения с учеником. Так, Р. Дрейкурс считает, что сообщение ребенку причины его поведения (редко осознаваемой им самим) является моментом психологической помощи, которую рефлексирующий учитель способен оказать.

Студенты были ознакомлены с теоретическими положениями концепции Р. Дрейкурса. Им было предложено зафиксировать в письменной форме педагогические ситуации из последнего опыта собственной практики, описывающие поведение ребенка во время урока. Вслед за этим студенты должны были ретроспективно описать собственное эмоциональное состояние, возникшее в этих ситуациях, а также предположить возможную причину конфликтного поведения ученика, соответствующую предложенной схеме Р. Дрейкурса.

Секция 8

Озвученные педагогические ситуации показали нижеследующие результаты.

1. 45,00 % студентов описали ситуации, вызывающие у них эмоцию раздражения, что соответствовало целям конфликтных детей привлечь к себе внимание. Случаи, приводимые в данной группе, иллюстрировали поведение учеников, стремящихся выделиться: мальчики и девочки отвлекали от работы своих соседей, громко разговаривали, давали неадекватные обсуждению реплики, рассчитанные на демонстрацию, постоянно оказывались в центре внимания класса, практиканта и учителя благодаря своим эксцентричным поступкам:

«На занятии по внеурочной деятельности ученик всячески нарушал дисциплину, вставал с места без разрешения, кидался бумагой, громко беседовал с соседом, при этом он все время старался выделиться, нарочно мелькал у меня перед глазами. Он не обращал внимания на замечания до того момента, пока я не поставила его отвечать у доски перед всем классом. У меня эта ситуация вызвала раздражение, значит, у ребенка было желание обратить на себя внимание».

2. 32,50 % студентов описали педагогические ситуации, несоответствующие заявленным эмоциональным переживаниям. Причем во всех случаях студенты также отмечали возникновение раздражения по отношению к мешающим вести урок детям. Несоответствие заключалось в том, что данные тексты касались моментов мести детьми («Вы меня не спросили на прошлом уроке, теперь я не буду заниматься»), попыток одержать верх над практикантом («Вы не учитель, я буду слушать только Марию Васильевну»), а также демонстраций детьми собственной неспособности выполнять требования на уроке.

Таким образом, в данной группе имело место недостаточное умение идентифицировать собственные эмоции либо искаженные воспоминания – возможно, ошибки были связаны с временной отдаленностью описываемых событий. Однако интересным является тот факт, что все респонденты данной группы в качестве «эмоции-заменителя» отметили раздражение:

«Я пришла на урок музыки ко второму классу, и класс меня не воспринимал как учителя, а у меня было продолжение новой темы. Я им объясняю, а они заняты своими делами. На пер-

вой парте мальчик играл с пеналом, я подошла, начала его убирать, а он мне сказал: «Это не ваши вещи, не трогайте». Я была в растерянности. Дети были довольны победой, смеялись. Учитель, который присутствовал, делал им неоднократно замечание, но класс замолкал всего лишь на минуту, и шум продолжался дальше. Я очень нервничала, меня все раздражали, но я старалась сдерживаться и молилась, чтобы урок быстрой закончился.

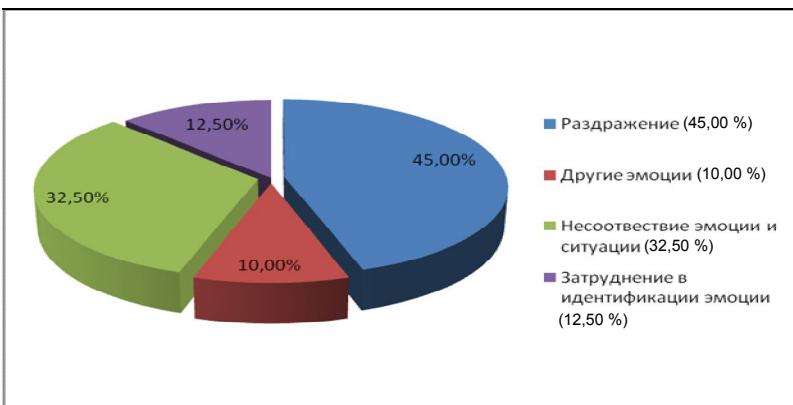
Раз дети меня раздражали, значит, они хотели привлечь внимание».

В данном случае девушка сама первоначально отмечает чувство растерянности перед сложившейся ситуацией, но в дальнейшем переносит акцент на раздражение, которое, скорее всего, появлялось после объективации, но не могло быть первичной эмоциональной реакцией.

3. 10,00 % респондентов представили ситуации, в которых описывались три оставшихся стратегии поведения детей на уроке с указанием возникших при этом эмоций, соответствующих выделенным Р. Дрейкурсом. Это: «чувство угрозы, ощущение брошенного вызова», «обида», «чувство беспомощности»:

«...Я индивидуально объяснила ребенку задание, постравшись исправить свою ошибку прошлого урока, когда его проигнорировала. Я дала ему природный материал, клей для изготовления аппликации. Но мальчик все равно продолжал громко разговаривать, утверждая, что у него все равно ничего не получится, и это я виновата, поскольку плохо объясняю. Я испытала чувство обиды, ведь я создала ему условия для работы, помогла составить композицию, но он даже приkleить самостоятельно не захотел листья. Похоже, он мне мстил за прошлое занятие».

4. 12,50 % респондентов испытали затруднение при идентификации собственной эмоциональной реакции, описав педагогическую ситуацию без анализа. В эту же группу мы включили респондентов, заявивших, что в их практике отсутствовали какие-либо конфликты с детьми или ситуации, вызывающие дискомфорт во время проведения занятий. Респонденты посчитали предложенный контекст рефлексии собственных переживаний не безопасным для себя, продемонстрировав наличие психологических защит.

Соотношение респондентов по формам идентификации собственных эмоциональных реакций

Итак, на этапе рефлексивных семинаров обнаружилась достаточно высокая незрелость респондентов в способности понимать и интерпретировать собственные эмоциональные реакции, что также приводило к трудностям в общении с детьми. Несмотря на некоторую условность схемы анализа целей ребенка Р. Дрейкурса и, вероятно, существующую вариативность возникающих эмоций у разных людей в одной и той же ситуации, «раздражение» как доминанта свидетельствует о том, что студенты по каким-то причинам не углублялись в изучение своего «раздражения». А обозначение именно данной эмоциональной доминанты при затруднениях создавало ощущение безопасности: «они меня раздражают» более комфортно, чем «меня обижают» или «мне угрожают».

В последующие две недели студенты обсуждали полученные результаты. Внимание при этом было удалено важности отслеживания своих эмоций в социальном взаимодействии и роли эмоций в рефлексивной саморегуляции. Также отдельно анализировались причины полученных результатов, выяснялось, какие переживания на самом деле могли скрываться за описанными педагогическими ситуациями.

Давая обратную связь по итогам проведенной работы, молодые люди акцентировали внимание на следующих положительных эффектах, которые им удалось ощутить:

1. Полученный опыт эмоционального анализа в общении применим не только во взаимодействии «учитель – ученик». Студенты неоднократно отмечали, что использовали схему анализа Р. Дрейкурса при конфликте в семье, недопонимании в учебной группе:

«...и вот, я поняла, что она такой же ребенок, ну и что с того, что старше моих учеников? И от обиды я перешла к размышлениям, как до нее донести – почему она меня обижает? Мне захотелось не продолжать ругаться, а помочь...»;

«А ведь я сама-то, что делаю зачастую? Привлекаю внимание, где только можно! Все уже говорят: «Бесишь! Все ты, да ты!», а я не могу остановиться».

Таким образом, применяемый на семинаре способ анализа позволил студентам более рефлексивно посмотреть на собственные взаимоотношения с другими людьми.

2. Молодые люди отмечали, что начали с большим интересом подходить к тем отношениям, которые выстраиваются между ними и подопечными в рамках практики в школе. У них появилась мотивация применения «рефлексивного действия» по отношению к реакциям детей с последующими шагами коррекции отношений. По их мнению, сама заинтересованность в этом способствовала улучшению взаимодействия с учениками, достижению большего взаимопонимания.

До цикла рефлексивных семинаров студенты концентрировали внимание при ведении урока на учебных задачах: как оптимизировать процессы понимания материала и его усвоения детьми. Это не значит, что особенности взаимоотношений с классом и отдельными учениками не осознавались практикантами, однако их анализ и проработка уходили по значимости на второй план и очень часто воспринимались как «константа»: с этими детьми – «трудно», а с этими – «легко».

Такое восприятие учебного процесса, по данным одного из опросов колледжа, типично для практикантов. Они сталкиваются с необходимостью детальной проработки конспекта к еженедельно проводимым урокам, подбором качественного учебного материала, респонденты озабочены выбором оптимальных методов и приемов работы на занятиях – именно перечисленные моменты, как им кажется, являются определяющими

факторами успешного урока. Таким образом, складывающиеся взаимоотношения с учениками не хватает времени осмысливать. Именно поэтому мы считаем важным введение в образовательный процесс учреждений, готовящих педагогические кадры, рефлексивные формы обучения, позволяющие восполнять подобные образовательные дефициты.

Список литературы

1. Дрейкурс, Р. Манифест счастливого детства. Основные идеи разумного воспитания / Р. Дрейкурс, В. Золц. – М. : Рама Паблишинг, 2011. – 296 с.
2. Зимняя, И. А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека / И. А. Зимняя. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0504.htm> (дата обращения 10.09.13). – Загл. с экрана.
3. Краснорядцева, О. М. Рефлексия как условие актуализации мотивопорождающих смыслов в процессе профессиональной подготовки / О. М. Краснорядцева // Психология обучения. – М. : Изд-во СГУ, 2008. – № 8. – С. 68–75.
4. Лебедев, О. Е. Компетентностный подход в образовании / О. Е. Лебедев // Школьные технологии. – М. : Изд-во газеты «Красная звезда», 2004. – № 2. – С. 3–12.
5. Лукина, А. К. Внедрение социальной компетентности будущего социального педагога / А. К. Лукина, Р. В. Богданов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://sociosphere.ucoz.ru/publ/konferencii_2010/problemy_sovremennoego_obrazovaniya/vneuchebnaja_dejatelnost_v razvitiu_socialnoj_kompetentnosti_budushhego_socialnogo_pedagoga/6-1-0-142 (дата обращения 10.09.13). – Загл. с экрана.
6. Мосягина, Г. П. Формирование социальной компетенции будущих педагогов :на примере педагогического колледжа : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Г. П. Мосягина. – Астрахань, 2008. – 25 с.
7. Слободчиков, В. И. Образовательная среда: реализация целей образования в пространстве культуры / В. И. Слободчиков // Новые ценности образования: культурные модели школ. – Вып. 7. – М. : Инноватор – Bennet college, 1997. – С. 177–184.

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА С ПОЗИЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Г. В. Никитовская

*Преподаватель кафедры педагогики
и современных образовательных технологий
Приднестровского государственного университета
имени Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь,
Приднестровская Молдавская Республика, Молдова*

Аннотация. В статье рассматривается сущность категорий профессиональной и управлеченческой компетентности, представленных в педагогической науке, показана их взаимосвязь, даны определение и характеристика понятия управлеченческой компетентности педагога с позиции функционально-аналитического подхода.

Abstract. The article deals with the essence of the categories «professional competence» and «controlling competence» presented in pedagogical science showing their interaction and giving the notion of a controlling competence of a teacher due to functional analytic approach.

Ключевые слова: компетентность, профессиональная компетентность, управлеченческая компетентность, управлеченческая компетентность педагога.

Keywords: competence, professional competence, controlling competence, controlling competence of a teacher.

В современных образовательных условиях наблюдается тенденция к развитию профессиональных функций педагога, ориентированных не столько на знание предмета и способность организовать свой труд, сколько на формирование самостоятельности и ответственности педагога, его способности эффективно управлять учебно-познавательной деятельностью обучаемых в условиях инновационных преобразований в системе образования. Иными словами, современный педагог должен владеть развитыми профессиональными компетенциями.

Компетенции трактуются как некоторые внутренние, потенциальные, скрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений) и выявляются в компетентностях человека [3, с. 39].

При этом компетентность: а) шире знаний и умений; б) включает в себя эмоционально-волевую регуляцию ее поведенческого проявления; в) имеет содержание, значимое для субъекта ее реализации; г) являясь активным проявлением человека в его деятельности, поведении, характеризуется мобилизационной готовностью как возможностью ее реализации в любой требующей этого ситуации [1, с. 26].

Компетентность – интегрированная характеристика качеств личности, имеющая процессуальную направленность и мотивационный аспект, базирующаяся на знаниях, умениях и навыках, проявляющихся в деятельности (реальной или смоделированной).

Компетенция – открытая система знаний, умений и навыков, которые активизируются и обогащаются в деятельности по мере возникновения и решения реальных жизненных и профессиональных проблем, с которыми сталкивается человек.

Для дифференциации понятий «компетенция» и «компетентность» следует опираться на тезис о том, что компетенция представляет собой ресурс, а компетентность – это актуальное проявление такого ресурса в деятельности.

Проблемам формирования у педагога компетентности посвятили свои исследования В.А. Болотов, А.В. Вишнякова, С.Г. Воровщикова, И.А. Зимняя, Е.Я. Коган, А.А. Пинский, В.В. Сериков, А.В. Хуторской, И.Д. Фрумин, Б.Д. Эльконин и др.

Преимущества подготовки педагога с позиции формирования соответствующей профессиональной компетентности заключаются: в усилении практической направленности приобретаемых знаний, умений и навыков, в понимании педагогической деятельности шире, чем только в рамках определенной конкретной профессии, в расширении возможности трудоустройства и круга выполняемых задач, в обеспечении возможности дальнейшего самообразования.

Управленческая компетентность рассматривается как составная часть профессиональной компетентности педагога. И.Б. Сенновский считает, что научно обоснованная деятельность педагога нуждается в уточнении и расширении его профессиональной компетентности. К традиционным относятся гностические, проектировочные, конструктивные, коммуникативные и организаторские качества его деятельности [6, с. 49].

В рамках управляемого цикла появляются: прогностическая и моделирующая деятельность, которая развивает традиционное планирование; процедуры, связанные с принятием управляемых решений на основе диагностики в рамках образовательного мониторинга; регулирование учебной деятельности обучаемых и рефлексивных процессов [там же, с. 51].

Несмотря на то что понятие управляемой компетентности является относительно новым, оно нашло отражение в некоторых научных публикациях: И.П. Андриади, В.В. Горбенко, Т.М. Давыденко, Л.М. Митина, С.Ц. Нимбуева, О.В. Осипенко, И.П. Радченко, Л.А. Соловьева, Е.Г. Чернышено, Т.И. Шамова, А.А. Шамкаева, Г.Н. Шибанова и др.

Управленческая компетентность педагога представляет собой систему внутренних ресурсов, необходимых для организации эффективного руководства обучаемыми в соответствии со всеми составляющими его деятельности (целями, принципами, содержанием, технологиями и т. д.). Ее следует рассматривать как комплексную систему, включающую в себя научно-теоретические, операционно-технологические и социально-психологические характеристики управляемой компетентности.

Операционно-технологическая характеристика управляемой компетентности предполагает адекватную ориентацию в целеполагании, постановку конкретных задач для достижения целей обучения, определение приоритетности и соподчиненности этих задач. Функции управления систематически осуществляются по определенным правилам и на основе определенных процедур. Самостоятельная постановка педагогом целей деятельности коллектива обучаемых, их конкретизация, контроль за их достижением, соотношение целей со своими возможностями.

стями и с возможностями обучаемых и входят в понятие «операционно-технологическая компетентность».

Способность педагогов действовать в пределах заданных целей и самим ставить новые цели означает высокий уровень их профессионального развития, практическую готовность, предлагающую наличие сформированных на требуемом уровне профессиональных умений и навыков управлеченческой деятельности.

Научно-теоретическая характеристика управлеченческой компетентности педагога предполагает научно-теоретическую готовность к управлеченческой деятельности, включающую в себя необходимый объем психолого-педагогических и специальных знаний, организацию своих знаний и мыслительных способностей [2, с. 97].

М.И. Марынин отмечает, что под организацией знаний понимается постоянная деятельность по формированию массива знаний, которые можно реализовать в соответствии с требованиями работы, и наличия у педагога-менеджера установки и навыков системного использования запаса знаний для решения практических проблем [4, с. 8].

Эффективную управлеченческую деятельность связывают с наличием сформированного рефлексивного уровня интеллекта и включенностью его во все мыслительные процессы и управлеченческую деятельность. Другими словами, педагог должен управлять своими познавательными ресурсами.

Социально-психологический аспект управлеченческой компетентности педагога предусматривает «адекватность в сфере межличностного восприятия и взаимодействия, умение предупреждать конфликтные ситуации, гибкость стиля руководства, а также коммуникативность – способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми» [там же, с. 14].

Социально-психологическая компетентность педагога является характеристикой, в которой сконцентрированы его профессионально важные качества. Она отражает состояние личности: ее направленность, уровень профессиональных умений, базирующихся на соответствующих знаниях, умениях, навыках, способностях.

В итоге социально-психологическая характеристика находит выражение в готовности педагога осознанно, своевременно и творчески решать многообразные управленческие задачи. Это личностное состояние представляет собой единство мотивационно-ценностного, эмоционально-волевого и содержательно-операционального компонентов и характеризует уровень профессионального развития личности и ее деятельность.

Анализируя управленческую компетентность педагога с позиции функционально-аналитического подхода, суть которого заключается в выделении конкретных управленческих функций, вокруг которых группируются характеристики управленческой компетентности.

Понимая компетентность как обладание способностями и умениями выполнять определенную функцию, как характеристику деятельности, можно говорить, что компетентность характеризует человека как субъекта специализированной деятельности в системе общественного труда в соответствии с уровнем его способностей принимать адекватные решения в проблемных ситуациях, планировать и совершенствовать действия, приводящие к рациональному достижению поставленных целей, что отражает личностную составляющую понятия «компетентность» [6, с. 47].

Исходя из функционально-аналитического подхода к определению понятия «управленческая компетентность», мы определяем управленческие умения на основе выделенных управленческих функций.

Для компетентного выполнения информационно-аналитической функции управленческой деятельности необходимо осуществление следующих умений: отбирать и выбирать соответствующую информацию; анализировать информацию; анализировать учебно-программную документацию; анализировать технологии обучения; анализировать средства диагностики и измерений знаний, умений обучаемых.

Для реализации мотивационно-целевой функции управления педагог должен уметь: ставить перед собой и формировать у обучаемых цели; уметь соотносить свою профессиональную деятельность с задачами образовательного учреждения; устанавливать адекватный стиль взаимоотношений с обучаемыми;

Секция 8

умение проявлять заботу о нуждах коллектива обучаемых и отдельной личности; стимулировать интерес обучаемых к учебной работе; формировать чувство причастности к делам группы; способствовать развитию способностей обучаемых.

Выполнение планово-прогностической функции управленческой деятельности требует от педагога следующих умений: прогнозировать развитие педагогической деятельности; планировать цели собственной деятельности и деятельности обучаемых в соответствии со стратегией развития образовательного учреждения; разрабатывать документацию, пользоваться ею; пользоваться современными средствами обучения.

Для реализации организационно-исполнительской функции управленческой деятельности педагог должен уметь: пользоваться технологиями организации совместной деятельности обучаемых; организовывать собственную деятельность (самоменеджмент); использовать игровые способы организации совместной деятельности; распределять и оценивать имеющиеся ресурсы всех видов для реализации поставленных целей.

Выполнение регулятивно-коррекционной функции управления предполагает наличие у педагога следующих умений: контролировать ход выполнения поставленных перед обучаемыми задач; обеспечивать обратную связь с обучаемыми; анализировать причины отклонения в реализации запланированных целей обучения; вносить необходимые коррективы в учебную деятельность для достижения запланированных целей обучения; представлять результаты деятельности обучаемых.

В ходе анализа управленческой деятельности педагогов был проведен опрос, цель которого заключалась в выявлении уровня их управленческой компетентности.

Деятельность каждого педагога требовалось оценить по ряду критериев по пятибалльной шкале, где балл «5» означал максимальную выраженность оцениваемого качества, а балл «1» – его полное отсутствие.

Отобранные критерии были сгруппированы по восьми управленческим функциям следующим образом:

– **Администраторская функция:** использует оптимальные формы контроля работы обучаемых; оптимально распределяет рабочую нагрузку между ними; умело координирует дейст-

вия обучаемых, организуя слаженную работу ученического коллектива; умеет организовывать взаимодействие обучаемых с другими подразделениями.

– **Стратегическая функция:** оптимально осуществляет планирование деятельности ученического коллектива; предлагаёт оптимальные решения производственных проблем; способен ставить четкие цели, задачи.

– **Функция регулирования:** обеспечивает четкую «обратную связь» с обучаемыми, обсуждает с ними успехи или неудачи в достижении поставленных целей; умеет ясно высказать свои мысли.

– **Дисциплинарная функция:** умеет регулировать соблюдение учебной дисциплины; требователен к обучаемым.

– **Представительская функция:** уверен в себе, имеет свою точку зрения на возникающие проблемы; является авторитетным представителем педагогического коллектива для других структурных подразделений и внешних организаций; способен отстаивать интересы своего коллектива.

– **Экспертно-консультативная функция:** объективно оценивает результаты своей работы и работы обучаемых; при решении профессиональных и управленческих задач терпим к чужому мнению; делегирует обучаемым в необходимой степени власть и ответственность, дает им свободу действий в выполнении заданий.

– **Инновационная функция:** проявляет инициативу, выдвигает плодотворные идеи; стремится к повышению своего профессионального уровня; стремится совершенствовать методы работы, умеет внедрять инновации; восприимчив к новому, гибко адаптируется к изменениям.

– **Социально-психологическая функция:** гибко и корректно строит деловые отношения с обучаемыми, стремится найти индивидуальный подход к каждому из них; допускает критику в свой адрес, адекватно реагирует на нее; способствует созданию благоприятного климата в коллективе, при возникновении конфликтных ситуаций содействует их конструктивному разрешению; эмоционально сдержан; «доступен» для обучаемых, открыт и естественен в общении с ними; в сложных производственных ситуациях готов брать ответственность на себя.

Общий уровень компетентности педагога зависит от величин критериев компетентности. Выставление баллов «4», «5» означает общую позитивную оценку критериев. Вместе с тем баллы «1», «2», «3» имеют заведомо негативный характер, свидетельствующий о значимых недостатках в компетентности педагога.

Анализ полученных результатов позволил выделить 4 уровня управленческой компетентности педагога и выявить их отличительные особенности.

1. Позитивная: в сложных производственных ситуациях не ищет «виноватых», готов брать ответственность на себя. Негативная: не способен ставить четкие цели, задачи перед коллективом.

2. Позитивная: требователен к обучаемым. Негативная: не ко всем относится беспристрастно; при возникновении конфликтных ситуаций не содействует их конструктивному разрешению.

3. Позитивная: стремится совершенствовать методы работы, умеет внедрять инновации; проявляет инициативу, выдвигает плодотворные идеи. Негативная: не умеет ясно высказывать свои мысли.

4. Позитивная: допускает критику в свой адрес, адекватно реагирует на нее. Негативная: не является авторитетным представителем своего коллектива для других подразделений и внешних организаций.

Выделенным уровням управленческой компетентности можно присвоить условные названия, установленные М.М. Чуркиной, Н.М. Жадько:

1) «Надежный руководитель» – «стоит горой за коллектив», однако не способен стратегически мыслить;

2) «Строгий руководитель» – жестко контролирует ход педагогического процесса, однако плохо ладит с обучаемыми;

3) «Новатор» – стремится к внедрению новых методов работы, но не умеет четко высказывать свои мысли;

4) «Скромный руководитель» – хорошо «контактирует» с коллективом, способен адекватно воспринимать критику, но не имеет развитых представительских функций [7, с. 148].

Таким образом, управленческая компетентность с позиции функционально-аналитического подхода рассматривается как

деятельностная характеристика педагога и предполагает обладание им способностями и умениями выполнять определенную функцию.

Список литературы

1. Вербицкий, А. А. Компетентностный подход в образовании: проблемы и условия реализации / А. А. Вербицкий // Байкальский психологический и педагогический журнал. – 2006. – № 1–2 (7–8). – С. 25–35.
2. Друкер, П. Ф. Эффективное управление / П. Ф. Друкер ; пер. с англ. М. Котельниковой. – М. : Фаир-Пресс, 2003. – 284 с.
3. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34–42.
4. Оценка управленческой компетентности руководящих кадров ГПС : метод, пособие / М. И. Марьин, И. В. Иванихин, С. И. Ловчак [и др.]. – М. : ВНИИПО, 1998. – 117 с.
5. Развитие управленческой компетенции : учеб. пособие. – Кн. 4 / пер. с англ. под ред. Г. Салимана, Дж. Батслера ; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. – Жуковский : МИМ ЛИНК, 1998. – 54 с. – (BZR751 «Управление развитием и изменением»).
6. Сенновский, И. Б. Управленческая деятельность учителя / И. Б. Сенновский // Педагогика. – 2004. – № 2. – С. 48–54.
7. Управленческая эффективность руководителя / М. М. Чуркина, Н. М. Жадько. – М. : Альпина Паблишер, 2009. – 236 с.

**СОЗДАНИЕ
ИНТЕГРАТИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ
ДОШКОЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
И НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ ГИМНАЗИИ**

K. A. Новопольцева

*Тюменский областной государственный институт
развития регионального образования, кафедра
дошкольного и начального образования, воспитатель
Муниципального автономного дошкольного образовательного
учреждения д/с № 85, г. Тюмень, Россия*

Аннотация. Целью настоящей работы является анализ возможностей для создания интегративной образовательной среды дошкольного отделения и начальных классов гимназии. В статье раскрываются проблемы разработки и внедрения в практику программ непрерывного образования. Уделяется внимание вопросам преемственности, решение которых предъявляет высокие требования к степени гибкости и вариативности современного педагогического процесса.

Abstract. The purpose of this work is to analyze the possibilities for creating integrative educational environment of a nursery school and lower grades of the gymnasium. The article reveals the problems of development and reduction to practice of continuing education programs. The attention is given to the issues of continuity, which solution demands high degree of flexibility and variability of the contemporary pedagogical process.

Ключевые слова: интеграция, интегративная образовательная среда, дошкольное отделение, начальные классы гимназии.

Keywords: integration, integrative educational environment, nursery school, elementary school gymnasium.

В последнее время прослеживается тенденция качественного обновления системы образования, используются взаимосвязи традиционных и инновационных подходов к организации целостного учебно-воспитательного процесса как совместной творческой жизнедеятельности педагогов и школьников. Поиск способов и средств взаимосвязи различных

видов учебно-воспитательной работы выявляет необходимость создания новых и использования их интеграции в системе современного образования, что находит свое проявление во внешних и внутренних формах учебно-воспитательной работы. В данном случае встает необходимость анализа проблем взаимосвязи различных форм работы с детьми, а также преемственности в системе «детский сад – школа». Рассматриваемые вопросы связаны с фундаментальной педагогической проблемой целостности учебно-воспитательного процесса, которую, в свою очередь, рассматривали еще классики отечественной педагогики XX в. Ю.К. Бабанский, Л.Ю. Гордин, В.С. Ильин, В.В. Краевский, В.М. Коротов, Б.Т. Лихачев и др.

В педагогике под интеграцией понимается высшая форма выражения единства целей, принципов и содержания организации процесса обучения и воспитания, результатом функционирования которых является формирование у обучаемых качественно новой целостной системы знаний и умений [9]. Под образовательной средой сегодня понимают, в первую очередь, культурно-образовательное пространство, или развивающуюся целостность, структурные элементы которой – субъекты образовательного процесса – используют для освоения и трансляции гуманистических ценностей [4]. Создание интегративной образовательной среды дошкольного отделения и начальных классов школы является одной из задач реализации в жизнь системы непрерывного образования.

Интегративные процессы в образовании направлены на формирование и развитие целостной образовательной системы, способной обеспечить удовлетворение индивидуальных потребностей, развитие творческих способностей и интересов детей в разных видах деятельности. Использование интеграции также способствует представлению изучаемого содержания в многообразии различных отношений и связей, что, в свою очередь, обеспечивает возможность обогащения и целостности опыта дошкольника и младшего школьника, своеобразному «погружению» ребенка в познаваемую действительность. Данные процессы: способствуют активизации у детей интереса к познанию и самостоятельности; позволяют обобщать и систематизировать

знания, формировать системность мышления, умения комплексного решения проблем; обеспечивают перенос освоенного в новые условия. Анализ указанных процессов приведен в работах современных педагогов И.И. Казаковой, А.Ю. Качимской, Н.П. Микляевой и др.

Взаимосвязь и согласованность целей и задач, на первый взгляд, кажутся достаточным базисом для формирования и развития интегративной образовательной среды ДОУ и начальных классов средней школы. В то же время многие специалисты отмечают, что разработка и внедрение в практику программ непрерывного образования сопряжены с целым рядом серьезных проблем [8]. Среди них ведущее место занимают вопросы сохранения дискретного характера отдельных ступеней образования. С нашей точки зрения, преодоление данной проблемы может быть наиболее эффективным в системе «ДОУ – начальные классы гимназии», что будет определяться спецификой гимназического образования.

Разработка моделей и программ интеграции дошкольной образовательной среды и образовательной среды начальных гимназических классов предполагает решение целого ряда задач. Несмотря на то что в «Концепции содержания непрерывного образования» дифференцированно выделяются две группы задач: для дошкольной ступени и для ступени начальной школы, – между ними можно выявить значительное количество точек взаимодействия, а в некоторых случаях и прямой преемственности.

В частности, среди задач дошкольного образования выделяется приобщение детей к ценностям здорового образа жизни, а среди задач следующей образовательной ступени – их осознанное принятие и соответствующая им регуляция собственного поведения. В обеих группах присутствуют задачи, связанные с развитием инициативности и развития навыков сотрудничества в различных видах деятельности. Развитие готовности к активному взаимодействию с окружающим миром, входящее в число задач начальной школы, невозможно без формирования различных знаний об окружающем мире на дошкольной ступени. Наконец, в числе задач начального школьного образования имеется прямое указание на преемственность образовательных программ, а именно: «совершенствование достижений дошкольного

развития (на протяжении всего начального образования); специальная помощь по развитию сформированных в дошкольном детстве качеств» [6]. Подобная преемственность характерна не только для отдельных задач, но и для общих целей воспитания и обучения на отдельных ступенях развития.

Одним из факторов, который значительно повышает возможности гимназий в плане интеграции образовательного пространства с ДОУ, является высокий уровень профессиональной компетентности их педагогического коллектива.

Достижение основных целей интегративных процессов в образовании, то есть максимально возможное обеспечение развития способностей и интересов детей, невозможно без личностно-ориентированного взаимодействия взрослых с детьми. В свою очередь, это личностно-ориентированное взаимодействие будет наиболее эффективным только при наличии у педагога целого ряда личностных характеристик.

На современном этапе педагоги ДОУ вовлечены в инновационный процесс, касающийся обновления содержания дошкольного образования, форм его реализации, методов и приемов преподнесения содержания детям. В связи с этим развитие профессиональной компетентности педагогов приобретает особую значимость.

В плане социально-психологической направленности для педагога должны быть характерны определенная степень конформности, гуманизм, разумная авторитарность, центрация на интересах родителей и методическая центрация. Педагог должен обладать педагогической и психологической профессиональной компетентностью. Кроме того, для него должна быть характерна социально-коммуникативная компетентность, куда относят социально-коммуникативную адаптивность, стремление к согласию, нетерпимость к неопределенности, фрустрационную толерантность.

Создание интегративной образовательной среды, способствующей эмоционально-ценостному, социально-личностному, познавательному, эстетическому развитию ребенка и сохранению его индивидуальности, сбалансированности репродуктивной и творческой деятельности детей, а также различных форм активности (совместных и самостоятельных, подвижных и ста-

тических), предъявляет также высокие требования к степени гибкости и вариативности педагогического процесса. Для этого также недостаточно только наличия соответствующих образовательных программ, необходимо иметь педагогический коллектив, который способен и хочет претворять содержание этих программ в жизнь.

К сожалению, характерной особенностью нашего времени является выраженный кадровый дефицит в системе дошкольного и общего среднего образования. В 2012 г. в школах России не хватало более 17 тыс. учителей, в первую очередь педагогов иностранного языка, математики и физкультуры [3]. На первый взгляд, в масштабах нашей страны это относительно небольшое число, однако оно отражает только количество незанятых вакансий в школах в начале учебного года, но не учитывает «текущесть» кадров. Тем более она не дает информации о степени психологической и профессиональной компетентности трудоустроенных педагогов.

В то же время именно для гимназий всегда было характерно относительное кадровое «благополучие». Мотивированные на работу по специальности педагоги охотно шли работать в эти учебные заведения, поскольку, как правило, в них они получали возможность реализации своего творческого потенциала. Нам не удалось найти сводных статистических данных о кадровом составе гимназий в целом по России. Однако анализ информации, представленной на официальных сайтах гимназий разных городов, позволяет сделать вывод об отсутствии в них кадрового дефицита. По-видимому, для гимназий также характерна относительная стабильность педагогического состава и достаточное количество молодых педагогов, в том числе мужчин. В большинстве гимназий проводится мониторинг психологического «здравья» педагогического коллектива, реализуются программы постоянного роста профессиональной компетентности.

Помимо коллектива, как правило, состоящего из творческих и любящих свою профессию и детей личностей, гимназии, учебные заведения характеризуются и другими особенностями. Для образования в современной гимназической системе характерна вариативность содержания, расширенный учебный план, который содержит широкий спектр учебных курсов по выбору.

В таких учебных заведениях широко внедряются педагогические инновации и авторские разработки. В целом, для гимназии характерна особая творческая атмосфера.

С нашей точки зрения, именно подобный гимназический «дух» может служить основой для создания интегративной образовательной среды ДОУ и начальных классов. Вариативность учебных программ гимназии, в том числе программ дополнительного образования, будет расширять возможности для выбора деятельности, предоставляемые каждому ребенку, а также создавать условия для формирования ведущей деятельности как важнейшего фактора развития ребенка, условия для широкого использования игры при формировании учебной деятельности [6]. Однако даже в подобной «обогащенной» образовательной среде создание интегративного образовательного пространства ДОУ и начальных классов обуславливает необходимость уделять значительное внимание содержательному, технологическому и психологическому аспекту преемственности образовательного процесса.

Многие специалисты отмечают серьезные проблемы именно в содержательном и технологическом аспектах преемственности образования. Это, в первую очередь, выражается в значительном «рассогласовании» программ дошкольного и начального школьного образования, а также слабой степени выраженности преемственности форм, средств, приемов и методов воспитания и обучения [10].

Для решения данных проблем необходима коллективная разработка программ для ДОУ и начальных классов при совместном участии педагогов, работающих на обеих образовательных ступенях. Именно такая коопeração позволит в полной мере обеспечить «сквозные» линии в содержании образовательных программ и использовать принцип концентричности. Основу такой преемственности должен составлять федеральный компонент программы.

Кроме того, необходима разработка общих подходов к организации учебно-воспитательного процесса в подготовительной группе детского сада и начальном звене средней школы. Особое внимание должно быть уделено насыщению учебно-воспитательного процесса различными игровыми приемами и

видами предметно-практической деятельности. При этом многие специалисты предостерегают от опасности превращения ДОУ в некий аналог школы, но для детей младшего возраста, где их активно обучают чтению, письму, усложненной математике, забывая о решении задач общего развития ребенка [7].

Этот часто встречающийся недостаток учтен в «Концепции содержания непрерывного образования (дошкольное и начальное звено)», где особое внимание уделяется линии социально-личностного развития ребенка [6]. Дошкольная ступень образования должна в полной мере обеспечивать развитие положительного отношения ребенка к себе, к другим людям и окружающему миру, его коммуникативной и социальной компетентности.

В данном случае является необходимым не только дать как можно больше знаний детям, научить их читать, писать, но и пытаться:

- раскрыть потенциал каждого ребенка, развить его индивидуальность, создать оптимальные условия для обогащения жизненного опыта и личностного роста;
- обеспечить ресурсы для самореализации детей, подготовке их к достижению жизненных успехов, приучить к самоконтролю и саморегуляции;
- содействовать передаче культурных традиций, опыта предшествующих поколений;
- обучить детей эффективному взаимодействию и сотрудничеству с другими людьми, подготовить к успешному осуществлению функций, соответствующих ролям, которые человек играет в обществе как гражданин государства, член семьи, профессиональной группы.

Важнейшей основой полноценного социально-личностного развития ребенка является его положительное самоощущение, то есть уверенность в своих возможностях, в любви со стороны окружающих. Формирование коммуникативной компетентности невозможно без развития умения распознавать эмоциональные переживания и состояния окружающих, а также адекватно выражать собственные эмоциональные ощущения и переживания.

Организация интегративной образовательной среды ДОУ и начальных классов должна включать в себя три основных направления деятельности – работу с детьми, взаимодействие педагогов и сотрудничество с родителями.

Как выявлено, в своем большинстве современные дети 6–7 лет к началу школьного обучения оказываются психологически не готовыми к нему. Они не готовы к личностному принятию школьной действительности и систематическому осуществлению сложной интеллектуальной деятельности. Следствием этого является низкий уровень усвоения предметных знаний и умений, отрицательное отношение к учению, различные отклонения в эмоциональной сфере, девиантное и асоциальное поведение.

Уже к концу дошкольного возраста большинство детей умеют налаживать контакт со сверстниками и незнакомыми им ранее взрослыми. При этом дети проявляют определенную степень уверенности и инициативности. Чтобы минимизировать дискомфорт при переходе в новый коллектив целесообразно осуществлять:

- совместные педагогические советы;
- совместные методические объединения;
- совместное проведение мониторингов;
- взаимопосещение занятий и уроков;
- приглашение школьников на праздники дошкольников в качестве участников;
- экскурсии в школу, знакомство с учебным кабинетом, учителями,
- приглашение учителей на собрания к дошкольникам.

Исходя из этого, важно отметить, что работа с воспитанниками ДОУ не должна сводиться только к освоению образовательной программы и экскурсиям по школьным кабинетам. Значительное место в рамках данного направления должно принадлежать взаимодействию дошкольников с учащимися начальной школы, которое может осуществляться в рамках совместной образовательной деятельности, совместных игровых программ, проектной деятельности, художественных выставок, музыкальных праздников, а также в других формах.

К сожалению, в настоящее время создание интегративной образовательной среды между ДОУ и начальной школой затрудняют еще ряд факторов методически-организационного плана. Это, в первую очередь, плохая обеспеченность учебного процесса учебно-методическими материалами, а также недостаточный уровень подготовки педагогических кадров к работе в системе непрерывного образования. В частности, существует острая нехватка специалистов, умеющих работать с детьми 3–10 лет, то есть сочетающих профессиональный потенциал воспитателей и учителей начальных классов. Данные проблемы требуют организации централизованной системы повышения квалификации для подготовки как педагогов, так и административного персонала для обеспечения системы преемственного образования.

Таким образом, создание интегративной образовательной среды дошкольного и начального школьного образования требует решения ряда проблем как объективного, так и субъективного характера. Анализ этих проблем позволяет заключить, что гимназии, как инновационные учебные заведения, обладают значительным потенциалом для их успешного преодоления, что во многом определяется высокой квалификацией педагогов, творческой атмосферой, а также особенностями учебных программ. О потенциальных возможностях гимназий для создания интегративной образовательной среды дошкольного отделения и начальной ступени среднего образования свидетельствуют также результаты анализа отчетных материалов о значительных успехах в реализации программ сотрудничества между ДОУ и гимназиями.

Список литературы

1. Белова, Т. Ю. Преемственность МДОУ № 50 и СОШ гимназии № 24 в подготовке детей к школе с использованием инновационной программы «Детский сад 2100» / Т. Ю. Белова // Материалы социальной сети работников образования. – Электрон. текстовые дан. – Дата размещения материала 06.10.2011. – Режим доступа: <http://nsportal.ru/detskii->

Секция 8

- sad/logopediya/doklad-po-preemstvennosti-mezhdu-mdou-i-gimnaziei (дата обращения: 14.11.2013). – Загл. с экрана.
2. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального образования / Э. Ф. Зеер. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 2000. – 244 с.
3. Инновационная образовательная сеть «Эврика». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.eurekanet.ru/ewww/promo_print/18539.html (дата обращения: 14.11.2013). – Загл. с экрана.
4. Казакова, И. И. Методические рекомендации по формированию образовательной среды / И. И. Казакова // Материалы официального сайта Томского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://edu.tomsk.ru/tonews/doc/2012/10/15/Obrazovatelnaya_sreda.doc (дата обращения: 19.11.2013). – Загл. с экрана.
5. Качимская, А. Ю. Психологическое сопровождение преемственности развития детей на этапе «детский сад – начальная школа» : автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. Ю. Качимская. – Иркутск, 2004. – 22 с.
6. Концепция содержания непрерывного образования (дошкольное и начальное звено) : утв. Федер. координац. советом по общему образованию Минобразования Рос. Федерации 17.06.2003. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/>. – Загл. с экрана.
7. Материалы городской конференции работников образования «Преемственность муниципальной системы образования в условиях модернизации». – Омск, 2005.
8. Микляева, Н. П. Образовательная интеграция ДОУ: проблема интеграции / Н. П. Микляева // Образование, ребенок, ученик. – Электронный журнал. – 2013. – № 5. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.obruch.ru/index.php?id=8&n=67&r=2>. – Загл. с экрана.
9. Омельченко, С. В. Понятие интеграции в педагогическом процессе / С. В. Омельченко // Журнал научных публикаций. – 2007. – 17 янв. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://jurnal.org/articles/2007/ped1.html>. – Загл. с экрана.
10. Савченко, М. А. Преемственность между детским садом и школой: проблемы, мнения, факты / М. А. Савченко // Материалы сайта фестиваля педагогических идей «Открытый урок». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/561514/> (дата обращения: 15.11.2013). – Загл. с экрана.

Секция 9

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВ, НАУКИ, ИСКУССТВА И РЕЛИГИИ

Ю. И. Хлопков

*Профессор, доктор физико-математических наук,
Московский физико-технический институт,
г. Жуковский, Россия*

Зея Мью Мьинт

*Докторант, кандидат физико-математических наук,
Московский физико-технический институт,
г. Жуковский, Россия*

Илаха Агаева

*Магистрант, Московский физико-технический институт,
г. Жуковский, Россия*

А. Ю. Хлопков

*Инженер-программист,
Московский физико-технический институт,
г. Жуковский, Россия*

Аннотация. Методология познания – это главный способ ориентации человеческой цивилизации в окружающем мире. Рассматриваются три группы методов познания – наука, искусство и религия, хотя хронологически их стои-

Секция 9

ло бы расположить в обратном порядке. Анализируется взаимовлияние этих методов друг на друга при получении нового знания.

Abstract. The methodology of knowledge – it is the main way of orientation of human civilization in the world around. There are three groups of methods of knowledge – science, art and religion although chronologically they should be arranged in reverse order. Mutual interference of these methods on each other when receiving new knowledge has been considered.

Ключевые слова: методы познания, классическая и современная физика, буддизм, лингвистика, Леонардо да Винчи, Ломоносов, Пушкин, Эйнштейн.

Keywords: method of knowledge, classical and modern physics, Buddhism, linguistics, Leonardo da Vinci, Lomonosov, Pushkin, Einstein.

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель.

A.C. Пушкин

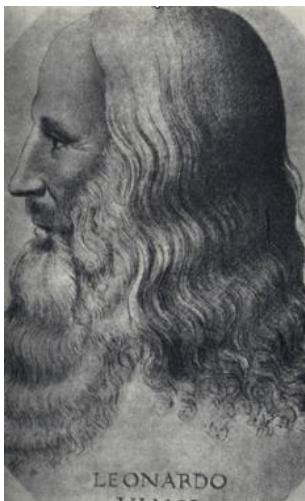
Современная физика приблизительно установила очертания Вселенной. Последние эксперименты на адронном коллайдере доказали существование бозона Хиггса, чем, собственно, и завершили длительный спор о нулевой точке отсчета нашей Вселенной – Большом Взрыве. Вопрос о конечной точке существования Вселенной остается открытым. Но не для всех. Несомненно, ритм, или цикл, – один из важнейших процессов нашего Мира (физический, биологический, экономический, социальный, космический ритм). Как известно из математики, любую функцию можно разложить в бесконечный ряд Фурье с соответствующими периодом и амплитудой:

$$f(x) = \sum_{k=-\infty}^{+\infty} \hat{f}_k e^{i 2\pi \frac{k}{T} x},$$

здесь \hat{f}_k – k-я комплексная амплитуда. А вот выбор циклов, амплитуд и частот – дело биологов, физиков, экономистов, историков, астрономов, поэтов, религиозных деятелей. Хорошо известны частоты звуковых и электромагнитных волн, сердечные

и суточные ритмы («...Желудок – верный наш Брегет»), «эпилептические» ритмы курсов валют на бирже, смены рабовладельческих, феодальных и прочих строев, вращение планет вокруг Солнца, Солнца – вокруг центра Галактики, начало и конец Вселенной («Дыхание Брахмы», или, как говорят наши студенты, «раз в сто двенадцать миллиардов лет физики Вселенной собираются вместе и строят Большой адронный коллайдер»).

Вообще, методология познания – это, пожалуй, главный способ ориентации человеческой цивилизации в окружающем мире. По большому счету, существуют три основных группы методов познания – наука, искусство и религия, хотя хронологически их необходимо расположить в обратном порядке. И совсем неочевидно, как их следует расположить по объему и важности полученных с помощью этих методов знаний. Каждая из групп обладает своим пространственно-временным масштабом, приоритетным предметом исследования и набором инструментов познания. Принято считать, что в основе науки лежит исследование законов природы при помощи, главным образом, логических умозаключений. Искусство отражает внешний и внутренний мир человека путем чувственных и интуитивных образов, создания произведений литературы, живописи, музыки, скульптуры, архитектуры на основе цельного восприятия. В основе религии лежит вера в божественный миропорядок и поиски путей спасения человечества. Известно, в какой бы области ни работал человек, будучи ученым, художником или религиозным деятелем, – он участвует в процессе творчества, сопровождающегося особым душевным подъемом, вдохновением, озарением, чувством проникновения в суть проблемы. Особенно впечатляюще выглядят результаты деятельности особо талантливых людей, сочетающих в себе таланты различных областей творчества. Всем известны шедевры искусства, с одной стороны, и научные открытия и изобретения, на века опередившие свою эпоху, созданные Леонардо да Винчи, – с другой. В этот же ряд можно поставить имена М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина, П.А. Флоренского. Кстати, до сих пор не расшифрованный до конца архив Леонардо да Винчи оценивается в сумму порядка десяти миллиардов долларов.

Леонардо да Винчи

Мона Лиза

Биографы выдающихся физиков XX в. сомневаются, что Альберт Эйнштейн смог бы создать теорию относительности без его страстного увлечения музыкой. А Нильс Бор смог разгадать тайну Периодической системы химических элементов Менделеева без увлечения мистикой восточных религиозно-философских учений. Начав с подробного изучения физических явлений, создатели современной физики в своих выводах неизбежно приходят к духовным материям. Открытия А. Эйнштейна, Э. Шредингера, Н. Бора, В. Гейзенberга находят опору в древних философских трактатах буддизма. Ученые были поражены, обнаружив множество параллелей в философии буддизма и

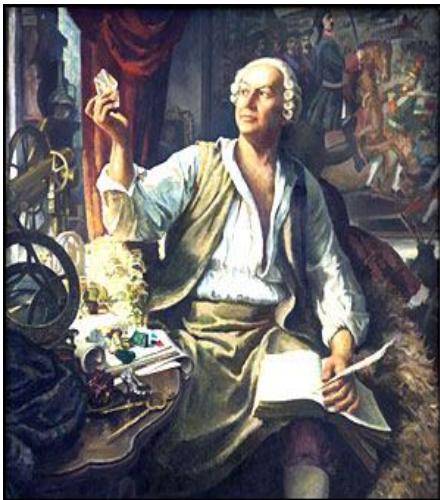
Схема летательного аппарата

современной физике [2]. Это дает право Эйнштейну утверждать: «Религия будущего будет космической религией. Она должна будет преодолеть представление о Боге как личности, а также избежать догм и теологии. Охватывая и природу, и дух, она будет основываться на религиозном чувстве, возникающем из переживания осмыслиемого единства всех вещей – и природных, и духовных. Такому описанию соответствует буддизм. Если и есть религия, которая сможет удовлетворять современным научным потребностям, – это буддизм».

Повергнувший в шок научную общественность первой половины XX столетия эффект квантовой механики – дуализм волны и частицы, сформулированный в виде шутливого парадокса «кошки Шредингера» (кошка в радиоактивном ящике одновременно и жива, и мертва, и вне себя от ярости), до сих пор волнует общественность, хотя ответ был известен в глубокой древности и в религии, и в поэзии: «Люди делятся на три вида: живые, мертвые и те, что плавают по морю» (*Скиф Анахарсис*).

А теперь о взаимовлиянии науки и искусства. Если достижения Ломоносова в науке и искусстве каждому русскому известны еще со школьной скамьи, то в меньшей степени известны многочисленные в поэтической форме, удивительно точно описанные Пушкиным, различные природные явления и методы их познания. Пушкина часто называют русским пророком.

Выведенные в эпиграф пять строчек Пушкина сакральным образом вмещают в себя всю методологию современного научного познания, которая за многотысячелетнюю историю своего существования, от Аристотеля до наших дней, отразилась в тысячах томах. Это экспериментальным путем добытые знания, в широком понимании слова «Опыт», – наиболее трудоемкая и ответственная часть познания, α и ω любой теории от первонаучальных наблюдений до момента «практики – критерия истины». Любая физическая теория изобилует Парадоксами, начиная от апорий Зенона («Ахиллес и черепаха», «Дихотомия», «Стрела» и др.). В современной физике это известные парадоксы Даламбера в гидродинамике, парадоксы теории относительности Эйнштейна и квантовой физики Планка, уже упомянутая «кошка Шредингера». Среди парадоксов современной физики широко известны такие: «могут ли далекие друг от друга события

Михаил Ломоносов

ГРАММАТИКА.
Я́БО,
съзéнїе Пи́гмeна, хотѣ
ши мъгъ оучити Слове́нь
скаго языка. Младолѣбны
Отро́чатомъ.

В Ильин, Рок, А. Х. ка.

Учебник русской грамматики

влиять друг на друга»; «путешествие во времени»; «парадокс убитого дедушки» и др.

В общем, парадокс – это своеобразный указатель точки основания новой теории, с чем мы постоянно сталкиваемся в современной физике. Да и вся современная физика является следствием разрешения ньютоновских парадоксов абсолютности пространственно-временного континуума и независимости наблюдателя от исследуемого явления. Случайные события, лежащие в основе теории вероятности, нарушают жесткую аристотелевскую причинно-следственную логику классического математического анализа. Здесь одной причине соответствует целый веер выбираемых с

Панно «Полтавская баталия»

Пушкин – русский пророк

Атаман Д.Е. Кутейников

плотностью вероятности $p(t, x)$ следствий. А все функции классической математики $f(t)$ являются математическими ожиданиями случайных величин, распределенных с плотностью вероятности $p(t, x)$:

$$f(t) = \int_{-\infty}^{+\infty} x \cdot p(t, x) dx$$

Более того, целый раздел современной физики – квантовая механика – в соответствии с принципом неопределенности Гейзенberга: $\Delta X \cdot \Delta V = \frac{h}{m}$, по которому у объекта исследования невозможно одновременно знать точно и положение в пространстве, и скорость. А основное уравнение квантовой механики, каким в классической механике является II закон Ньютона, описывается уравнением Шредингера для волновой функции распределения вероятности ψ :

$$\frac{d^2\psi}{dx^2} + \frac{8\pi^2 m}{h^2} \cdot (E - U) \cdot \psi = 0$$

здесь x – расстояние, h – постоянная Планка, а m , E и U – соответственно масса, полная и потенциальная энергии частицы.

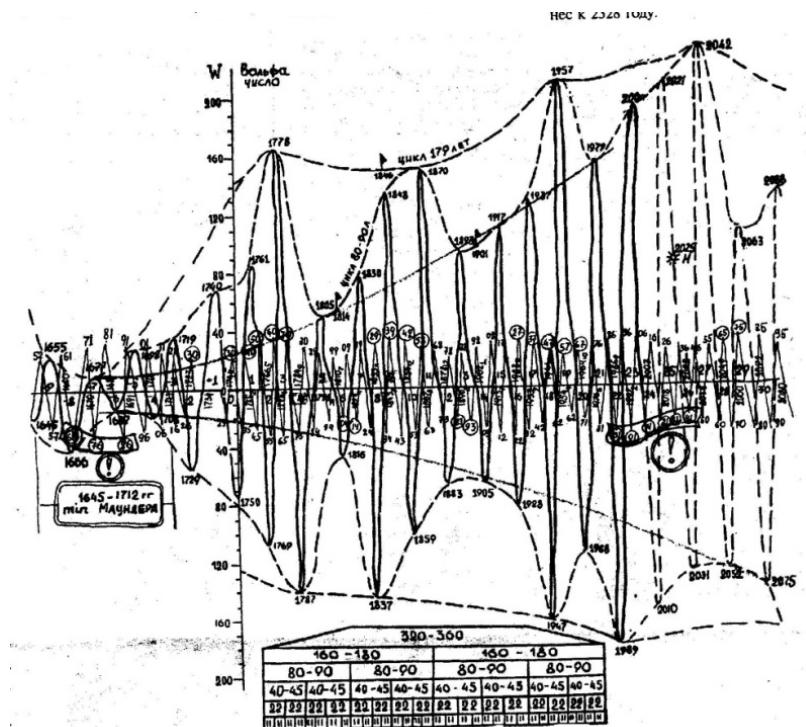
Дьявольские рисунки Пушкина [4]

Вообще, теория вероятности включает в себя классическую математику, как современная физика включает в себя механику Ньютона. Существует устойчивая легенда (скорее, реальный факт) о тайной поездке Пушкина на Дон в 1829 г., то есть за несколько лет до своей трагической гибели. Там, в Таганроге, он вручил своему другу атаману Войска Донского Дмитрию Ефимовичу Кутейникову свой архив с завещанием вскрыть его через 150 лет. Семейство атамана героически хранило архив на протяжении всего этого бурного и трагического отрезка русской истории.

И в 1979 г. он был вскрыт. К сожалению, из-за конфликта между потомками атамана и Пушкинским Домом, где, по сути, и должен храниться тайный архив Пушкина, о содержании архива мы можем судить лишь по публикациям последнего хранителя архива из рода атамана Ивана Рыбкина. По его словам, в архиве есть места, где в символической форме излагаются взгляды на пространство, время, движение, устройство Вселенной, которые, без преувеличения, можно интерпретировать как идеи современной физики [1].

Секция 9

На нижеследующем рисунке представлена «Космология Пушкина» (в интерпретации Рыбкина). Показаны хорошо известные 11-летние циклы солнечной активности в числах Вольфа, рефлексивно переходящие в циклы более высоких порядков [там же].

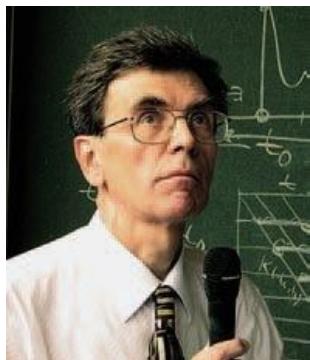
Но и без Рыбкина и его интерпретаций архива, из собрания сочинений очевидно, что Пушкин тонко ощущал ритмы биологических, физических и социальных процессов.

Примеры яркого сочетания научной и художественной деятельности можно привести и из современной жизни, например известные ученые академики физик Дмитрий Блохинцев и математик Анатолий Фоменко.

Секция 9

Академик Дмитрий Блохинцев и его картины

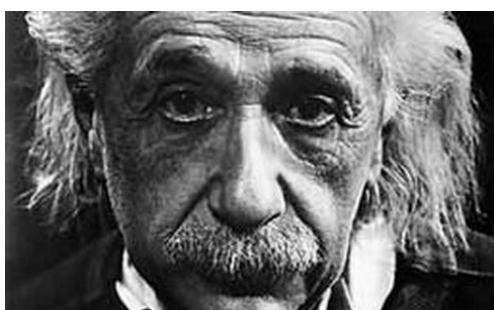

Академик Анатолий Фоменко и его картины

Еще более тесная связь прослеживается между двумя современными науками: лингвистикой и физикой. В частности, совершенные в начале прошлого века открытия Эйнштейна подорвали сразу два незыблемых принципа, по которым человеческая цивилизация на протяжении тысячелетий постигала окружающую природу.

В рафинированном виде эти принципы в 1687 г. сформулированы И. Ньютоном [3]. Это – абсолютность пространственно-временного континуума и независимость от наблюдателя исследуемых явлений. Лингвистика – наука о естественном человеческом языке вообще и обо всех языках мира, как существовавших в прошлом, так и возможных в будущем, наука более тонкая и чуткая, чем физика, – изначально положила в основу принципы современной физики – вмешательство исследователя в объект исследования. Лингвистика, так же как и квантовая механика, не отделяет субъект познания (то есть психику лингвиста) от объекта познания (то есть от изучаемого языка), особенно если лингвист изучает свой родной язык. Так же как и в методологии физики, лингвистика включает: наблюдение; регистрацию и описание фактов речи; выдвижение гипотез для объяснения этих фактов; формулировку гипотез в виде теорий и моделей, описывающих язык; их экспериментальную проверку; прогнозирование речевого поведения. Объяснение фактов бывает внутренним (через языковые же факты) либо внешним (через факты физиологические, психологоческие, логические или социальные). Ну и, конечно, в прикладных областях и физики и лингвистики используются методы современной вычислительной техники и прикладной математики.

В заключение представляется уместным привести слова Эйнштейна:

«Наиболее выдающиеся открытия в физике были сделаны путем установления аналогий между, казалось бы, не связанными между собой явлениями».

Список литературы

1. Дода, А. «Нам просвещенье не пристало...» / А. Дода // Историческая газета. – 1998. – Окт.
2. Нискер, В. Безумная мудрость / Вэс Нискер. – СПб. : Питер, 2000. – 204 с. – (Сам себе психолог).
3. Ньютона, И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютона ; пер. с лат. и comment. А. Н. Крылова ; предисл. Л. С. Полака. – М. : «Наука», 1989. – 704 с. – (Серия «Классики науки»).
4. Чудинов, В. А. Дьявольские рисунки Пушкина / В. А. Чудинов. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://chudinov.ru/pushkin/>. – Загл. с экрана.

Секция 10

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ ЦЫГАН СРЕДИ ЭМИГРАНТОВ В ШАНХАЕ В 20–40-е ГОДЫ XX ВЕКА

У. Яньцю

*Аспирантка кафедры истории
Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток, Россия*

Аннотация. В статье раскрыты особенности жизни цыган среди эмигрантов в Шанхае.

Abstract. The article reveals the peculiarities of the life of the Roma among the emigrants in Shanghai.

关键词：吉普赛人，俄罗斯

Ключевые слова: цыгане; эмигранты, Шанхай, исторические особенности.

Keywords: Roma; the emigrants, Shanghai, historical features.

Цыгане скитались с детства, не любили долго жить на одном месте, поэтому они переезжали на юг, в Шанхай – через Тяньцзинь, Циндао и т. д. Может быть, Шанхай являлся «небесным раем» для них. Согласно статистике, в 1942 г. в Шанхае было более 400 цыган. К 1944 г. численность цыган уменьшилась до 200 человек. Многие из них жили в дешевых домах вокруг французского поселения.

Ранние цыгане в Шанхае принадлежали 3 семействам, между ними часто возникали непостижимого размера конфликты.

Секция 10

Издавна у цыган было 3 социальных класса, они занимались делами в разных сферах, не сотрудничали друг с другом.

Цыгане никогда не интересовались политикой. Их волновали только внимание цыганского императора и карнавал, который цыгане проводили ежегодно в равнине Камг в Швеции. Вначале цыганский базовый лагерь был на Востоке, впоследствии они переселились на рубеж между Россией и Польшей. По преданию цыган, после Страданий Иисуса, когда Богородица Мария и другие девушки сошли на берег, в их числе была девушка с черной кожей – и все цыгане считали себя ее потомками. Поэтому они ежегодно приезжали на это место и торжественно отмечали историческое событие – танцевали и пели.

Цыгане составляли нижние слои общества. Они были бедными, необразованными, не имели работы, жили недолго. Но их народность отличалась высокой рождаемостью.

Они от природы имели музыкальную одаренность, поэтому в Шанхае было много цыганских танцовщиков, певцов и музыкантов, они активизировались в клубах и пользовались большой популярностью.

В конце 30-х гг. в западном участке Сяфэйлу в Шанхае цыгане открыли дваочных клуба с песенным и танцевальным залами, где и выступали.

Большинство цыган в Шанхае умели говорить по-русски и соблюдали православные традиции.

Список литературы

1. Cjnnercial Press. – 1999. – Aug. 12.
2. Cosmos. – 2001. – May 20.
3. Ван Чжичэн. Жизнь русской эмиграции в современном Шанхае / Ван Чжичэн ; предисл. Л. П. Черниковой ; пер. с кит. Пань Чэнлонга, Сао Хуэйчжуна [и др.]. – М. : Рус. путь, 2008. – 576 с. – (Б-ка «Фонд «Русское Зарубежье»).
4. Shanghai Street Directjry. – Shanghai, 1939.

Секция 11

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

ЗАРОЖДЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ПЕЙЗАЖНОГО ЖАНРА В КОРЕЙСКОМ ИСКУССТВЕ СО ВРЕМЕН ТРЕХ ГОСУДАРСТВ (I в. до н. э. – VII в. н. э.) ДО КОНЦА ПЕРИОДА КОРЁ (918–1392)

Ю. И. Гутарёва

*Соискатель кафедры зарубежного искусства
Российской академии художеств ФГБОУ ВПО
«Санкт-Петербургский государственный академический
институт живописи, скульптуры и архитектуры
имени И. Е. Репина», г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются истоки возникновения и становления пейзажного жанра в корейском искусстве в ранний исторический период начиная с первых веков н.э. и до конца XIV века. Анализируются художественные памятники, наиболее ярко отразившие формирование и развитие пейзажа в корейском изобразительном искусстве в рассмотренный период. В конце статьи делается вывод.

Abstract. The article is devoted to the origins of appearance and development of the landscape genre in Korean art in the early historical period starting from the first centuries B. C. to the end of the XIV century. It was analyzed artistic monuments, most clearly reflecting the formation and development of the landscape in the Korean fine art in the considered period. It was made the conclusion about the content of the article.

Ключевые слова: корейская живопись, пейзаж, Китай, Корея, Когурё, Силла, Корё.

Key words: Korean painting, landscape, China, Korea, Goguryeo, Silla, Goryeo.

Корея, издревле славившаяся своей красотой и разнообразием природы, по праву заслужившая свое поэтическое название «пейзаж, вышитый на шелке», не могла обойти вниманием в своем национальном искусстве пейзажный жанр, являющийся традиционным для стран дальневосточного ареала.

Следует отметить, что самобытный характер корейского пейзажа складывался и кристаллизовался под влиянием различных факторов в процессе сложного взаимодействия с соседними культурами. Благодаря своему особому географическому расположению, Корея с древности участвовала в общем процессе взаимопроникновения религиозно-философских идей и знаний, на протяжении многих веков вбирая в себя культурные традиции близлежащих стран, прежде всего Китая, которые являлись не простым механическим заимствованием, а становились самобытно-национальными, растворяясь на корейской почве. Взятые извне эстетические нормативы «послужили своего рода исходной базой для многообразных собственных творческих решений; попадая в другую историческую обстановку, они обретали иное звучание, иную выразительность и соотнесенность со всем местным жизненным окружением» [2, с. 177].

Однако на фоне общеизвестного признания китайского и японского пейзажных жанров, корейский пейзаж, все еще оставаясь малоисследованной областью в истории искусства, зачастую продолжает рассматриваться как продолжение китайской пейзажной традиции. Отчасти это объясняется тем фактом, что занимавшая промежуточное пространство между такими государствами, как Китай и Япония, довольно рано привлекшими мировых исследователей своими достижениями в области дальневосточной культуры и искусства, Корея вплоть до конца XIX в. оставалась страной, изолированной от внешнего мира, и находилась в их тени. Немаловажным остается также тот факт, что «в ходе драматической истории Кореи, пережившей немало военных вторжений, значительное число памятников ее культуры было безвозвратно утрачено» [6, с. 11]. Особенно сильно пострадали образцы корейской живописи ранних исторических

эпох, невосполнимые потери которых создают определенные трудности в определении истоков и путей формирования корейского пейзажного жанра. Но даже редкие, уцелевшие источники свидетельствуют не только о впитывании китайской пейзажной традиции, но и демонстрируют зарождение и развитие самобытных элементов в корейском пейзаже.

Сложившийся стереотип о корейской живописи, которую долгое время считали только продолжением китайской, не имеющей собственных начал и истории, был окончательно разрушен в двадцатые годы прошлого века, с открытием древней настенной живописи в захоронениях, датируемых периодом Трех государств (I в. до н. э. – VII в. н. э.), которая была по достоинству оценена исследователями: «по мастерству исполнения эти росписи не имеют себе равных на Дальнем Востоке» [7, с. 2]. Зародившись в общем русле восточноазиатской монументальной живописи раннего Средневековья, погребальная фресковая живопись гробниц Когурё отличается самобытностью исполнения, что позволило специалистам выделить *когурёскую* школу, характеризующуюся богатой и разнообразной тематикой: погребальные портреты, жанровые композиции, где «в качестве фона появляются элементы пейзажа» [5, с. 104]. Так, в росписи из гробницы «Муёнчжон» («Гробница с танцующими») (ил. 1) в представленную сцену охоты включаются стилизованные изображения горных массивов. Масштабные соотношения фигур и упрощенного горного ландшафта еще далеки от пропорциональности, но важны зарождающимся интересом к изображению окружающей среды. Высокий уровень погребальных когурёских фресок заставляет предположить значительное развитие станковой живописи, а тот факт, что художников Когурё и Пэкче приглашали в Японию, является свидетельством тех значительных успехов, которых достигла корейская живопись в эпоху Трех государств [3, с. 28]. Выступив первыми созидаелями и распространителями культурных традиций Кореи, «когурёцы заложили первый прочный фундамент корейской национальной культуры» [2, с. 183] и проложили дорогу для развития корейской живописи.

Иллюстрация 1. Сцена охоты. Фрагмент на западной стене гробницы «Муёнчжон» («Гробница с танцующими»).
V в., Чиань, Китай

Большая часть Корейского полуострова, поделенная между тремя царствами: Когурё, Пэкче, Силла, – оказывается объединенной в VII в. под властью последнего, опиравшегося в своей политике на усиление воспринятого из Китая буддизма, способствующего развитию корейского искусства в Объединенном Силла (середина XVII – начало X в.) в рамках буддийского канона. С возникновением нового государства Корё (918–1392) покровительство, оказываемое буддизму со стороны правящей династии, сохранилось и привело к формированию элегантного корёского «аристократического» стиля [10, с. 48], особенно ярко проявившегося в буддийской живописи (*пульхва*), в которой тонкая и грациозная манера письма соответствует вкусам придворного искусства, но в то же время в ней отчетливо «ощущается примитивная сила, унаследованная от местной корейской художественной традиции» [8, с. 141].

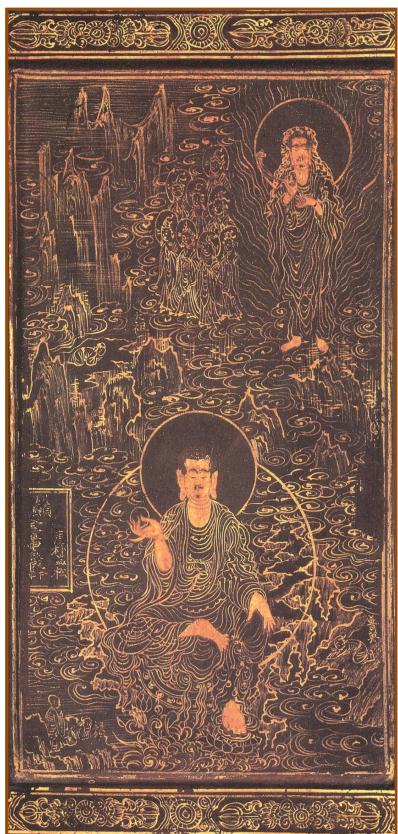

Иллюстрация 2.

Но Ён. Бодхисаттва Кситигарбха, 1307. Лакированная поверхность, золотой пигмент. 22,5×13 см.
Национальный музей Кореи,
г. Сеул

право видеть в этом памятнике продолжение традиций корейской живописи государства Силла, отличающейся своей тонкостью и изысканностью» [9, с. 51].

Несмотря на религиозный аспект, присущий *пульхва*, изысканный живописный стиль эпохи Корё нередко использовался

в светских свитках корейскими пейзажистами и в последующую эпоху Чосон (1392–1910), когда корейская пейзажная живопись достигла своей зрелости. Характерным примером выступает пейзаж И (Ли) Чина (1581 – после 1643), относящийся к первой половине XVII века (ил. 3).

Иллюстрация 3.
И (Ли) Чин (1581 – после 1643).
Нагымсанудо (Золотой пейзаж).
Первая половина XVII в.
Шелк, краски с золотым пигментом
по шелку. 87,8×61,2 см.
Национальный музей Кореи,
г. Сеул.

Наряду с буддийской живописью Корё, характерные тенденции искусства этого периода, когда «становятся заметными уже не только связь с буддийской культурой, но и влияние даосского учения» [1, с. 36], нашли свое отражение в керамике и изделиях художественного металла. Одним из высоких образцов прикладного искусства является бронзовая *кундика* из коллекции Национального музея Кореи. Созданный на ней инкрустацией серебром весенний пейзаж (ил. 4) отличается трепетностью эмоций и обостренной лиричностью, что выдает даосские устремления.

Философско-эстетические теории пейзажной живописи, сформулированные китайскими мыслителями, проникают в высшие круги корёского общества, где при дворе учреждаются особые ведомства, на манер китайской Академии живописи *Toхвавон* (Палата рисунков и картин) и *Хвагуг* (Управление картин, занимающееся вопросами изобразительного искусства).

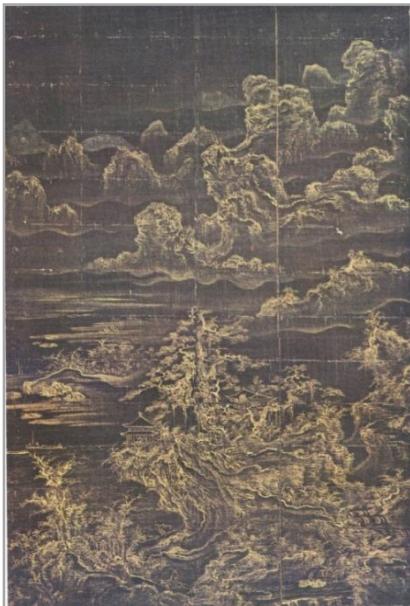

Иллюстрация 4. Кундика.
Корё, 1010. Бронза, инкрустация
серебром. Высота 37,5 см.
Национальное сокровище № 92.
Национальный музей Кореи,
г. Сеул

димой для конкретизации сюжета. На уцелевшем фрагменте произведения изображение природной среды уже органично по своей сути и играет важную роль в отображении реальности представленной сцены охоты. В живописи, исполненной тушью в тщательной манере с применением красок на минеральной основе, чувствуется влияние живописной традиции танской эпохи Китая, в целом характеризующейся бытописательными тенденциями, где природа выступает, главным образом, как сфера деятельности человека, отличаясь яркими цветовыми отношениями и многочисленными деталями.

Под влиянием китайской живописной традиции, подкрепленным идеями конфуцианства, в эпоху Корё складывается типичная форма станковой живописи в виде свитков – вертикального, служившего для украшения стен парадных комнат, и горизонтального типа – для рассматривания на столе [4, с. 115]. Один из самых ранних свитков (чудом уцелевший и плохой сохранности), приписываемый правителю Конмин вану (1351–1374 годы правления), «Чхонсандэрёбдо» («Охота в Небесных горах») (ил. 5) дает возможность «оценить и прочувствовать стиль светской живописи художников Корё» [12, с. 138]. Несмотря на очевидные утраты и трудность в восприятии полной сцены, произведение Конмин вана показывает, как заметно расширился интерес к повествовательному изображению реальной природной действительности, необходимой для конкретизации сюжета. На уцелевшем фрагменте произведения изображение природной среды уже органично по своей сути и играет важную роль в отображении реальности представленной сцены охоты. В живописи, исполненной тушью в тщательной манере с применением красок на минеральной основе, чувствуется влияние живописной традиции танской эпохи Китая, в целом характеризующейся бытописательными тенденциями, где природа выступает, главным образом, как сфера деятельности человека, отличаясь яркими цветовыми отношениями и многочисленными деталями.

Иллюстрация 5. Конмин ван
(1351–1374 годы правления).
Чхонсандэрёбдо
(Охота в Небесных горах). XIV в.
Шелк, тушь, краски
на минеральной основе.
22,5×25 см.
Национальный музей Кореи,
г. Сеул

Другой пейзаж периода Ко-рё «Кимадокандо» («Всадники, переходящие реку») (ил. 6) исследователи связывают с именем ученого той эпохи И (Ли) Чехёна (1287–1367), известного своими дружественными связями с прославленными

юаньскими живописцами, влияние творчества которых в данном свитке очевидно. Преобладающая роль принадлежит цвету и линии, характеризующейся тонкой проработкой деталей, что также отсылает к особенностям танской живописи и стилю *Ли-Го*. Но, в отличие от рассматриваемых выше произведений, выступающие в свитке фоном, заснеженные горные вершины, деревья и замерзшая река играют важную роль в раскрытии содержания свитка, выражении эмоционального состояния «безмолвности зимнего дня, скованного морозом и покрытого саваном снежного покрова» [11, с. 70]. Скудность сведений об источниках зарождения корейской живописи крайне затрудняет изучение корейского пейзажа, не позволяя делать обоснованные выводы о путях его развития. Безусловно, уцелевшие памятники не могут дать ясного представления о состоянии пейзажной живописи ранних эпох в истории искусства Кореи, «но все же они позволяют говорить о ее значительных достижениях» [4, с. 116].

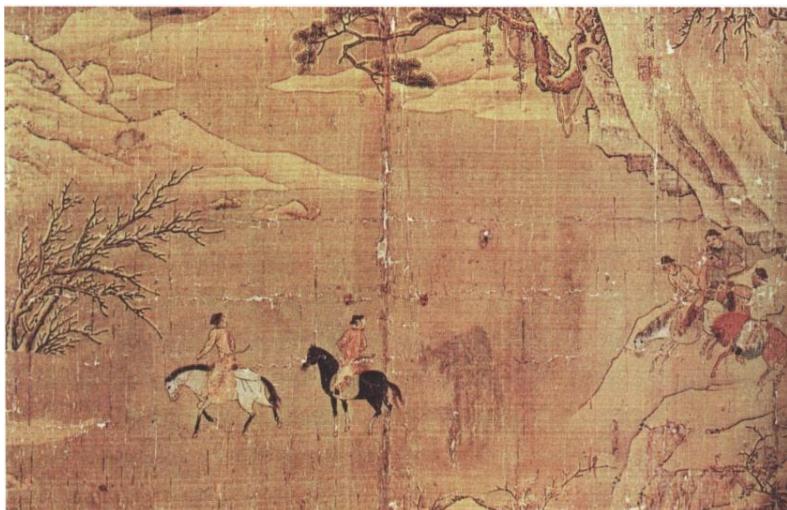

Иллюстрация 6. И (Ли) Чхён (1287–1367). *Кимадокандо*
(Всадники, переходящие реку). XIV в. Шелк, тушь, краски
на минеральной основе. 28,8×43,9 см. Национальный музей Кореи,
г. Сеул

Хотя в живописных произведениях корейских художников рассмотренного периода природа еще не является центральным объектом: отдельные элементы природной среды, такие, как деревья, горы и водные пространства, включаются еще лишь только для конкретизации сюжета; изображение реальной действительности теснейшим образом переплетается с фантастическими сюжетами буддийских тем или подразумевается как ареана действия персонажей. Однако очевидна эволюция в приобретении ее доминирующего значения, которого она достигнет в эпоху Чосон (1392–1910), когда пейзаж станет одним из подлинно ведущих жанров корейской живописи и достигнет блистательных высот в искусстве Кореи.

Рассмотренный исторический период с его особым восприятием искусства и всей подготовившей его эстетикой первых столетий нашей эры явился преддверием подлинного расцвета пейзажной живописи следующих веков, временем, когда философско-эстетические вопросы, сосредоточенные вокруг приро-

ды, впервые получили широкие возможности своего воплощения в корейском искусстве.

Список литературы

1. «Ветер в соснах...» : 5 000 лет корейского искусства : каталог выставки / науч. ред. Т. Б. Арапова. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. – 304 с.
2. Виноградова, Н. А. Китай. Корея. Япония: образ мира в искусстве / Н. А. Виноградова. – М. : Прогресс-Традиция, 2010. – 288 с.
3. Воробьев, М. В. Очерки культуры Кореи / М. В. Воробьев. – СПб. : Изд-во Рос. акад. наук, 2002. –182 с.
4. Глухарева, О. Н. Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века / О. Н. Глухарева. – М. : Искусство, 1982. – 255 с.
5. Джарылгасинова, Р. Немеркнутая красота росписей государства Когурё / Роза Джарылгасинова // Восточная коллекция. – 2007. – Зима. – С. 98–107.
6. Елисеева, И. А. Искусство и культура Кореи : Путеводитель по постоянной экспозиции / И. А. Елисеева. – М. : Гос. музей Востока, 2010. – 160 с.
7. История Пхеньяна и его древние памятники. – Пхеньян : Изд-во лит. на иностр. яз., 1987. – 2 с.
8. Фишер, Р. Е. Искусство буддизма / Роберт Е. Фишер. – М. : СЛОВО/SLOVO, 2001. – 224 с.
9. Lee, Dongjy. The beauty of old Korean paintings : A history and an appreciation / Dongjy Lee. – Seoul : Saffron books, 2004. – 208 p.
10. Mun, Myong-dae. Koryo Buddhist painting : A mirror of religious values and aristocratic tastes / Myong-dae Mun // Korean cultural heritage. – Fine Arts. – Seoul : Samsung Moonhwa Painting, 1994. – Vol. 1. – P. 48–53.
11. Park, Youngdae. Essential Korean art : From prehistory to the Joseon Period / Youngdae Park. – Seoul : Hyeonamsa publishing Co., Ltd, 2004. – 416 p.
12. 정병모. 문화의 새로운세기를 여는.-서울:도서출판 예경, 2001. 전1권. – 323쪽. (Чон, Пёнмо. Очерки о корейской живописи: новый взгляд / Пёнмо Чон. – Сеул : Тосочхульпхан егён, 2001. – Т. 1. – 323 с.).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Васильева М. В.</i>	
ПРЕДИСЛОВИЕ	3
 Секция 1	
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ. МЕТОДОЛОГИЯ	
И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	
<i>Кораблева С. Ю.</i>	
К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОШИБКЕ И ОСОЗНАНИЮ ПРОТИВОПРАВНОСТИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	5
<i>Бахаева А. В.</i>	
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОМИНИРУЮЩИМ ПОЛОЖЕНИЕМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ США И РОССИИ	17
<i>Булах Е. В.</i>	
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК СУБЪЕКТА МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	29
 Секция 2	
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Жаданов Ю. А.</i>	
ОСОБЕННОСТИ ФЕМИНИСТСКОЙ УТОПИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	39
<i>Сердюкова О. И.</i>	
НОВАТОРСТВО Э. БЁРДЖЕССА В РАЗВИТИИ ЖАНРА АНТИУТОПИИ.....	49
<i>Бекбергенова З. У.</i>	
К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РОЛИ МОНОЛОГА В КАРАКАЛПАКСКОЙ ПРОЗЕ	59
<i>Шостак О. Г.</i>	
ХРИСТИАНСКОЕ РУСЛО ВОСПРИЯТИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ КАРЕН ЛУИЗ ЭРДРИЧ (<i>На англ. яз.</i>)	69

Содержание

Бегаль Е. В.

- РОЛЬ МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ В ОПТИМИЗАЦИИ
РАБОТЫ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ДИАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ 78

Чернухина М. А.

- «МОСКОВСКИЙ ХРОНОТОП» В ТВОРЧЕСТВЕ
М. И. ЦВЕТАЕВОЙ 89

Бейсенова Ж. С.

- ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
АНАЛИЗА И ИЗУЧЕНИЯ ОТРАСЛЕВЫХ ТЕРМИНОЛОГИЙ
РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ:
ЭВОЛЮЦИЯ ПРОБЛЕМ И АСПЕКТОВ 96

Секция 3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Корнеенков С. С.

- МОТИВЫ ЖИЗНEDEЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
В ИЗМЕНЕННОМ СОСТОЯНИИ СОЗНАНИЯ 110

Мачехина Е. А.

- РЕКОНСТРУКЦИЯ СИТУАЦИЙ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА:
ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОЦЕДУРЫ 123

Баскакова Н. В., Очирова В. Б., Амерзянов Р. М.

- СМЕНА ГЕРОЕВ
НА ПОСТСОВЕТСКИХ КИНО- И ТЕЛЕЭКРАНАХ
В СВЕТЕ СИСТЕМНО-ВЕКТОРНОЙ ПСИХОЛОГИИ
ЮРИЯ БУРЛНА 137

Секция 4

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Завьялова Н. В.

- ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ 151

Содержание

Богданова И. Н., Иванова М. С. ОСОБЕННОСТИ МАРГИНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСТВА.....	159
Ивашиова В. А., Федыкова Т. В., Дуб Г. В. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПЕРСОНАЛА ТРУДОМ (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА).....	171
Секция 5	
ПОЛИТИКОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
Кулябцева В. Н., Сидаков А. М., Урчукова С. Р. ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА КАК СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	182
Данилов Д. С. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО И УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ.....	191
Дубинкина Т. Ю. СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ	207
Секция 6	
МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Ақанбай Н., Есимова Ж. И., Исмайлова Ж. А., Коныркулжасева М. Н. ОБ ОДНОМ ПРИМЕНЕНИИ СТРОГО МАРКОВСКОГО СВОЙСТВА ВИНЕРОВСКОГО ПРОЦЕССА	216

Содержание

Секция 7

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ. МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: МЕТОДИКИ, ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ

Мутин Д. И.

УПРАВЛЕНИЕ ГЕТЕРОГЕННЫМИ ДАННЫМИ
В МЕДИЦИНСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ
НА ОСНОВЕ XML-ТЕХНОЛОГИЙ 221

Коньков Д. Г.

АНАЛИЗ КЛИНИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА
БЕРЕМЕННОСТЕЙ, ОСЛОЖНИВШИХСЯ
ПЕРИНАТАЛЬНОЙ ПОТЕРЕЙ 238

Таран О. А.

КРЕАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ В ЛЕЧЕНИИ
ЦЕРВИКАЛЬНОЙ ИНТРАЭПИТЕЛИАЛЬНОЙ НЕОПЛАЗИИ.... 248

Манрикян М. Е.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИНДИКАТОРЫ
СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ ЕРЕВАНА 258

Горбачёва М. В.

ЖИР АФРИКАНСКОГО СТРАУСА
КАК НОВЫЙ ЭМОЛЕНТ В ПРОИЗВОДСТВЕ
КОСМЕТИЧЕСКОЙ КРЕМОВОЙ ЭМУЛЬСИИ..... 269

Горбачев Д. В., Кононова М. В.

ВИДЕНИЕ ПРОЕКТА СИСТЕМЫ
ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ И РЕМОНТА
ЛЕЧЕБНО-ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ 278

Секция 8

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Трифонова Ю. А.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ФОРМЫ РАБОТЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ
СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА..... 286

Содержание

Никитовская Г. В.

- УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ
ПЕДАГОГА С ПОЗИЦИИ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА 295

Новопольцева К. А.

- СОЗДАНИЕ ИНТЕГРАТИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ
ДОШКОЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ И НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ
ГИМНАЗИИ 304

Секция 9

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Хлопков Ю. И., Зея Мью Мьянт, Агаева Илаха, Хлопков А. Ю.

- ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВ, НАУКИ,
ИСКУССТВА И РЕЛИГИИ 314

Секция 10

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Яньцю У.

- ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ ЦЫГАН
СРЕДИ ЭМИГРАНТОВ В ШАНХАЕ
В 20–40-е ГОДЫ XX ВЕКА 326

Секция 11

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

Гутарёва Ю. И.

- ЗАРОЖДЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ПЕЙЗАЖНОГО ЖАНРА
В КОРЕЙСКОМ ИСКУССТВЕ
СО ВРЕМЕН ТРЕХ ГОСУДАРСТВ (I в. до н. э. – VII в. н. э.)
ДО КОНЦА ПЕРИОДА КОРЁ (918–1392) 328

Н34 **Научная** дискуссия: вопросы юриспруденции, филологии, социологии, политологии, философии, педагогики, психологии, истории, математики, медицины, искусства и архитектуры [Текст] : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 14 дек. 2013 г. / АНО содействия развитию соврем. отечеств. науки **Изд. дом «Научное обозрение»** ; редкол.: М. В. Васильева [и др.] ; авт. предисл. М. В. Васильева. – М. : ООО «Буки Веди», 2013. – 343 с.

ISBN 978-5-4465-0322-3

В книгу вошли доклады участников Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы юриспруденции, филологии, социологии, политологии, философии, педагогики, психологии, истории, математики, медицины, искусства и архитектуры», проходившей в г. Москве 14 декабря 2013 года.

УДК 5(082)+61(082)+3(082)+80(082)+1(082)

ББК 2я43+5я43+6я43+74я43+8я43

Научное издание

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ:
вопросы юриспруденции, филологии, социологии, политологии,
философии, педагогики, психологии, истории,
математики, медицины, искусства и архитектуры

*Материалы Международной научно-практической конференции
г. Москва, 14 декабря 2013 г.*

Автономная некоммерческая организация содействия развитию современной отечественной науки **Издательский дом «Научное обозрение»** 127051 г. Москва, пер. Сухаревский М., д. 9, стр. 1, офис 56а.

Ст. метро «Трубная» или «Цветной бульвар».

Тел./факс: 8 (499) 638-47-04. E-mail: russian-science@mail.ru

Ответственный за выпуск *M.B. Васильева*
Компьютерная верстка *H.A. Кашук*. Корректура *O.C. Кашук*

Подписано в печать 16.12.2013 г. Формат 60×84/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 19,94. Уч.-изд. л. 21,44. Тираж 500 экз. Заказ 9211.

ООО «БУКИ ВЕДИ»
105066 г. Москва, ул. Новорязанская, д. 38, стр. 1, пом. IV.
Тел: +7 (495) 926 63 96. E-mail: info@bukivedi.com ; www.bukivedi.com